

**ОТ ПЕРМИ ДО ИЕРУСАЛИМА:
ПУТЬ И ПОДВИГ Д. Д. СМЫШЛЯЕВА.
К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Материалы церковно-научной конференции
Пермь, 26 марта 2008 года

Издание
Пермского отделения
Императорского Православного
Палестинского общества
2012

Место погребения Д. Д. Смышляева под алтарем Всехсвятского храма г. Перми

На церковно-научной конференции
«От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д. Д. Смышляева», г. Пермь, 26 марта 2008 г.

ОТ ПЕРМИ ДО ИЕРУСАЛИМА:
ПУТЬ И ПОДВИГ Д. Д. СМЫШЛЯЕВА.
К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Материалы церковно-научной конференции
Пермь, 26 марта 2008 года

Издание
Пермского отделения
Императорского Православного Палестинского общества

ПЕРМЬ, 2012

УДК 94(470+571)"1828/1893"Смышляев:908(470.53)
ББК 63.3(2)4:26.891
О 80

ISBN 978-5-905906-09-1

По благословению
Высокопреосвященнейшего МЕФОДИЯ,
Митрополита Пермского и Соликамского

Научный редактор Р. Б. Бутова

От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д. Д. СМЫШЛЯЕВА: к 180-летию со дня рождения: материалы церковно-научной конференции (Пермь, 26 марта 2008 года) / науч. ред. Р. Б. Бутова — М.: Пермское отделение Императорского Православного Палестинского общества, 2012. — 220 с., илл.

В сборник вошли материалы церковно-научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения Д. Д. Смышляева (1828–1893), выдающегося представителя пермского купечества, исследователя-краеведа, автора более 100 книг и публикаций. Дмитрий Дмитриевич был основателем епархиального отдела Православного Палестинского Общества в Перми и первым уполномоченным ИППО в Иерусалиме, где его главной заслугой стало строительство Сергиевского и Александровского подворий.

Издание адресовано историкам, филологам, краеведам, сотрудникам музеев и библиотек, занимающихся изучением наследия, жизненного пути и служения Д. Д. Смышляева.

УДК94(470+571)"1828/1893"Смышляев:908(470.53)
ББК 63.3(2)4:26.891
О 80

ISBN 978-5-905906-09-1

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

<i>Митрополит Пермский и Соликамский Мефодий</i>	4
<i>Председатель Пермского отделения ИППО Маланин В. В.</i>	9

ПРИВЕТСТВИЯ

<i>Митрополит Смоленский и Калининградский</i> <i>(ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси) Кирилл</i>	12
<i>Епископ Пермский и Соликамский</i> <i>(ныне епископ Красногорский) Иринарх</i>	14

ДОКЛАДЫ

<i>Епископ Пермский и Соликамский (ныне епископ Красногорский) Иринарх.</i> <i>Выдающиеся сыны Пермского края в Святой Земле в XIX–XX веках</i>	17
<i>Лисовой Н. Н. Дмитрий Дмитриевич Смышляев</i> <i>и Императорское Православное Палестинское Общество</i>	26
<i>Житенев С. Ю. Русские художники в Святой Земле</i>	43
<i>Бутова Р. Б. Д. Д. Смышляев – строитель</i> <i>Александровского подворья в Иерусалиме</i>	63
<i>Смирнова И. Ю. Россия и Православный Восток</i> <i>в первые годы после Крымской войны</i>	74
<i>Аксенов А. И.</i> <i>Русское купечество XIX века в культурно-историческом контексте</i>	91
<i>Протоиерей Алексей Марченко. Пермская епархия и Императорское</i> <i>Православное Палестинское Общество: история взаимоотношений (1882–1914)</i>	100
<i>Баяндина Н. П. Купеческие торговые дома Перми</i>	110
<i>Колбас В. С. «Архимандритом Иаковом печатать дозволено...»</i> <i>(Об очерке Д. Д.Смышляева «Мертвое море и нечестивый Пентаполь»)</i>	135
<i>Перескоков Л. В. Храм во имя Всех Святых на Егошихинском кладбище</i> <i>города Перми – фамильная усыпальница рода Смышляевых</i>	143
<i>Корчагин П. А. Восстановление памяти пермских подвижников</i>	151

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Д. Д. Смышляев. Письма с Востока. Письмо третье.</i> <i>Иерихон. Мертвое море. Иордан</i>	157
<i>Д. Д. Смышляев. Из воспоминаний о Востоке</i>	185
<i>Горняя</i>	186
<i>Древности в пределах русских владений в Палестине</i>	196
<i>Библиографический указатель трудов Д. Д. Смышляева по палестиноведению</i>	214
<i>Сведения об авторах докладов</i>	217

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Митрополит Пермский
и Соликамский Мефодий

Уважаемые читатели, дорогие братья и сестры!

Вы держите в руках сборник докладов, зачитанных в 2008 году на церковно-научной конференции «От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д. Д. Смышляева». Доклады, опубликованные в этом сборнике, посвящены нашему знаменитому соотечественнику, первому председателю Пермского губернского земства, Дмитрию Дмитриевичу Смышляеву, а также двум другим уроженцам Пермской земли: – архимандриту Антонину (Капустину) и игумену Серафиму (Кузнецову).

Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828–1893) вошел в историю не только как замечательный общественный деятель, но и как краевед, внесший неоценимый вклад в изучение истории Пермского края. Тщательно собирая всевозможные сведения о Пермской губернии, Смышляев постепенно составил богатую специальную библиотеку. Первым плодом его трудов в этом направлении стал «Пермский сборник», изданный Дмитрием Дмитриевичем в 1859 году и вызвавший одобрительные отзывы передовых людей того времени как в России, так и за рубежом.

Научные занятия Смышляева продолжались в Санкт-Петербурге, в Императорских Академии наук и Публичной библиотеке, где он ра-

ботал над составлением первого подробного указателя литературы о Пермской губернии. Библиографический труд Смышляева «Источники и пособия для изучения Пермского края», изданный им в 1876 году, актуален и незаменим до сих пор.

Благодаря известности и уважению, которыми Дмитрий Дмитриевич пользовался в Перми, в 1870 году он был избран первым председателем губернской земской управы и занимал этот видный пост в течение трех трехлетий. Именно в свою бытность председателем земства Смышляев особенно ярко проявил организаторский талант и деловые качества. На первый план он выдвигал вопросы народного образования, медицины и улучшения экономического быта населения. Имя Дмитрия Дмитриевича в свое время сделалось известным всей интеллигентной России и составило ему репутацию знатока земского дела. «Первым земщины бойцом» был назван Смышляев своими современниками за кипучую деятельность на тернистом земском поприще.

Но «не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем» (Мф. 13, 57). Неожиданно среди пермского общества у Дмитрия Дмитриевича оказался недоброжелатель, постаравшийся бросить тень на его просветительские стремления. Смышляев был заподозрен в распространении «вредных идей» и благодаря этому счел за лучшее на некоторое время покинуть Россию.

Дальнейшая деятельность этого незаурядного человека тесно связана с Палестиной, где с 1885 по 1889 годы он трудился в качестве первого уполномоченного Императорского Православного Палестинского общества. Проницательный ум, высокие нравственные достоинства Дмитрия Дмитриевича вскоре проявились и на этом поприще. Смышляеву пришлось устанавливать отношения с местным консульством, с Греческой Патриархией и Русской Духовной Миссией, относившимися недружелюбно к деятельности Палестинского общества в Иерусалиме. После усиленных хлопот и волнений Дмитрию Дмитриевичу удалось завоевать и упрочить для русских паломников ко Гробу Господню такие же права, какими уже давно пользовались здесь католики и протестанты. Вместе с тем Смышляев возложил на себя почти непосильный труд, руководя строительством двух главных русских объектов: Нового (Сергиев-

ского) подворья и Русского Дома у Порога Судных Врат (будущего Александровского подворья с храмом святого князя Александра Невского).

Известно, что в Святой Земле труды Смышляева проходили параллельно с деятельностью другого нашего легендарного земляка – уроженца Пермской губернии архимандрита Антонина (Капустина).

Имя отца Антонина (1817–1894) входит в бесспорный золотой фонд русской истории XIX века. Именно ему, подвижнику-одиночке, не оцененному современниками и лишь теперь предстающему во всем своем скромном величии, мы обязаны в первую очередь тем уникальным историческим наследием, которое называется Русской Палестиной.

Сын священника из глухой уральской деревни, типичный русский самородок, архимандрит Антонин выступил посланцем Русской Церкви в Святой Земле в качестве начальника Русской Духовной Миссии. Достойный представитель русского ученого монашества, на всех этапах своего служения отец Антонин много и плодотворно занимался научными изысканиями по церковной археологии, археографии и византистике. Он был одним из первых исследователей греческих и славянских рукописей Иерусалима, Афона и Синая.

Обосновавшись в Иерусалиме, архимандрит Антонин безраздельно посвятил себя служению интересам России. Если начало русской земельной собственности в Святой Земле было положено и одобрено российским правительством, то продолжение и расширение ее целиком явилось личной инициативой отца Антонина. Знаток конкретной библейской археологии, он повел переговоры с главами арабских семей, во владении которых преемственно находилась недвижимость, связанная с местами новозаветных и ветхозаветных событий. Он буквально вырывал из рук европейцев и выкупал для русских множество священных мест в Святом Граде и около него, связанных с земной жизнью Иисуса Христа. Для Русской Православной Церкви архимандрит Антонин приобрел в Святой Земле большое количество земельных участков и недвижимости, построил здесь храмы и монастыри, паломнические приюты и школы для местного арабского населения.

Немногим позже, но не в России, а в Сербии архимандрит Киприан (Керн) напишет в своих воспоминаниях: «Дивные и величественные

русские храмы, в которых совершается славянское богослужение, гостеприимные приюты для паломников, памятники археологии и истории – все это деяния одного человека, его воли, ума, энергии. Имя этого человека – архимандрит Антонин (Андрей Иванович Капустин). Ему одному Россия обязана тем, что твердой ногой встала у Гроба Господня».

Однако на родине, в России, уже через 25 лет после кончины отца Антонина имя его было надолго забыто.

Через четверть века после преставления отца Антонина другой наш соотечественник совершит подвиг верности, который вновь свяжет Пермский край со Святой Землей. Имя его – игумен Серафим (Кузнецов, 1875–1959). Уроженец города Чердыни и постриженник Белогорского монастыря, он явился убежденным и ревностным сторонником самодержавного строя, автором многочисленных брошюр и книг патристического содержания. После зверской расправы над Царской Семьей и членами Дома Романовых отец Серафим, подвергаясь смертельной опасности, вывез из Алапаевска и привез в Иерусалим честные мощи преподобномученицы Елисаветы Феодоровны и инокини Варвары.

При жизни Великую княгиню и Белогорского игумена связывала духовная дружба. Молитвенник и постник, впитавший дух святоотеческого наследия, отец Серафим оказался внутренне близок Елисавете Феодоровне, совершавшей в 1914 году паломничество к уральским святыням. Игумен Серафим стал одним из ее духовников.

Но прошло четыре года, и Великая княгиня вместе с другими представителями династии Романовых взойшла на алапаевскую голгофу. Кто знает, может быть, мощи преподобномученицы Елисаветы так и остались бы на Урале в безымянной могиле или подверглись осквернению, если бы не верность и мужество ее духовника. В апреле 1920 года, после нескольких месяцев утомительного и опасного путешествия, отец Серафим достиг Пекина. Оттуда гробы Великой княгини Елисаветы Феодоровны и инокини Варвары были вывезены в Иерусалим, где в январе 1921 года торжественно встречены русским и греческим духовенством. Все это время отец Серафим безотлучно пребывал при мощах.

Таким образом, благодаря подвигу Белогорского игумена Русская Палестина, созидавшаяся трудами достопамятных русских подвижников, была увенчана мощами новой русской святой – мученицы за Христа.

Из Иерусалима отец Серафим на родину не вернулся и до конца своих дней оставался в Святой Земле. Почти сорок лет земного служения было отпущено ему для молитвы и свидетельства о Великой матушке, которая предпочла эмиграции путь крестных страданий на своей новой родине.

Заслуга наших соотечественников перед Русской Православной Церковью, несомненно, велика. Своей жизнью они явили пример нравственного подвижничества на поприще служения Отечеству в его пределах и за рубежом. Их трудами в Святой Земле создано столько ценного и высокого для русского имени, сколько не создать и несколькими поколениям. Надеюсь, что изучение подвига наших земляков будет и дальше продолжено исследователями церковной истории, и настоящий сборник станет не последним изданием, знакомящим нас со славными делами подвижников Пермской земли и Палестины.

+ *Мефодий*

Митрополит Пермский и Соликамский

Маланин Владимир Владимирович

председатель Пермского отделения
Императорского Православного
Палестинского общества

заслуженный деятель науки РФ

почетный гражданин Пермской
области и города Перми

президент Пермского
государственного национального
исследовательского университета

Дорогие друзья!

Представляем Вашему вниманию сборник материалов церковно-научной конференции «От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д. Д. Смышляева», прошедшей в Перми 26 марта 2008 года и приуроченной к 180-летию со дня рождения выдающегося представителя Прикамья, историка, краеведа, благотворителя, председателя Пермской губернской земской управы Дмитрия Дмитриевича Смышляева.

Еще его отец, Дмитрий Емельянович Смышляев, был видным представителем пермского купечества, другом выдающегося государственного деятеля М. М. Сперанского, избирался пермским городским головой, в качестве которого в сентябре 1824 года встречал в Перми императора Александра I. Д. Е. Смышляев выстроил прекрасный дом на углу Сибирской и Петропавловской улиц, в котором долгие годы проживала семья Смышляевых. Этот дом принимал многих высоких посетителей: так, в августе 1868 года в нем проживал проезжавший через Пермь Великий князь Владимир Александрович, сын Царя-Освободителя Александра II. Впоследствии дом Смышляевых стал резиденцией Пермской городской думы, а в настоящее время здесь располагается городская библиотека имени А. С. Пушкина.

Дмитрий Дмитриевич Смышляев продолжил славную семейную традицию. Как отмечал пермский историк-краевед В. С. Верхоланцев, Д. Д. Смышляев, избранный первым председателем Пермской губернской земской управы, «всего себя отдал земской деятельности и в течение девяти лет председательства (с 1870 по 1879 годы) обосновал и поставил на твердую ногу все хозяйство Пермского губернского земства, реорганизовал губернскую Александровскую больницу в Перми, дал верное направление народопродовольственной деятельности земства, создал страховое дело, положил начало статистическим исследованиям края и земскому литературному органу – “Сборнику Пермского земства”». Во время председательства Д. Д. Смышляева были «открыты бесплатный приемный покой для бедных, родильное отделение, санитарная комиссия, амбулаторная лечебница для домашних животных, ветеринарная фельдшерская школа, земская типография и статистическое бюро, созван первый съезд врачей».

Конференция «От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д. Д. Смышляева» совпала с восстановлением Пермского отделения Императорского Православного Палестинского общества. И это не случайно. Дмитрий Дмитриевич являлся одним из наиболее горячих поборников продвижения российских интересов в Палестине. Занимая пост первого уполномоченного Императорского Православного Палестинского общества в Иерусалиме и пользуясь неизменным доверием основателя и председателя Общества Великого князя Сергея Александровича, Дмитрий Дмитриевич, самоотверженно исполняя долг служения России и православию, своими неутомимыми трудами оказал неоценимую помощь в развитии православного паломничества и укреплении российского присутствия во Святой Земле. Памятниками четырехлетнего пребывания Д. Д. Смышляева в Палестине (с 1885 по 1889 годы) стали великолепные постройки, жемчужины Русской Палестины – Сергиевское и Александровское подворья. За особые заслуги Дмитрий Дмитриевич получил от Патриарха Иерусалимского крест с частицей Животворящего Креста и титул Рыцаря Гроба Господня, и в патриаршей приемной был повешен портрет Смышляева. Российское правительство наградило подвижника орденом Святого Владимира 3-й степени. Великий князь Сергей Александрович особенно ценил труды Д. Д. Смышляева по созданию и укреплению Русской Палестины.

Как отмечал историк Императорского Православного Палестинского общества А. А. Дмитриевский, именно Д. Д. Смышляев в 1884 году предложил учреждать в городах Российской Империи местные отделения Общества, «предоставляя им производить сборы пожертвований, принимать годовые взносы членов и содействовать к ознакомлению местного общества со Святою Землею и деятельностью Общества». Предложение тогда же было принято Советом Палестинского общества и в 1885 году было утверждено императором Александром III.

Пермское отделение Императорского Православного Палестинского общества, официально созданное в 1897 году, уже после кончины Д. Д. Смышляева, развернуло активную деятельность, продолжавшуюся вплоть до революции 1917 года. Теперь, когда настало время «собирать камни», произошло и воссоздание Пермского отделения Общества.

Представленная Вашему вниманию книга является данью памяти выдающегося гражданина Перми и российского патриота. За помощь в издании книги выражаю искреннюю благодарность действительным членам Пермского отделения Императорского Православного Палестинского общества директору ООО «Пермский хлеб», депутату Пермской городской думы IV созыва О. В. Шилоносову и генеральному директору ООО «Пермгазэнергосервис», депутату Пермской городской думы III–V созывов Д. В. Ушакову.

ПРИВЕТСТВИЯ

Митрополит Смоленский и Калининградский
(ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси) Кирилл

Дорогие братья и сестры!

Сердечно приветствую участников церковно-научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения Дмитрия Дмитриевича Смышляева (1828–1893) – выдающегося общественного деятеля, ученого и просветителя Пермского края, первого уполномоченного Императорского Православного Палестинского Общества в Святой Земле, строителя знаменитых Сергиевского и Александровского подворий в Святом граде Иерусалиме.

Дмитрий Дмитриевич был представителем той новой социальной силы, которая определяла основные тенденции русской жизни во второй половине XIX – начале XX века, – русского купечества. Мы обычно представляем себе историю Церкви как летопись священной иерархии, душепопечительного служения духовенства, подвигов святых и преподобных. Но подвиг в христианстве – понятие гораздо более широкое. Жизнь Православной Церкви предполагает разнообразие общественных и благотворительных служений. Русские православные купцы, дети и внуки вчерашних крепостных, вышедшие в эпоху реформ Александра II на широкую арену экономической, политической и культурной деятельности, сохранили при этом вековые традиции народного благочестия, ревность к православной вере и церковному благолепию. Они понимали свой путь и призвание по слову Священного Писания: И если какому человеку Бог дал богатство и имущество, и дал ему власть пользоваться от них и брать свою долю и наслаждаться от трудов своих, то это – дар Божий (Ек. 5, 18).

И они щедро делились этим даром с ближними. Не была исключением и родина Д.Д. Смышляева – древняя Пермь, с благоговейным почитанием подвигов святителя Стефана Пермского, с благотворительным и храмо-строительным наследием Строгановых и других первопроходцев. Пермь в середине XIX столетия оставалась оплотом русской церковной культуры в Приуралье: 19 православных храмов, один из которых воздвиг на свои средства отец Дмитрия Дмитриевича.

Отдав долгие годы общественному служению на ниве родного краеведения, просветительства и земской работы, Д.Д. Смышляев большую часть своей жизни посвятил Святой Земле и русскому делу на Православном Востоке.

В 1864 году он первый раз совершил паломничество на Восток, посетив Синай и Палестину. Впечатления от этого хождения отразились в его путевых очерках «Синай и Палестина» и «На пути к Синаю».

Когда в 1882 году было основано Православное Палестинское Общество, Д.Д. Смышляев вошел в число его членов-учредителей и стал уполномоченным Общества в Пермской губернии. Подобно многим паломникам, в течение многих лет Дмитрий Дмитриевич лелеял намерение вернуться в Святую Землю. В 1885 году он принял предложение великого князя Сергея Александровича стать уполномоченным Палестинского Общества в Иерусалиме.

Дмитрий Дмитриевич руководил строительством двух главных русских паломнических объектов: Сергиевского и Александровского подворий. Благодаря его самоотверженному труду верующие Русской Православной Церкви имеют возможность и сегодня возносить молитву у Порога Судных Врат.

В рескрипте на имя Д.Д. Смышляева Председатель ИППО великий князь Сергей Александрович писал: «Мне приятно выразить Вам мою глубокую признательность за Вашу самоотверженную деятельность, и я никогда не забуду, что Вам Императорское Православное Палестинское Общество обязано было возможностью поставить на твердое основание свою сложную деятельность в Святой Земле».

Отрадно сознавать, что жизненный подвиг Д.Д. Смышляева и сегодня привлекает внимание ученых, краеведов, церковную общественность, что память о нем почитается в родной Перми и не забыта в Иерусалиме.

Епископ Пермский и Соликамский
(ныне епископ Красногорский) Иринарх

Приветствую участников и гостей церковно-научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения выдающегося сына земли Пермской – почетного члена Императорского Православного Палестинского Общества и почетного гражданина города Перми Дмитрия Дмитриевича Смышляева, которую проводит Пермская епархия совместно с Отделом внешних церковных связей Московского Патриархата, Императорским Православным Палестинским Обществом и Паломническим центром Московского Патриархата.

Конференция носит церковно-научный характер, потому что инициаторами ее проведения выступили структуры Русской Православной Церкви, духовенство и верующие Пермского края, которым дорога память об этом замечательном человеке, оставившем неизгладимый след не только в гражданской, но и в церковной жизни России.

Не случайно местом проведения конференции стала Пермская епархия, город Пермь, – это обусловлено историческими обстоятельствами жизни Д.Д. Смышляева. Пермский край промыслительно стал для него малой родиной, он был уроженцем и патриотом этой земли, которой посвятил свой просвещенный ум, свои незаурядные способности и разносторонние таланты, свое сердце преданного, искреннего, глубоко религиозного человека.

Личность выдающегося церковного и общественного деятеля Пермского края Дмитрия Дмитриевича Смышляева широко известна в России и за рубежом. Благодаря тому, что в нем гармонично сочетались способности общественного деятеля, ученого-историка, писателя-публициста, умелого хозяйственника и строителя, он вел многогранную подвижническую деятельность.

Трудно найти сферу общественной жизни, в которую не внес бы свой вклад Д.Д. Смышляев. Его деятельность, направленная на развитие Пермского губернского земства, становление важнейших гражданских учреждений в Пермском крае и городе Перми, многие годы привлекает к себе внимание широкого круга исследователей. Однако в силу господствовавших в советское время идеологических заслонов остается пока еще недостаточно изученной его деятельность на церковном поприще. Нам еще только предстоит осмыслить его вклад в развитие православного паломничества, церковной археологии и истории. Представляет огромный научный интерес в высшей степени плодотворная работа Д.Д. Смышляева в рамках Православного Палестинского Общества, которую ему довелось вести в Перми и в Святом Граде Иерусалиме.

Жизнь и подвиг Д.Д. Смышляева являются не только предметом научного интереса. Они представляют собой достойный пример для подражания многим поколениям россиян, ищущим в историческом прошлом свой идеал интеллектуального и нравственного развития человеческой личности. В силу этого наша конференция имеет высокую значимость для всех жителей Пермского края независимо от их религиозных убеждений и призвана ответить на злободневный вопрос: какими качествами должен обладать настоящий интеллигент, хозяйственник, политик, чтобы быть по-настоящему полезным своему Отечеству.

Актуальность нашей конференции заключается в том, что во время ее проведения будет возобновлено функционирование Пермского отделения Императорского Православного Палестинского Общества. Оно продолжит славные традиции разносторонней научной и просветительской деятельности, которые сложились в Прикамье в до-революционное время при непосредственном участии канонических подразделений Русской Православной Церкви в союзе с властными,

экономическими, общественными и научными структурами Пермского края.

Надеюсь, что проводимая нами конференция «От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д.Д. Смышляева», а также деятельность Пермского отделения Императорского Православного Палестинского Общества будут успешными и внесут свой посильный вклад в духовное и культурное развитие Пермского края.

Господнее благословение да пребывает на всех участниках конференции, и благословенная помощь Божия да сопутствует вашим трудам на благо нашего земного Отечества и Пермского края.

ДОКЛАДЫ

Епископ Пермский и Соликамский
(ныне епископ Красногорский) Иринарх

ВЫДАЮЩИЕСЯ СЫНЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ В XIX–XX ВЕКАХ

Досточтимые дамы и господа, дорогие отцы, братья и сестры!

Всякая земля имеет право гордиться своими выдающимися деятелями, проявившими себя на разных общественных поприщах, ибо они – плоть от плоти и кровь от крови ее. Они – выразители лучших качеств и задатков своего народа, проявление его гения и таланта. Так и земля Пермская, нареченная когда-то Пермью Великой, дорожит памятью о своих верных сынах и не забывает своих лучших питомцев, потрудившихся в Палестине, на просторах священной для христианского сознания Земли Обетованной, в которой родился и жил Господь наш Иисус Христос.

Первым выдающимся деятелем, которого подарила Пермская земля Палестине, стал архимандрит Антонин (Капустин) – начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Отец Антонин (в миру Андрей Иванович Капустин) родился 12 августа 1817 года в семье священника села Батурина Шадринского уезда Пермской губернии. Духовное образование получил в Далматовском Духовном училище и Пермской Духовной семинарии. После окончания Киевской Духовной академии со степенью магистра богословия

Андрей Капустин был оставлен при Академии сначала преподавателем, а затем помощником инспектора. 7 ноября 1845 года он был пострижен в монашество с наречением имени Антонин. Постриг совершил митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров).

Вскоре он был назначен настоятелем русской посольской церкви в Афинах, а затем на ту же должность в Константинополе.

16 июля 1865 года состоялось судьбоносное назначение архимандрита Антонина начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, которую он возглавлял на протяжении почти 30 лет, вплоть до кончины, последовавшей 24 марта 1894 года.

Во время своего пребывания в Иерусалиме архимандрит Антонин проявил себя мудрым и умелым организатором, тонким дипломатом, выдающимся ученым своего времени в области библейской археологии.

Поистине он стяжал славу для Русской Духовной Миссии. Он энергично и твердо отстаивал интересы русского дела в Святой Земле. Главной заслугой архимандрита Антонина стало собирание Русской Палестины. Благодаря своей неиссякаемой энергии он приобретал в Палестине участки земли, строил храмы и странноприимные дома. С помощью своего верного помощника драгомана Якова Халеби архимандрит Антонин буквально вырвал из рук европейцев – католиков и протестантов – целый ряд мест, непосредственно связанных с библейскими событиями и земной жизнью Господа Иисуса Христа.

Среди этих бесценных приобретений – участок со знаменитым Мамврийским дубом, участок на Елеонской горе близ места Вознесения Господа, так называемая Горня, столь памятная христианскому сердцу встречей Богоматери с праведной Елисаветой, участок с древом Закхей близ Иордана, участок земли с гробницей Тавифы в Яффе. Всего архимандрит Антонин приобрел для России 14 участков в Святой Земле, обеспечив Русскую Церковь фундаментальной базой для развития паломничества на Православном Востоке.

Необходимо отметить, что архимандрит Антонин принял непосредственное участие в учреждении в 1882 году Императорского Православного Палестинского Общества.

Претворяя в жизнь свою многогранную деятельность вдали от Пермской губернии, архимандрит Антонин никогда не забывал о сво-

ей малой родине и близких его сердцу пермяках. Перед концом своей многотрудной, но чрезвычайно плодотворной и насыщенной жизни выдающийся сын Пермской земли и воспитанник Пермской епархии завещал в дар Пермскому Спасо-Преображенскому кафедральному собору панагию с сибирскими камнями и малахитом, которая, к сожалению, в годы революционных лихолетий была утрачена.

Личность архимандрита Антонина (Капустина) в силу своей оригинальности, цельности и глубины до нынешнего времени представляет огромный интерес как в церковно-практическом, так и в научном отношении и еще недостаточно осмыслена современным церковным сознанием.

Другим драгоценным камнем из глубин земли Пермской, вложенным в диадему собранной отцом Антонином Русской Палестины, может быть назван его современник, юбилейную дату со дня рождения которого мы отмечаем сегодня, – Дмитрий Дмитриевич Смышляев.

Выдающийся общественный деятель Пермского края Дмитрий Дмитриевич Смышляев родился 13 марта 1828 года в Перми. Его отец, Дмитрий Емельянович Смышляев, был видным представителем пермского купечества.

Д.Д. Смышляев окончил полный курс Пермской гимназии (1836–1844), после чего занимался самообразованием путем постоянного чтения книг, изучения иностранных языков, путешествовал по России и Западной Европе.

Не расположенный к коммерческой деятельности, Дмитрий Дмитриевич после смерти своего отца полностью посвятил себя изучению Пермского края. Первым значительным вкладом в пермское краеведение стало издание им двух выпусков «Пермского сборника», получившего высокую оценку в Пермской губернии и за ее пределами. Появление в Пермской губернии этого научного издания было в высшей степени неожиданным и ярким явлением на фоне бесцветной интеллектуальной жизни русского провинциального общества.

В 60-е годы XIX века Д.Д. Смышляев заслужил репутацию самого передового и прогрессивного человека города Перми. Реформу по освобождению крестьян от крепостной зависимости, проведенную в 1861 году, Дмитрий Дмитриевич встретил восторженно. Он был горячим и

убежденным ее сторонником. Сочувствуя новым веяниям, Смышляев принимал деятельное участие в устройстве публичных библиотек, чтений, воскресных школ, в деле основания в Перми женской гимназии.

Закономерным результатом целеустремленной и плодотворной деятельности Д.Д. Смышляева стало избрание его первым председателем Пермской губернской земской управы. Эту должность он занимал в течение девяти лет (с 1870 по 1879 годы).

Земская деятельность Смышляева, проходившая в крайне неблагоприятных условиях, поражает своим масштабом. Преодолевая косность и непонимание современников, злословие и клевету своих недоброжелателей, Д.Д. Смышляев сумел поставить на твердую основу все хозяйство Пермского губернского земства. Он реорганизовал губернскую Александровскую больницу в Перми, создал страховое дело, положил начало статистическим исследованиям в Пермском крае и земской литературной печати.

Публицистическая и научная деятельность Смышляева принесла ему славу в интеллигентских кругах России – он проявил себя как знаток земского дела и крупный ученый-краевед. Его научные статьи о Пермском крае публиковали не только местные издания – «Пермские губернские ведомости», «Пермские епархиальные ведомости», учрежденный им «Сборник Пермского губернского земства», но и столичные издания.

Как это нередко случается с крупными общественными деятелями, Д.Д. Смышляеву пришлось перенести в 1870-е годы много незаслуженных нареканий и грязных инсинуаций, причиной которых была человеческая зависть. Утомленный морально и физически, Д.Д. Смышляев был вынужден оставить службу в земстве и на время покинуть Пермскую губернию. Уже давно его звала к себе Палестина – колыбель христианства, где жил и страдал Христос-Спаситель.

Еще в конце 1870-х годов Д.Д. Смышляев занимался изучением и переводом с иностранных языков литературы о Святой Земле. По его инициативе началась работа по учреждению Пермского отделения Православного Палестинского Общества, уполномоченным которого он являлся в своем родном городе. Вскоре его проникательный и светлый ум, выдающиеся организаторские способности и высокие нравственные достоинства нашли свое применение в Палестине.

С 6 ноября 1885 года по 21 августа 1889 года Д.Д. Смышляев напряженно трудился в Святой Земле, реализуя широкие полномочия, предоставленные ему Председателем Императорского Православного Палестинского Общества великим князем Сергием Александровичем.

Дмитрий Дмитриевич проявил себя на этом поприще как умный и талантливый дипломат. Ему пришлось устанавливать отношения с местным Русским консульством, с Иерусалимской Патриархией и с Русской Духовной Миссией, которые относились недружелюбно к деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме.

Благодаря своему упорству и дипломатическому таланту, Смышляеву удалось завоевать и упрочить права русских паломников у Гроба Господня, которыми уже обладали католики и протестанты. Одновременно он неутомимо работал над сооружением в Палестине русских построек.

Под руководством Смышляева для состоятельных русских путешественников по Святой Земле и простых богомольцев были построены Александровское и Сергиевское подворья, ставшие памятниками этому замечательному сыну земли Пермской.

Деятельность Смышляева в Святой Земле нашла отклик в сердцах не только благодарных соотечественников. За особые заслуги Д.Д. Смышляев был удостоен Иерусалимским Патриархом поднесения в дар Креста с частицей Животворящего Древа Господня и титула Рыцаря Гроба Господня. Русское правительство отметило труды Д.Д. Смышляева орденом святого равноапостольного князя Владимира III степени.

Палестинский климат, напряженные труды и постоянная тоска по Родине подорвали здоровье Д.Д. Смышляева. В 1889 году ему пришлось вернуться в Пермь, где продолжилось его служение русскому делу в Палестине на литературном поприще. Смышляеву принадлежат несколько замечательных работ о Святой Земле, среди которых «Синай и Палестина», «Мертвое море и нечестивый Пентаполь», «На пути к Синаю» и ряд других оригинальных и переводных трудов.

Однако силы его были на исходе. В ночь с 13 на 14 ноября 1893 года Д.Д. Смышляев преставился ко Господу и был погребен в родовой усыпальнице под алтарем Всехсвятского Новокладбищенского

храма в городе Перми, где обрел место вечного упокоения рядом со своим отцом.

Еще современники отмечали, что жизнь этого человека прошла недаром. Благодаря своим блестящим способностям, разносторонним энциклопедическим познаниям и высочайшему умственному развитию в соединении с искренней любовью к Богу и человечеству Дмитрий Дмитриевич был полезен не только своему родному Пермскому краю, но и всей России, служил Отечеству верой и правдой в течение всей своей жизни.

В XX столетии, когда Россия погрузилась во тьму лихолетья и безбожия, живой связью Прикамья со Святой Землей стал еще один достойный сын земли Пермской – скитоначальник Белогорского Николаевского миссионерского мужского монастыря игумен Серафим (Кузнецов).

Игумен Серафим (в мире Георгий Кузнецов) родился в 1875 году в городе Чердыни Пермской губернии, в купеческой семье. С юных лет он мечтал подвизаться на Святой Горе Афон. Однако Промысл Божий судил ему стать насельником Белогорской обители, куда он поступил в качестве послушника в 1897 году.

В 1902 году, будучи уже рясофорным иноком, он основал в пяти километрах от Белой Горы Серафимо-Алексеевский скит, где вместе с немногочисленной братией вел строгую аскетическую жизнь. В 1903 году инок Георгий был пострижен в монашество с именем Серафим в честь новопрославленного русского святого – преподобного Серафима Саровского. В 1905 году стал иеромонахом и настоятелем устроенного им скита.

Благодаря незаурядным талантам, грамотности и начитанности отец Серафим получил известность как знаток монастырских уставов и талантливый публицист. Его книги, посвященные Уральскому Афону – Белогорскому Николаевскому миссионерскому мужскому монастырю, монашеским обителям Пермской епархии, получили широкую известность во многих уголках России.

Довольно рано начались контакты отца Серафима с Православным Востоком и Святой Землей. В пасхальные дни 1908 года он посетил Иерусалим и Святую Гору Афон, откуда в скит Белогорской обители им были доставлены бесценные святыни – иконы, частицы святых

мощей угодников Божиих, подаренные уральской обители Восточными Патриархами и настоятелями афонских монастырей.

В 1911 году за свою литературную деятельность – опубликованные им три тома трудов о монастырских уставах – отец Серафим удостоился грамоты и благодарности от Константинопольского Патриарха Иоакима III.

Игумен Серафим являлся не только певцом монашества, но и ревностным сторонником самодержавного строя. Его печатные труды в защиту монархии и издаваемый им патриотический журнал «Голос долга» не раз удостоивались высочайшей благодарности Императорской семьи. В 1912 году своим письмом издателя журнала лично поблагодарил Патриарх Иерусалимский Дамиан.

Судьбоносным для игумена Серафима стало знакомство с великой княгиней Елизаветой Федоровной – основательницей и настоятельницей Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве и августейшей председательницей Императорского Православного Палестинского Общества.

Вероятно, их первая встреча состоялась в 1913 году в Москве, в дни празднования 300-летия Дома Романовых. В 1914 году, накануне Первой мировой войны, великая княгиня Елизавета посетила Пермскую губернию и совершила паломничество в Белогорский Николаевский мужской монастырь и Серафимо-Алексеевский скит. Во время этой поездки она неоднократно встречалась с игуменом Серафимом. По некоторым сведениям, белогорский игумен Серафим пользовался огромным доверием великой княгини и являлся одним из ее духовников.

В военное время, находясь вместе с другими священниками-пермяками на фронте, отец Серафим часто приезжал в Москву, где останавливался, служил и проповедовал в Марфо-Мариинской обители милосердия.

Духовная связь игумена Серафима и великой княгини Елизаветы Федоровны не прекратилась и после Октябрьской революции 1917 года. Известно, что отец Серафим предложил своей августейшей духовной дочери укрыться от большевиков на Урале, в одном из недоступных таежных скитов, расположенных недалеко от Белой Горы. Однако великая княгиня ответила отказом, попросив лишь об одном: «Если меня убьют, похороните меня по-христиански».

Летом 1918 года в Алапаевске, сброшенная в старую шахту заживо, великая княгиня Елизавета приняла мученическую кончину. Ее Голгофой стала все та же Пермская земля, уже вобравшая в себя честные останки Императорской семьи и расстрелянного в Перми большевиками великого князя Михаила.

Промыслительно то, что игумену Серафиму удалось избежать расправы со стороны большевиков. Он не стал жертвой развернувшегося в 1918 году красного террора. В силу сложившихся обстоятельств, в 1919 году отец Серафим вместе с армией Колчака оказался в Екатеринбурге. Совместно со следователем Н.А. Соколовым отец Серафим принял участие в освидетельствовании останков великих князей в Алапаевске, после чего получил разрешение адмирала Колчака и генерала Дитерихса перевезти останки в более безопасное место.

Летом 1919 года с невероятными трудностями гробы с телами алапаевских узников были отправлены в товарном вагоне поезда по Восточно-Сибирской железной дороге в направлении Читы, а в феврале 1920 года – из Читы в Китай, к новому месту упокоения. В апреле 1920 года останки святых мучениц и мучеников прибыли в Пекин, а затем в Шанхай.

По желанию членов Гессенского дома в 1921 году тела преподобно-мучениц великой княгини Елисаветы и инокини Варвары отправили в Иерусалим и похоронили в крипте храма во имя святой равноапостольной Марии Магдалины, на освящении которого Елизавета Федоровна присутствовала в 1889 году.

Все это время отец Серафим неотлучно находился при гробах святых мучениц, вместе с которыми прибыл в Святую Землю, в Иерусалим. Здесь ему было суждено провести 38 лет своей многотрудной подвижнической жизни.

Первоначально игумен Серафим проживал при храме во имя святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании, имея возможность занимать скромную комнату по соседству с помещением, где были погребены останки великой княгини.

В 1945 году его положение резко ухудшилось. В связи с приездом в Палестину Святейшего Патриарха Алексия I русское духовенство в Иерусалиме размежевалось. Часть его, которую возглавил игумен Се-

рафим, выступила за воссоединение с Московской Патриархией. Другие пожелали остаться в юрисдикции Карловацкого Синода.

Оказавшись во главе патриаршей партии, игумен Серафим был выдворен из Гефсиманского монастыря и до конца своей жизни был лишен утешения пребывать у места упокоения великой княгини Елизаветы. По некоторым сведениям, его новым пристанищем стало Александровское подворье в Иерусалиме, построенное некогда Д.Д. Смышляевым, где он находился на попечении членов Православного Палестинского Общества.

Последние годы жизни отец Серафим (Кузнецов) провел в греческом монастыре «Мужи Галилейские» на Елеоне – загородной даче Иерусалимских Патриархов, где и скончался в 1959 году. Местом упокоения этого замечательного сына земли Пермской стало маленькое кладбище в Новой Галилее рядом с храмом. В памяти людей, знавших этого подвижника, игумен Серафим остался преданным, верным и энергичным человеком, всегда и во всем прислушивающимся к голосу своего долга.

Таким образом, в течение XIX–XX веков уроженцы земли Пермской внесли огромный вклад в развитие русского дела в Святой Земле, оставив после себя не только добрую память, но и гигантское духовное, материальное и интеллектуальное наследие. Подвиг архимандрита Антонина (Капустина), Дмитрия Дмитриевича Смышляева и игумена Серафима (Кузнецова) навсегда вошел в историю Русского Православия и Пермской епархии, являясь примером для деятельного подражания многим поколениям наших соотечественников.

Отрадно, что пермский вклад в русское дело на Православном Востоке не забыт и является предметом пристального внимания и изучения, о чем свидетельствует и наша конференция. Надеюсь, что Пермская земля не оскудела талантливыми, энергичными людьми, которые и в XXI веке смогут достойно продолжить сложившуюся традицию паломничества к святыням Христианского Востока и впишут новую страницу в летопись Русского Православия в Святой Земле Палестины.

Лисовой Николай Николаевич

Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН,
доктор исторических наук, заместитель Председателя ИППО

Д. Д. СМЫШЛЯЕВ И ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО*

XIX век был для Российской Империи временем расцвета во всех областях — в культуре, духовности, экономике, развитии общественных институтов. С эпохой реформ, в середине столетия, на арену истории выходят новые социальные силы, которым суждено определять основные тенденции русской жизни во второй половине XIX – начале XX вв. Умно и властно в экономическую, а затем и культурную жизнь страны вторгается русское купечество — люди торгового, финансового и промышленного капитала, дети и внуки вчерашних крепостных. Чуждые тонкостей и предрассудков предшествующего дворянского периода, гордые своим нарочитым «мужицким» демократизмом, нерастраченной энергией, природной силой и смекалкой, молодые хозяева старой земли — Путиловы, Прохоровы, Морозовы, Рябушинские — становятся основателями промышленных групп и торговых династий, зачинателями и созидателями новой, капиталистической России. Представителем, хотя, может быть, и

¹ См. полный текст статьи: Лисовой Н.Н. Д.Д. Смышляев: от Перми до Иерусалима // Смышляев Д.Д. Палестина и Синай. М., 2008. С. 251-284

не вполне типичным, этого нового, набирающего силу класса был потомственный купец по рождению, ученый и меценат по призванию, почетный гражданин города Перми Дмитрий Дмитриевич Смышляев.

О его жизни и деятельности на Урале написано немало, об этом будет говориться в других докладах и сообщениях. Гораздо менее известен палестинский период жизни Дмитрия Дмитриевича.

21 мая 1882 г. в Петербурге открылось, созданное по инициативе В.Н. Хитрово, Православное Палестинское Общество. Его уставные задачи — содействие русскому православному паломничеству, поддержка православия в Святой Земле и на Ближнем Востоке, научное палестиноведение и распространение в России знаний по истории и культуре стран библейского региона — были тесно связаны с традиционными духовными ценностями Православной Церкви и приоритетами российской внешней политики. Палестинское Общество пользовалось государственным вниманием и поддержкой, во главе его стоял брат царя Александра III, великий князь Сергей Александрович. В числе членов-учредителей были как представители российской аристократии (поэт князь А.А. Голенищев-Кутузов, историк граф С.Д. Шереметев, адмирал и дипломат граф Е.В. Путятин) и высшей чиновной элиты (государственный контролер Т.И. Филиппов, директор канцелярии Министерства финансов Д.Ф. Кобеко, министр государственных имуществ М.Н. Островский), так и крупнейшие ученые (академик-византист В.Г. Васильевский, профессор церковной археологии Киевской Духовной Академии А.А. Олесницкий, литературовед и библиограф С.И. Пономарев). Вошел в число членов-учредителей и Д.Д. Смышляев, ставший также уполномоченным Палестинского Общества в Пермской губернии.

Восточное путешествие 1864–1865 гг. оставило в его душе неизгладимый след на всю жизнь. Подобно многим русским «палестинцам», в течение многих лет Дмитрий Дмитриевич лелеял намерение вернуться в Святую Землю. Палестинские темы постоянно возникали в его научных и литературных проектах. В 1885 г., окончательно решившись на новое паломничество, он обратился в Совет Общества с просьбой снять с него временно, на период поездки, обязанности уполномоченного по Пермской губернии. Совет решил иначе: сделать его уполномоченным в самой Палестине.

Как вспоминал впоследствии Смышляев, «я был приглашен в Петербург, откуда, получив указания, 8 октября 1885 года выехал в Москву и 10 октября представлялся в селе Ильинском великому князю Сергию Александровичу»¹. Оба остались довольны состоявшейся встречей, в результате Дмитрий Дмитриевич, охотно принял поручение отправиться в Иерусалим по делам Общества².

Дела эти сводились к следующему: изыскание возможностей для сооружения здания-футляра в Иерусалиме над произведенными Обществом раскопками на Русском месте, рядом с храмом Гроба Господня; организация на Русских Постройках чайной и бани для паломников; проведение эксперимента с временным использованием для возрастающего числа богомольцев военных войлочных кибиток, оставшихся от русско-турецкой войны 1877-78 гг.³

Русское присутствие в Святой Земле имело уже к тому времени свою историю. В Иерусалиме с 1847 г. работала Русская Духовная Миссия, в Петербурге с 1864 г. существовала Палестинская комиссия при Азиатском департаменте МИД, Русское Общество Пароходства и Торговли исправно возило паломников из Одессы в Яффу и обратно. В Иерусалиме в 1860-1864 гг. были возведены Русские Постройки — ансамбль паломнических учреждений, включавший Троицкий собор, здания Русской Духовной Миссии и консульства, мужское и женское подворья и Русскую больницу.

6 ноября 1885 г. Смышляев прибыл в Иерусалим и поселился в качестве простого паломника на Русских Постройках, где и прожил до Рождества. Позже, радушно принявший земляка начальник Русской Духовной Миссии знаменитый архимандрит Антонин (Капустин) устроит ему квартиру у себя, в здании Миссии, освободив несколько комнат⁴.

¹ Смышляев Д.Д. Воспоминания о Востоке // Пермские епархиальные ведомости. 1890. № 2. С. 33.

² См. письмо Смышляева из Москвы В.Н. Хитрово от 12 октября 1885 г. // АВР РИ. Ф.РИППО. Оп. 873/1. Д.18.

³ Письмо секретаря ППО М.П. Степанова к Д.Д. Смышляеву от 31 декабря 1885 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2000. Т. I. С. 479–480.

⁴ «Пермяк мой, почивавший уже на новосельи, в бывшей моей передней, совершенно не узнаваемой» (Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник, 22 февраля 1886 г. // Библиотека ИППО. Б. IV. № 853/27. С. 33).

Когда Палестинское Общество, вполне удовлетворенное деятельностью Смышляева в Иерусалиме, предложило ему остаться еще на год, то он, «заинтересовавшись делом, изъявил согласие и прожил таким образом в Святой Земле четыре года <по 21 августа 1889 г. >, возможность чего никогда прежде <ему и> в голову не приходила»⁵.

Главная задача, которую ставило перед собой Православное Палестинское Общество в 1880-х гг. в Иерусалиме, – расширить площадь помещений для приема паломников. Поэтому Дмитрий Дмитриевич взвалил на себя почти непосильный труд, руководя одновременным строительством двух главных русских объектов: Нового (Сергиевского) подворья и Русского Дома у Порога Судных Врат (будущего Александровского подворья).

Сергиевское или Новое подворье (Москобийе-эль-Джедиде), расположенное в центре Иерусалима, по соседству с Русской Духовной Миссией и Троицким собором, и сегодня является крупнейшим из архитектурно-строительных объектов Палестинского Общества на Ближнем Востоке.

Об истории приобретения и застройки участка мы подробно узнаем из переписки Д.Д. Смышляева с Секретарем ППО М.П. Степановым и членом Совета Общества В.Н. Хитрово.

26 марта 1886 г. Смышляев писал в Петербург Хитрово: «Заявляю решительно и окончательно мое мнение, что, если Общество желает что-либо строить в Иерусалиме, то оно должно приобрести для этого покупкою место. Иначе никакого толку из его хлопот и денежных затрат не выйдет, и я не возьму греха на душу способствовать Обществу в пагубе значительного капитала. Место есть, в соседстве с Русскими Постройками, – целый квартал. На него уже есть покупатели, надо не упустить, а я постараюсь удержать продавца до Вашего ответа»⁶. Несмотря на то, что владелец, узнав о готовности Смышляева купить землю, начал резво поднимать цену, последнему удалось 14 мая 1886 г. приобрести понравившийся ему участок, площадью 4252 кв.м., за 28 100 франков (11 469 руб.).

⁵ Смышляев Д.Д. Воспоминания о Востоке. С. 34.

⁶ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 12.

Отчитавшись перед Советом в Петербурге, Смышляев 3 сентября 1886 г. вернулся в Иерусалим в качестве Уполномоченного Общества в Святой Земле, с бесплатным проездом в Иерусалим и обратно и жалованием 600 франков в месяц. Дополнительно Дмитрию Дмитриевичу был поручен контроль за деятельностью школ, открытых ППО в Палестине⁷. А уже 18 сентября он телеграфировал Степанову: «Разрешение <турецких властей> строить на купленном участке получено». К работе приступили в октябре. 25 октября начали копать фундамент для наружных стен, а 29 числа состоялась торжественная закладка здания⁸.

Архимандрит Антонин записал в тот день в дневнике: «Вся поклонническая Русь в сборе. Совершается владычное водосвятие, окропляются святой водою рвы, архиерей <епископ Иорданский Епифаний> опускается к месту закладки, читает уставную молитву и кладет слой извести. Сыплются монеты в выдолбленное в камне корытце. Уполномоченный <Д.Д. Смышляев> читает торжественно Акт события, кладет бумагу в стеклянную банку, закупоривает ее сургучом и опускает в корытце. Камень кладется и замуровывается руками всех присутствующих. У столика отпуст и царское многолетие. В квартире Полномочного шампанское и закуска с батареей бутылок. Веселье и острословие всеобщее»⁹.

Строить Смышляев решил сам, «хозяйственным способом, без подрядчика»¹⁰. Для бесперебойной работы он просил присылать из Петербурга по 20 000 франков по первым числам каждого из весенних и летних месяцев (в сезон дождей строительство прекращалось). Дмитрий Дмитриевич на первых порах, и сам, может быть, не отдавал себе ясного отчета, за что берется. Строительство не только Сергиевского подворья — вообще Русского Иерусалима можно по праву назвать эпопеей героической. На захолустной окраине Османской империи,

⁷ Отношение Совета ППО Уполномоченному Обществу в Иерусалиме Д.Д. Смышляеву. 4 августа 1886 г. // Россия в Святой Земле. Т. I. С. 481.

⁸ Телеграмма консула Д.Н. Бухарова, архимандрита Антонина (Капустина) и Д.Д. Смышляева на имя Председателя Православного Палестинского Общества, великого князя Сергея Александровича от 29 октября (10 ноября) 1886 г. // АВР ИР. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 100.

⁹ Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1886 г. С. 190.

¹⁰ АВР ИР. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 138.

без дорог и инфраструктур, без подготовленной рабочей силы предстояло создать городские постройки с необходимыми инженерными службами. Любой проект, начиная с приобретения участка, получения фирмана на строительство, привлечения специалистов, – был обставлен множеством условий и препятствий, единственным средством преодоления которых в насквозь коррумпированной феодальной стране был – всегда и на всех уровнях – всемогущий *бакишии*.

Значительная часть стройматериалов, а отделочные – полностью, ввозились из Европы. Проще было использовать российские, но цена на них непомерно возрастала по дороговизне перевозок. Деревя в Палестине нет вообще. Что касается местного камня, далеко не все его виды пригодны для городского строительства. Добывать его приходилось в загородных каменоломнях (ближайшая — на русском участке у пруда Мамилла на окраине Иерусалима), доставлять на стройку — по каменистым проселочным дорогам в длинных повозках, на традиционной для Ближнего Востока тяге — послушных и выносливых мулах.

Главную рабочую силу составляли арабы-палестинцы, нанятые из окрестных деревень. Простых феллахов, вчерашних погонщиков верблюдов, приходилось обучать новым строительным профессиям, совершенно непривычным для них. Рабочий день начинался, по условиям климата, в 6 часов утра и заканчивался под нестерпимым солнцепеком к часу дня, строительный сезон продолжался с весны до осени, исключая зимние дождливые месяцы.

В отличие от других подрядчиков, нещадно эксплуатировавших почти даровую арабскую рабочую силу, Смышляев проявлял не типичную для колониальной страны заботу о своих строителях. Для облегчения тяжелых условий работы закупалась в Европе дорогостоящая строительная техника, создавались мастерские по обработке материалов.

Организаторский талант Уполномоченного позволил привлечь арабов, греков, итальянцев – и сплотить их в дружную команду, способную создавать архитектурные шедевры в русском национальном стиле. Излишне говорить, что самому руководителю приходилось нередко быть в одном лице и подрядчиком, и инженером, и сторожем, и чернорабочим.

... После перерыва, вызванного зимним сезоном дождей, с 3 декабря 1886 г. до 10 марта 1887 г., строительство возобновилось. Воспользовав-

шись невольными каникулами, Смышляев в январе-феврале еще раз приезжал в Петербург и выступал с отчетом в Совете Общества. 10 февраля 1887 г. во внимание «заслуг по исполнению трудных обязанностей» он был избран почетным членом ППО с вручением золотого знака и диплома, подписанного Председателем Общества вел. кн. Сергием Александровичем.

В мае Дмитрий Дмитриевич обратился в Совет с предложением об изменениях в первоначальном проекте Сергиевского подворья — с целью «выстроить второй этаж над столовой, буфетом и гостиной и в этом втором этаже поместить библиотеку и музей», причем жертвовал Обществу собственную свою библиотеку¹¹.

18 июня 1887 г. М.П. Степанов писал Смышляеву: «Судя по присланным Вами фотографиям, наше Иерусалимское подворье быстро подвигается вперед. Дай Бог не только окончить его, но и поставить на ноги, ибо без сего последнего и самая постройка не имела бы значения. А это, Вы знаете, без Вас мы не в состоянии сделать. Итак, да поможет Вам и подкрепит Вас Господь Бог - это искреннее и сердечное наше здесь моление. Это дело, Вы сами знаете, благое и хорошее, а такие дела рано или поздно всегда удаются»¹².

7 января 1888 г. Смышляев докладывает о ходе работ при очередном отчете в заседании Совета Палестинского Общества в Петербурге¹³. 3 марта он возвратился в Иерусалим, а уже 14-го были возобновлены работы. Из письма М.П. Степанову от 26 марта 1888 г.: «Закрыли потолок южного корпуса и закрывают в западном». 20 апреля: «Постройки наши идут своим чередом».

Из Петербурга торопили. Смышляев – Хитрово, от 2 февраля 1889 г.: «Вы спрашиваете, можно ли будет к сентябрю выстроить северный корпус, если будут деньги? Можно, но жить в нем будет до следующего сезона, т.е. до сентября 1890 г., нельзя: во-первых, он будет сыр, а во-вторых, нельзя успеть его обставить всем нужным для жилья»¹⁴.

¹¹ Письмо М.П. Степанова Д.Д. Смышляеву. 18 июня 1887 г. // Россия в Святой Земле. Т. I С. 488.

¹² Там же. С. 486-487.

¹³ Текст доклада: АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 21. Л. 110-117.

¹⁴ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 22. Л. 143.

29 апреля 1889 г., в день рождения Председателя ИППО великого князя Сергея Александровича, на угловой башне Сергиевского подворья впервые был поднят флаг Палестинского Общества. Освящено подворье было уже после отъезда Смышляева из Иерусалима, 20 октября 1889 г.

Другим замечательным памятником Русского Иерусалима, построенным Смышляевым, является Александровское подворье с храмом св. князя Александра Невского и Порогом Судных Врат.

Направляя 20 июня 1887 г. послу в Константинополе А.И. Нелидову планы и чертежи проектировавшегося здания на месте Русских раскопок, Смышляев сформулировал основные соображения по его архитектуре и функциональному назначению. В угловой части, на углу улиц Святогробской (Даббага) и Базарной (Хан Эс-Зейт), предполагалось устроить несколько комнат для отдыха паломников после ночной службы у Гроба Господня. Весь остальной объем здания имел целью «предохранить остатки древних построек, обнаруженных раскопками и имеющих, по общему отзыву русских и иностранных исследователей, высокое научное значение, от влияния воздушных перемен, дальнейшего разрушения и засорения». Эта часть постройки, по мысли Смышляева, «есть не что иное, как реставрация уцелевших архитектурных остатков, частью полуразрушенных, частью утративших от времени необходимую устойчивость. Реставрация эта рассчитана так, что не преграждает возможности дальнейших изысканий, если бы они потребовались». Со временем эта часть постройки могла быть использована для размещения Музея палестинских древностей, о котором мечтал Смышляев¹⁵.

Вставали перед Уполномоченным и новые вопросы. Предлагался для покупки участок в Назарете (под строительство здания учительской семинарии), в Бет-Джале архимандрит Антонин передал Обществу основанную им школу вместе с домом и прилежащим участком, и нужно было решать вопрос, за кем остается хозяйственная часть – содержание виноградников и самих построек.

В Иерихоне Обществу был подарен участок земли иеромонахом Иоасафом (Плехановым), где Совет ППО предписал Смышляеву «при

¹⁵ Письмо Д.Д. Смышляева послу в Константинополе А.И. Нелидову. 20 июня 1887 г. // Россия в Святой Земле. Т. I. С. 564-565.

первой возможности приступить к научным раскопкам», на что было выделено 1500 руб. Найденные при раскопках вещи рекомендовалось «громоздкие оставить на месте находки, мелкие – перевезти в Иерусалим и поставить в особое помещение (начало нашего будущего Иерусалимского музея)». По мере раскопок предполагалось фотофиксация и подробное описание найденных предметов¹⁶.

Приходится удивляться, как глубоко и профессионально этот человек, уже 30 лет как оставивший свои торговые дела и занимавшийся преимущественно наукой и литературой, входил в финансовые, юридические, инженерные, архитектурные и даже научные подробности, не боясь смелых решений и уверенно взваливая на себя ответственность за русское дело в Святой Земле. Вот, к примеру, выдержки из очередного доклада Совету Общества, который представил Смышляев в свой приезд в Петербург 7 января 1888 г.

«В настоящее время, — писал он в докладе, повествуя о строительстве Сергиевского подворья, — исполненные работы представляются в следующем виде:

1. Под южным корпусом устроена цистерна, размерами внутри стен 14 сажен длиной, 4 шириною и 3 глубиною; вся внутренность ее покрыта слоем цемента, и в настоящую зиму цистерна эта наполняется водою, которая будет употребляться для предстоящих построек, что избавит от значительного расхода на покупку и подвозку воды, которой было для построек необходимо в текущем году.

2. Рядом с цистерной устроен подвал, размерами внутри стен длиной 5 сажен, шириной 4 и вышиной 5 аршин и 6 окнами. Подвал оштукатурен и выбелен; в него ведут две каменные лестницы, со двора и из кухни.

3. Немного не окончена цистерна для бани, прачечной и поливки садов, размерами внутри стен: длиной 9 сажень 1 аршин, шириною 3 сажени 1 аршин и глубиною 3 сажени 2 аршина.

4. Устроены выгребные ямы: а) под баней и прачечной и рядом б) два отхожих места отдельного северного корпуса; в) два отхожих места западного корпуса и г) два - восточного корпуса.

5. Устроен подвал для склада каменного угля.

¹⁶ Письмо М.П. Степанова Д.Д. Смышляеву. 15 октября 1886 г. // Там же. С. 481-484.

Все эти работы произведены в цельной скале, при помощи пороха.

6. Выстроен первый этаж восточного корпуса, с воротами на южной стене и пассажем посредине. Большая часть его, от ворот и кончая пассажем, окончательно отделана: настланы плиточные полы, поставлены внутренние стены из камня и из пустого кирпича, оштукатурены и выбелены; вставлены железные задвижки и рамы в окна и навешены двери; рамы и двери окрашены масляной краской. В пассаже расписан потолок, сделаны каменные скамьи для ожидающих. В этой части здания 5 комнат жилых и передняя, чулан, контора с окном, выходящим в пассаж, комната для прислужника, лестница в верхний этаж и отхожее место. В пассаже навешены наружные двери, железные, а во дворе - деревянные. Все отделанные части здания на зиму покрыты временной черепичной крышей.

7. В южном корпусе окончательно отделана большая столовая для поклонников 3 класса, имеющая внутри стен 5 сажен 1 аршин длины и 5 сажен ширины. В столовую открывается большая ниша, составляющая нижний этаж башни. Ниша эта может служить часовней. В настоящее время столовая служит для чтений поклонникам, которые открыты о. Александром Анисимовым 20 декабря истекшего года.

8. Рядом, в помещении, назначаемом для кухни, пекарни, лавки, кладовой и комнат для экономки и прислуги, настланы плиточные полы и устроены сверху железные балки, далее следуют ворота, уже оконченные, и по ту сторону ворот – небольшое отделение на кровати для поклонников 3 класса.

9. Выстроен нижний этаж корпуса, первоначально назначавшегося для гостиницы 1 класса, а затем определенного для помещения поклонников 3 класса. Здесь возведены только стены и уложены железные балки для потолков.

10. Возведены два амбара и над ними сушило для белья. Амбары эти вполне окончены и уже служат своему назначению; в них настланы каменные плиточные полы и здание окончательно закрыто черепичной крышей.

11. Рядом с ними – здание, назначенное для бани и прачечной; внутри оно пока не отделано, готовы только полы и потолки; но покрыто окончательно черепичной кровлей.

12. На юго-восточном углу зданий устроена башня в три этажа: в подземном она образует нишу, открывающуюся в подвал; в первом этаже - такую же нишу, как уже было сказано, открывающуюся в столовую; во втором этаже башни - витая дубовая лестница, ведущая на верхнюю платформу, с которой открывается обширный вид на окрестности, во все стороны. Башня построена из разноцветного камня - белого и бледнорозового, полосами. Посередине ее, с наружной стороны, высечен рельефом из твердого камня знак Православного Палестинского Общества.

Таким образом, с летом трудные и дорогие работы окончены. Если в наступившем году ограничиться возведением вторых этажей над восточным и южным корпусами, окончательной отделкой и обстановкой помещений для 1 и 2 классов и для 150 человек 3 класса, устройством кухни, водогрейной и пекарни и уборкой громадного количества мусора, накопившегося во время построек, то этого будет совершенно достаточно, чтобы, без излишней торопливости, исполнить дело как следует»¹⁷.

Одновременно продолжались работы и по возведению Русского Дома. К 1 января 1888 г. картина выглядела следующим образом: «Устроена цистерна и жилые помещения для временного отдыха поклонников, ожидающих начала службы в храме Воскресения, примерно на 100 человек. Помещение для них устроено на террасе, с каменной лестницей, из 6 отдельных больших комнат и большой общей палаты. Здание построено из дерева и мелкого камня и оштукатурено снаружи и внутри; покрыто черепицей; вставлены рамы в окна и навешены двери; полы настланы из красных изразцов, на цементе. В этих зданиях работы в наступившем году могут быть произведены в таких размерах, как позволят средства Общества»¹⁸.

А чего стоят подробные выкладки о доходности и пользе для паломников установленного им водогрейного аппарата: «С 18 декабря 1886 по 1 января 1888 г., по 1 коп. за чайник всякой величины - 824 фр. 98 с. А так как израсходовано на содержание 616 фр. 95 с., то в погашение

¹⁷ Смышляев Д.Д. Доклад Совету Православного Палестинского Общества о постройке приютов для поклонников и предохранительного здания на месте раскопок, произведенных возле храма Воскресения. СПб., 1888.

¹⁸ Там же.

стоимости аппарата и здания для него поступило 209, 3 фр. Всего 824, 98 фр. С 18 декабря 1866 по 1 января 1888 г. аппарат действовал 134 дня, что дает средним числом выручки по 6 фр. 15 с. в день, то есть ежедневно было предложено более 300 требований». Далее в докладе, столь же лаконично, но подробно рассказывается об устройстве кухни для паломников, лужении котлов, перекладки печей, железных и гончарных трубах, приобретенной посуде и кухонных принадлежностях.

Деятели Православного Палестинского Общества отличались скромностью и бесребренничеством. Так, членам Совета неловко было узнать, что при колоссальном объеме работ Смышляев получает от Палестинского Общества, как было назначено, всего 600 франков в месяц. На эти деньги Дмитрий Дмитриевич должен был нанимать себе квартиру, платить за свой стол, а в некоторые торжественные дни (царские дни, дни рождения и тезоименитства Сергия Александровича и Елизаветы Федоровны, годовщины основания Общества, при закладках сооружений) ему как официальному представителю Общества приходилось устраивать приемы и угощать гостей. С учетом чрезвычайных расходов Совет решил «назначить прибавку к содержанию Уполномоченного Общества в Иерусалиме на представительность в размере 2400 франков в год»¹⁹.

Деятельность Уполномоченного Палестинского Общества в Иерусалиме требовала установить деловые, доброжелательные отношения с российским консульством, с Русской Духовной Миссией, с Греческой Патриархией. И все эти связи и отношения в иерусалимском «Бермудском треугольнике» были трудными и запутанными. Представители русской дипломатии косо смотрели в те годы на развертывавшуюся деятельность ППО, видя в нем опасного конкурента Палестинской Комиссии при Азиатском департаменте МИД, архимандрит Антонин — начальник РДМ — по долговременной привычке к «круговой обороне» на Востоке, подозрительно относился и к тем, и к другим. Сверх того, на Смышляева были возложены весьма непростые контакты от имени Общества с Патриархом Иерусалимским Никодимом. А тот, в свою очередь, постоянно колебался между ненавистью к ППО, в котором

¹⁹ Записка в Совет Православного Палестинского Общества. 13 января 1888 г. // Россия в Святой Земле. Т. I. С. 495.

мечтал первоначально видеть лишь орудие для сбора средств в его, Патриарха пользу, и проблесками «симпатии» к Обществу, когда появлялась надежда получить ссуду или попросту материальную помощь.

Как писал Смышляев, «все здесь хитрят: и Блаженнейший <Патриарх Иерусалимский – Н.Л.>, и Высокопреподобный <архимандрит Антонин – Н.Л.>, и Высокородный <русский консул в Иерусалиме – Н.Л.>, и все воображают себя дипломатами. А по правде сказать, вся их дипломатия шита белыми нитками»²⁰.

Дмитрий Дмитриевич постепенно вновь почувствовал себя вовлеченным в нескончаемую подковерную борьбу, от которой бежал когда-то из Земской Управы. К тому же здоровье ухудшалось, палестинский климат отрицательно сказывался на физическом и моральном состоянии... Да и в руководстве Палестинского Общества нередко случались противоречия и размолвки. В Петербурге не всегда понимали или готовы были принять в расчет и нехватку времени и сил, и нарастающую усталость, и — тоже нараставшее — сопротивление со стороны всех названных партнеров. В.Н. Хитрово, высоко ценивший Дмитрия Дмитриевича, по своему известному максимализму и безжалостной искренности не мог не требовать и ускорения работ по строительству, и большей активности и инициативности, вольно или невольно обижая своими письмами и телеграммами друга и соратника.

Болезненно самолюбивый, склонный к сомнениям и колебаниям, очень чистый и боящийся двусмысленностей и неопределенностей, Смышляев не раз, почти с самого начала, ставил перед собой и коллегами вопрос об отставке с поста иерусалимского Уполномоченного. Архимандрит Антонин еще 1 октября 1886 г. пишет в своем дневнике о намерении «земляка» (так он обозначал Дмитрия Дмитриевича) «просить отставки от иерусалимского полномочества»²¹. Вновь тема отъезда из Иерусалима была поднята — и весьма категорично — в 1888 г.

Смышляев — Хитрово, 15 октября 1888 г.: «В ответ на Ваше последнее письмо, прилагаю заявление в Совет Общества об отказе от обязанностей уполномоченного в Иерусалиме. Числа на нем я не выставил,

²⁰ Письмо Смышляева Хитрово от 26 февраля 1886 г. // АВП РИ. Ф.РИППО. Оп. 873/1. Д.18. Л. 151 об.

²¹ Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1886 г. С. 172.

предоставляя сделать это Вам, как только на место мое Вами найден будет кто-либо, менее меня “вредный для Общества”. Серьезная болезнь, принявшая опасное течение после усиленной деятельности по приготовлениям к приезду великих князей, вынуждает меня, однако, оставить Иерусалим сколько возможно скорее, чтобы основательно позаботиться о своем здоровье»²². Его уговорили остаться, предоставив до весны 1889 г. отпуск для поправки здоровья в Европе.

И все же летом, после очередного конфликта с В.Н. Хитрово (архивные документы не позволяют до конца выяснить причин расхождения)²³, Смышляев окончательно объявил о своем уходе. 7 июня 1889 г. он отправляет письмо в Совет Императорского Православного Палестинского Общества:

²² Россия в Святой Земле. Т. I. С. 498-499.

²³ «Усмотреть в этом какое-то личное для себя оскорбление, воля Ваша, не более как иерусалимская атмосфера, лишающая способности различать, что крупно, а что мелко». (Из письма В.Н. Хитрово Д.Д. Смышляеву. 19 апреля-3 мая 1889 г. // Россия в Святой Земле. Т. I. С. 512). Выразительный и грустный итог подвел Василий Николаевич в своем письме от 17 июля 1889 г.: «Что хотите, дорогой друг Дмитрий Дмитриевич, чтобы я сказал Вам относительно предположения о будущности наших учреждений в Иерусалиме? Не академическое же сочинение писать о вреде пожаров и о мерах к их пресечению, когда дом горит. А между тем мы именно находимся в этом положении. Чего добивались, добились. Очевидно подняв против себя все и всех. Среди этой поднявшейся бури, из которой мало выйти, но нужно войти в порт. И в эту самую минуту рулевой, на которого я полагался, бросает руль, говоря: не могу. Сердиться, если бы даже это к чему-нибудь и служило бы, я не могу, ибо этому рулевому я обязан, что судно 4 года плавало, не могу сердиться и потому, что коли он бросил руль, значит далее не может. В эту минуту думаем об одном, как бы схватить руль, кого поставить рулевым, а не о том, как будем в нормальное время управлять судном. Поэтому не ждите от меня академических диссертаций, было время для них и мне прошлым летом, было время и нынешнею зимою. Тогда они Вас не интересовали, не посетуйте, если я теперь не в состоянии их делать. Будь это в другое время, я был бы теперь в Иерусалиме. Теперь я сижу и управляю канцеляриею Министерства Финансов и вырваться не могу. Могли ли бы Вы поступить иначе, выждав до будущей весны, это на Вашей совести, но смею думать, что обе приводимые Вами причины: потеря Вами моего доверия и визит П.А. к Сандре-цкому не имеют никакого значения и придуманы, чтобы скрыть действительную и донные тщательно скрываемую. Что будем об этом говорить, снявши голову, о волосах не плачут.

Со своей стороны, близко стоя к делу, я вернее других могу засвидетельствовать, что Вами сделано в эти четыре года. Благодарить Вас я не имею никакого права, не для меня лично Вы работали, мы оба были работниками одного дела. Вы в Иерусалиме, я в Питере, где была труднее работа, да рассудит Бог, Вы устали и отошли от дела, я должен умереть у дела. Одного, что бы я желал, это чтобы в будущем нас Бог опять свел у того же дела. Обнимаю Вас дружески и сердечно, да восстановит Господь Бог Ваши силы и сохраните добрую память об искренно Вам преданном и глубоко Вас уважающем В. Хитрово. (Письмо В.Н.Хитрово Д.Д.Смышляеву. 17 июля 1889 г. // Россия в Святой Земле. Т. I. С. 526-527).

«При увеличении дела и усложнении обязанностей Уполномоченного Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме с переходом к Обществу управления учреждениями, бывшими в заведывании Палестинской Комиссии, при серьезных затруднениях, которые могут ожидать в будущем от столкновения многообразных властей и при моих летах и состоянии здоровья, я не чувствую себя в состоянии с пользою продолжать мое служение Обществу и потому нахожу необходимым выехать из Иерусалима в августе месяце в Россию для устройства своего будущего положения; но предварительно постараюсь окончить при себе все наиболее трудные, а относительно остального дам подробные наставления моему помощнику Николаю Григорьевичу Михайлову, приобретшему уже достаточно опытности для того, чтобы не только довести до конца производящиеся постройки, но исполнять и другие поручения Общества без моего участия.

Оставляя навсегда Иерусалим, считаю священным долгом принести мою глубочайшую душевную благодарность Совету Общества за безграничное внимание и доверие, коим я пользовался во все время моего четырехлетнего служения Обществу и коим я обязан благоволением ко мне Августейшего Председателя Общества Его Императорского Высочества Государя великого князя Сергея Александровича и великою Монаршею милостию, далеко превысившего действительные мои заслуги.

Посвятив в течение четырех лет все мои труды, помыслы и благие пожелания дорогим для меня интересам Общества, я и впредь, что бы ни было, готов служить этим интересам, насколько мое будущее положение, силы и здоровье мне позволят»²⁴.

В.Н. Хитрово пытался сохранить Смышляева на службе Палестинского Общества. «Как мне пишет Степанов из Ильинского, первое, что великий князь сказал, узнав о сем: если здоровье Д.Д. требует, то пусть едет на год, на два лечиться, но я не хочу терять надежды видеть его опять в Иерусалиме Уполномоченным Общества.

Если Вы не желаете совсем бросить палестинские дела, переезжайте вместо Перми в Петербург. Вы нам здесь будете не менее полезны и этим

²⁴ Россия в Святой Земле. Т. I. С. 519-521.

обрадуете всех нас. О деньгах не заботьтесь, Вы не требовательны, а то, что нужно, найдется, а лечиться, право, не хуже в Питере, чем в Перми»²⁵.

Председатель ИППО великий князь Сергей Александрович 6 июля 1889 г. почтил Смышляева собственноручно подписанным рескриптом.

«Димитрий Димитриевич,

С искренним сожалением из донесения Вашего от 7 июня с.г. узнал Я, что болезнь Ваша, не поддающаяся лечению ввиду климатических условий, побуждает Вас просить о сложении с Вас обязанностей Уполномоченного Императорского Палестинского Православного Общества в Иерусалиме.

Единственно эта причина заставляет меня согласиться на Вашу просьбу в надежде, что когда, с помощью Божиею, Ваши силы восстановятся, Вы не откажетесь в будущем принимать, в Святой ли Земле или в России, то деятельное участие, которым ознаменовались Ваши четырехлетние труды на пользу общего дорогого нам дела.

Поэтому прошу Вас сохранить звание Уполномоченного Императорского Православного Палестинского Общества, доверие которого Вы так вполне и блестяще оправдали, и считать Ваш отъезд из Иерусалима только как неограниченный сроком отпуск.

Мне приятно выразить Вам при этом случае мою глубокую признательность за Вашу самоотверженную деятельность и я никогда не забуду, что Вам Императорское Православное Палестинское Общество обязано было возможностью поставить на твердое основание свою сложную деятельность в Святой Земле»²⁶.

Совет ИППО, как было сообщено Смышляеву, постановил:

«1. Выразить Вам от имени Императорского Православного Палестинского Общества свою сердечную и искреннюю благодарность за Вашу деятельность на пользу Общества и надежду, что, сохраняя звание Уполномоченного Общества, отъезд Ваш из Иерусалима есть только временный, обусловленный единственно состоянием Вашего здоровья.

2. Поставить в приемной Русского подворья в Иерусалиме²⁷, обязанного всецело Вам своим существованием, Ваш портрет с надписью:

²⁵ Письмо В.Н. Хитрово Д.Д. Смышляеву. Июнь 1889 г. // Россия в Святой Земле. Т. I. С. 521-524.

²⁶ Россия в Святой Земле. Т. I. С. 524.

²⁷ Имеется в виду Сергиевское подворье, строительством которого руководил Д.Д. Смышляев.

Первый Уполномоченный Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме. 1885 - 1889 гг.

3. Просить Вас принять от Общества по 1800 р. кред. в год до тех пор, пока Ваше здоровье не позволит Вам вернуться в Иерусалим, а равно и путевые деньги на возвратный путь в Россию»²⁸.

Смышляев – Хитрово, 10 июня 1889 г.: «В августе я уеду в Пермь, куда я принял приглашение на частную службу, и где для меня уже нанята квартира». И последняя официальная записка в канцелярию Общества: «Оставляя Иерусалим, имею честь покорнейше просить Канцелярию Императорского Православного Палестинского Общества следующие мне бумаги и издания Общества адресовать впредь в город Пермь на мое имя»²⁹.

Так закончилась «смышляевская эпопея» — одна из интереснейших страниц истории Русской Палестины.

При всех трудностях и неизбежных накладках деятельность первого иерусалимского Уполномоченного ИППО имела для Общества огромное значение. В результате быстрого и эффективного осуществления целого ряда строительных и научно-археологических проектов в Палестине, Общество приобрело достаточный авторитет, чтобы стать единственной централизованной силой, руководящей всей русской работой на Ближнем Востоке. Высочайшим указом от 24 марта 1889 г. Палестинская комиссия была расформирована, ее функции, капиталы, имущество и земельные участки в Святой Земле переданы Палестинскому Обществу, получившему с этого дня почетное именование Императорского. В известном смысле, это был подлинный триумф не только великого князя Сергея Александровича и В.Н. Хитрово, но и Д.Д. Смышляева, активно участвовавшего в проведении самостоятельной политики Общества на Ближнем Востоке. И, как показало время, политика эта была правильной.

²⁸ Письмо Совета ИППО Д.Д. Смышляеву от 13 июля 1889 г. // Россия в Святой Земле. Т. I. С.525.

²⁹ Письмо Д.Д. Смышляева в Канцелярию Палестинского Общества. Иерусалим, 19 Августа 1889 г. // Там же. С. 527.

Житенев Сергей Юрьевич

Президент Международной туристской академии,
кандидат культурологии

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Как известно, Дмитрий Дмитриевич Смышляев невероятно плодотворно потрудились в Святой Земле, принимая непосредственное участие в создании Русской Палестины во второй половине XIX века. В те времена на земле древней Палестины было много людей из России: паломники, священники, дипломаты, строители, писатели, архитекторы, художники и так далее. Именно о художниках, работавших во время своего паломничества в Святой Земле, мне бы хотелось сегодня рассказать на нашей конференции. Некоторые из них могли встречаться и общаться с Д.Д. Смышляевым в Иерусалиме. Речь, безусловно, пойдет о профессиональных художниках, отразивших в своем творчестве святые места, евангельские события и природу Палестины.

Одним из первых известных нам профессиональных художников, посетивших Святую Землю и посвятивших во многом свою творческую жизнь палестинской теме, был Максим Никифорович Воробьев¹.

¹ Воробьев Максим Никифорович (1787–1855) – известный русский художник, академик и заслуженный профессор Императорской Академии художеств, один из основоположников русского романтического пейзажа, паломник. Он родился в 1787 г. в семье солдата, который после отставки в чине унтер-офицера служил смотрителем в Академии художеств в Санкт-Петербурге. В 1798 г. он устроил своего сына в архитектурный класс Академии, где тот занимался под руководством Ж. Тома де Томона. Окончил же Академию М.Н. Воробьев по классу пейзажной живописи, здесь его наставником был Ф.Я. Алексеев. По окончании Академии

В 1820–1821 годах по высочайшему повелению Максим Никифорович был направлен в Святую Землю, где он путешествовал вместе с Д.В. Дашковым². Поездка М.Н. Воробьева к святым местам Православного Востока была устроена наследником престола и великим князем Николаем Павловичем, который, желая привести в надлежащий вид храм Воскресения Христова в Ново-Иерусалимском монастыре под Москвой, хотел ясно представлять оригинал. Поэтому главной задачей художника в этом путешествии было «снятие видов и планов» храма Воскресения Господня в Иерусалиме. Трудность этого предприятия заключалась в том, что все измерения и рисунки надо было делать тайком от местных мусульманских властей. Кроме храмов, М.Н. Воробьев нарисовал несколько пейзажных видов Иерусалима и Мертвого моря, а по пути в Палестину – виды Константинополя, острова Родос, Смирны, Яффы и другие. Все эти материалы для будущих картин заключались в 90 листах акварельных рисунков, частью эскизных, хотя некоторые имели весьма

получил золотую медаль, удостоился личного дворянства и был определен помощником Ф.Я. Алексеева для писания видов русских городов. В 1809–1812 гг. он работал по «снятию видов» Москвы и ее окрестностей, затем состоял художником при главной квартире русской армии в Германии и Франции в 1813–1814 гг. За картину «Торжественное молебствие, совершаемое русским духовенством в Париже на площади Людовика XV» М.Н. Воробьев получил звание академика живописи. В этой работе он проявил себя большим мастером перспективной живописи. В 1817–1818 гг. писал виды Орла и Воронежа. В 1820–1821 гг. он совершил паломничество в Святую Землю. Прикомандированный к штабу нашей армии во время Русско-турецкой войны 1828 г., М.Н. Воробьев посетил театр военных действий на Дунае. Позже он жил преимущественно в Петербурге. В 1844–1845 гг. совершил путешествие по Италии, где помимо творческой деятельности поклонился великим христианским святыням. Современники оценивали Воробьева очень высоко. Н.В. Кукольник отзывался о «Виде Константинополя», действительно одной из лучших картин М.Н. Воробьева, так: «Это не картина, а ода из воды, земли и воздуха». К лучшим же картинам открытого пейзажа с далеким горизонтом, выполненным художником, принадлежат: «Мертвое море» (1827) и «Вид Иерусалима» (1821). Большое историческое значение имела педагогическая деятельность мастера, он преподавал в Императорской Академии художеств с 1814 г. Среди его учеников были И.К. Айвазовский, А.П. Боголюбов, Л.Ф. Лагорио, М.И. Лебедев, М.К. Клодт, И.И. Шишкин, братья Г.Г. и Н.Г. Чернецовы.

² Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839) – русский дипломат, государственный и общественный деятель, паломник, добрый товарищ А.С. Пушкина, один из основателей литературного общества «Арзамас». В 1816–1826 гг. был чиновником Коллегии иностранных дел, второй советник посольства Российской империи в Константинополе в 1817–1820 гг. В 1820 г. совершил паломническую поездку в Святую Землю вместе с художником М.Н. Воробьевым. В 1826–1829 гг. – товарищ министра внутренних дел и статс-секретарь. В 1829–1832 гг. – товарищ министра юстиции. В 1832–1839 гг. – министр юстиции Российской империи. С 1839 г. – член Государственного совета.

законченный вид. Как глубоко верующий человек, Максим Никифорович во время своего паломничества смог поклониться святыням Константинополя, Иерусалима, Вифлеема и другим.

Из своей паломнической поездки художник привез в Петербург целую коллекцию рисунков и на их основе написал несколько знаменитых картин: «Иерусалим ночью» (1820-е гг., Третьяковская галерея), «Вход в храм Воскресения Христова в Иерусалиме» (1822) и «Внутренний вид придела Голгофы в храме Воскресения Христова в Иерусалиме» (1824, Эрмитаж). Он был награжден пожизненной пенсией за успешное выполнение палестинского поручения.

М.Н. Воробьев на всю жизнь глубоко сохранил воспоминания о своей паломнической поездке на Православный Восток. Его палестинские впечатления вызвали к жизни через 16 лет после возвращения из Святой Земли новый цикл замечательных художественных произведений: «Общий вид Иерусалима», «Вид Константинополя с азиатского берега» и другие. Картины мастера показали русским людям того времени святыне места, связанные с земной жизнью Спасителя: храм Воскресения Христова, Голгофу, виды Иерусалима, Вифлеема, окрестности Мертвого моря.

В 1835 году Карл Павлович Брюллов³ получил предложение графа

³ Брюллов Карл Павлович (1799–1852) – выдающийся русский художник. Родился 12 (23) декабря 1799 г. в обрусевшей немецкой семье в Петербурге. Отец будущего мастера был резчиком по дереву. Учился в Академии художеств (1809–1821), в частности у А.И. Иванова (отца А.А. Иванова). В 1823–1835 гг. работал в Италии, выехав туда как пенсионер Общества поощрения художеств, и испытал глубокое воздействие как античного, так и современного ему итальянского искусства. Итальянские картины К.П. Брюллова проникнуты чувственной негой; в этот период окончательно формируется его дар рисовальщика. Он выступает как мастер светского портрета. Стремясь к большим историческим темам, начинает в 1830 г. работу над картиной «Последний день Помпеи». Многофигурное трагическое полотно становится в ряд характерных для романтизма картин-катастроф. «Помпея» К.П. Брюллова (завершенная в 1833 г. и хранящаяся в Русском музее) произвела сенсацию и в России, и за рубежом, где ее приветствуют как первый большой международный успех русской живописной школы. На родину в декабре 1835 г. художник возвращается уже как живой классик. Посетив по пути Грецию и Турцию, он создает целый ряд поэтических образов Восточного Средиземноморья. В 1830–40-е гг. К.П. Брюллов написал серию полотен на исторические сюжеты («Осада Пскова», «Нашествие Гейзериха на Рим» и др.). Он много работал и в области религиозной живописи: запрестольный образ Божией Матери в Казанском соборе, «Святая Троица» в Сергиевской пустыни (в Петербурге), несколько икон для храма на Аптекарском острове. Им были проведены большие работы по росписи Исаакиевского собора. К.П. Брюллов – большой мастер портретной живописи (портреты И.А. Крылова, Н.В. Кукольника, В.А. Жуковского). Брюллов поддерживал молодых художников П.А. Федотова и Т.Г. Шевченко, содействовал выкупу по-

В.П. Орлова-Давыдова⁴ принять участие в научно-познавательной экспедиции на Православный Восток. В составе экспедиции К.П. Брюллов посещает Грецию, ее острова, в Афинах он заболевает. Здесь его застает вызов императора в Санкт-Петербург. Так, к сожалению, не состоялось паломничество великого художника в Святую Землю. Во время путешествия по Греции в 1835 году К.П. Брюллов создает серию образов греческих повстанцев – портрет их вождя, инсургента⁵ Теодора Колокотрониса⁶, композиции «Раненый грек», «Грек на скале», «Инсургент». Величественная природа Греции поразила Брюллова. Он, который никогда не был увлечен изображением природы как таковой – она присутствовала в его произведениях как фон или как среда действия, – здесь делает несколько прекрасных пейзажей. Среди них резко выделяются три: «Долина Дельфийская», «Итомская долина

следнего из крепостной неволи. Все более слабея от болезни, он уехал за границу. С 1849 г. живет на острове Мадейра, а с 1850 г. – в Италии, где и умирает в местечке Мандзиана, близ Рима.

⁴ Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809–1882) – граф, тайный советник, почетный член Императорской Академии наук, писатель и паломник. В 1830-е гг. путешествовал по Италии, покровительствовал русским художникам в Риме, дружил с К.П. Брюлловым. В 1834 г. на свои средства предпринял художественную и литературную экспедицию на Ионические острова и в Малую Азию.

⁵ Инсургенты (лат. *insurgentes*, ед.ч. *insurgens*, – ‘повстанцы’) – вооруженные отряды гражданского населения, противостоящие властям. В настоящее время используется также выражение «вооруженные диссиденты». Обычно инсургенты формируют военизированные группы, цель которых состоит в свержении правительства или существующего режима, завоевании национальной независимости или ином изменении установленного порядка. Поскольку они практически всегда обладают меньшей военной силой, чем власти, обычно прибегают к партизанской войне, террористическим актам.

⁶ Колокотронис Теодор (1770–1843) – греческий полководец периода войны за независимость, деятель греческого национально-освободительного движения. В 1821 г. принял участие в подготовке и возглавил антитурецкое восстание в Пелопоннесе. В 1823 г. был назначен главнокомандующим греческими войсками в Морее (Пелопоннес) и вице-президентом временного правительства. Вооруженная борьба между Колокотронисом и буржуазными руководителями восстания, которые опирались на поддержку Англии и Франции, закончилась его поражением и заключением в 1825 г. в тюрьму. Но вскоре Колокотрониса выпускают, и он вновь становится во главе греческой армии, боровшейся с турецкими захватчиками, успешно применяя тактику партизанской войны против превосходящих сил врага. В 1831 г. во внутривнутриполитической борьбе в Греции возглавил т.н. «русскую партию». В 1834 г. он был ложно обвинен своими политическими соперниками в измене и приговорен к смерти, однако приговор не привели в исполнение из-за огромной популярности Колокотрониса. В 1835 г. греческий король Оттон помиловал Колокотрониса и назначил его членом Государственного совета Греции.

перед грозой» и «Дорога в Синано после грозы». Могучее дыхание величественной, библейски мощной природы, бытие матери-земли – вот поистине эпическое содержание этих небольших по размеру, но монументальных картин греческой природы. Кроме святой Греческой земли, К.П. Брюллов смог посетить Константинополь, где оправился от болезни и смог поклониться его святыням. Из Афин К.П. Брюллов отправился в Константинополь на бриге «Фемистокл», капитаном которого был Владимир Алексеевич Корнилов⁷, впоследствии прославленный адмирал. Акварельный портрет В.А. Корнилова и пейзажи Греции принадлежат к лучшему, что создано К.П. Брюлловым в графике.

Большой вклад в художественную летопись Святой Земли внесли братья Чернецовы – Григорий, Никанор⁸ и Поликарп, которые в 1840

⁷ Корнилов Владимир Алексеевич (1806–1854) – выдающийся военно-морской деятель России, вице-адмирал с 1852 г., участник Наваринского сражения 1827 г. и Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1848 г. был произведен в контр-адмиралы. В 1849 г. – начальник штаба Черноморского флота. В 1854 г. он был назначен начальником обороны Севастополя. Героически погиб на Малаховом кургане, погребен в Севастополе.

⁸ Чернецов Григорий Григорьевич (1801–1865) – русский художник, академик Императорской Академии художеств, паломник. Сын мещанина из г. Лух (Костромская губерния), он уже в детстве обнаруживал большие способности к рисованию. Братьев Чернецовых было четверо: Евграф, Григорий, Никанор и Поликарп. Григорий и Никанор благодаря упорству и великой работоспособности, про которую при их жизни ходили легенды, многого добились в любимом ими изобразительном искусстве. Необходимо вспомнить добрым словом старшего – иконописца Евграфа, который обучал младших братьев своему мастерству и, отрывая от семьи последнее, материально помогал младшим. В начале 1819 г. Г. Чернецов обратился в Академию художеств с письмом, при коем приложены были два небольших рисунка с эстампов, с просьбой принять его в число учеников Академии на казенный счет, так как недостаток средств отца не позволяет ему поступить в Академию на собственный счет. Но судьба улыбнулась даровитому юноше. Через Лух проезжал П.П. Свиныин, заметил в Чернецове способность к рисованию, взял его с собою в Петербург и рекомендовал Обществу поощрения художников. При поддержке общества Г.Г. Чернецов с 1819 г. стал посещать классы Академии. Он обучался сначала у А.Г. Варнека, а затем у М.Н. Воробьева. Уже в 1821 г. Академия наградила его за живопись, а в 1825 г. он был удостоен серебряной медали первого достоинства за живопись перспективную. В 1826 г. Чернецов представил вид военной галереи и пейзаж, писанный с натуры, за что и получил золотую медаль второго достоинства и признан художником XIV класса. В 1831 г. он был удостоен звания академика за исполненную, по назначению Академии, картину «Вид в окрестностях Петербурга». Вместе с братом Никанором он много путешествовал, посетил Кавказ, Грузию, в 1838 г. извездил Волгу от Рыбинска до ее устьев, в 1840 г. отправился в Италию, а оттуда в Египет, Палестину и Турцию, откуда вернулся лишь в 1843 г. Подобное же путешествие он совершил в 1846–1849 гг. В 1846 г. Григорий Чернецов вместе со своим братом Никанором и Сергеем Ивановым, родным братом знаменитого живописца, был отправлен на казенный счет в Италию, где пробыл три года. В 1849 г. вернулся обратно в Петербург. С 1829 г. он носил звание придворного живописца и получал содержание от Кабинета Его Величества. Кисти

году отправились в путешествие в Италию, Египет и Палестину. Поездка была осуществлена на средства некоей богатой дамы, чье имя было зашифровано в их записях как «Т.Б. П-а». По мнению некоторых специалистов-искусствоведов, речь идет о Т.Б. Потемкиной⁹, с которой Чернецовы познакомились в Крыму. Пробыв в Италии до сентября 1842 года, они на борту французского парохода направились из Неаполя в Египет и через девять дней прибыли в Александрию, где начали работать, планируя посетить Каир. Однако из-за появившейся боли в глазах братья решили прекратить свою работу в Египте и выехали в конце октября на корабле в Палестину. Через несколько дней они уже ступили на Святую Землю. После утомительного пути, сопровождаемого обычными для всех паломников трудностями и опасностями, они достигли Иерусалима. Испытывая большие сложности, более двух месяцев находились в

Григория Чернецова принадлежит картина «Мертвое море», находящаяся в залах Академии художеств. Она была написана в 1850 г. и принесена в дар Академии самим художником в 1859 г. Чернецов Никанор Григорьевич (1804–1879) – русский художник, академик Императорской Академии художеств, брат Г.Г. Чернецова, паломник. Родился в г. Лух Костромской губернии. Получив в детстве иконописные навыки под руководством старшего брата Евграфа, Никанор отправился вслед за братом Григорием в Петербург покорять вершины изобразительного искусства. Общество поощрения художников приняло его под свою опеку, дав возможность юноше учиться в Академии художеств в 1823–1827 гг. Осваивал мастерство живописца под руководством пейзажиста М.Н. Воробьева, что и определило пристрастия художника на всю жизнь. После окончания Академии Н.Г. Чернецов становится на продолжительное время живописцем Европейского юга России. Вначале он путешествует по Кавказу (1829–1831), а затем находится на службе у новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова (1833–1836). Многочисленные пейзажи Крыма, Кавказа, Грузии, Абхазии, Черноморского побережья, выполненные художником, открыли тысячам россиян привлекательные окраины, непохожие на земли традиционной России. В 1827 г. он удостоился серебряной медали первого достоинства за пейзажную живопись; в том же году за вид галереи в Императорском Эрмитаже получил вторую золотую медаль и звание художника XIV класса. В 1832 г. он получил звание академика за «Вид Тифлиса», а в 1844 г. удостоен звания живописца Его Величества. Н.Г. Чернецов много путешествовал вместе со своим братом Григорием. Из массы рисунков, выполненных им во время путешествия в 1831–1840 гг., составилось четыре портфеля, которые впоследствии приобрела Академия художеств. В 1846 г. Никанор Чернецов отправился в Италию, причем Академия постановила выдавать ему по 1500 руб. в год. Из картин, нарисованных им, в свое время пользовались известностью «Вид Иосафатовой долины», «Вид реки Нила в Каире», «Вид Гурзуфа», «Вид горы Ай-Петри в Крыму», «Вид Александрии». Альбомы Н.Г. Чернецова, приобретенные Академией в 1874 г., содержат 1274 рисунка с видами Крыма, Волги, Египта и других местностей.

⁹ Потемкина Татьяна Борисовна (в девичестве Голицына) (1797–1869) – жена Потемкина Александра Михайловича, действительного тайного советника, петербургского губернского предводителя дворянства в 1842–1854 гг.

Палестине, то есть в ноябре и декабре 1842 года. Истощались средства, холодные ветры и дожди повредили художественные материалы. Но самое прискорбное – 8 декабря 1842 года в Иерусалиме скончался от неизвестной болезни младший из братьев – двадцатилетний Поликарп. Григорий и Никанор оплакали его и похоронили на Сионе. Шестьдесят восемь дней они находились в Святой Земле, и за это время побывали в Хевроне, Эммаусе, Яффе, Вифлееме, Кане Галилейской и Тиверии.

В январе братья Чернецовы покинули Палестину. По суше они добрались до Бейрута, где сели на пароход и отправились в Смирну, откуда по морю приплыли на остров Родос. Далее через древний Эфес они доплыли до Константинополя, где полтора месяца зарисовывали и описывали бывшую столицу Византии, а в то время – столицу Османской империи. В Одессу братья-художники прибыли в апреле 1843 года. Они являются авторами «Путевых записок по Востоку братьев Чернецовых», к которым ими были сделаны 144 рисунка. В своих путешествиях Чернецовы зарисовывали все, достойное внимания. Эти рисунки послужили художникам в дальнейшем темами для картин. За целый альбом видов Палестины по решению Совета Императорской Академии художеств им назначили награду в 1000 рублей каждому. В 1844–1845 годах издан альбом «Палестина. Виды, рисованные с натуры академиками Г. и Н. Чернецовыми в 1842–1843 годах». Издание это, в большой лист, выходило тетрадями. Всего было опубликовано четыре тетради с шестью рисунками в каждой. Ко всем тетрадям прилагался лист объяснительного текста, а обложки весьма красиво иллюстрированы.

О времени и обстоятельствах путешествия художника Герца Константина Карловича¹⁰ в Святую Землю и на Афон пока ничего не известно, кроме того, что он из паломничества привез целый альбом акварелей, представляющих серию видов Иерусалима и его окрестностей, а также пейзажей Афона. Самой примечательной частью серии являются изображения памятных мест Крестного пути Спасителя в Иерусалиме. По косвенным данным искусствоведы датируют рисунки 1857–1859 годами. Акварели К.К. Герца хранились в Румянцевском музее в Москве, где находился их список под заглавием «Акварельные рисунки с видами

¹⁰ Герц Константин Карлович (1826–1879) – художник-пейзажист, окончил Московское Училище живописи и ваяния, совершил путешествие на Православный Восток.

Афона и Палестины, снятые во время путешествия П.И. Севастьянова». Археолог Петр Иванович Севастьянов¹¹ совершал свои путешествия в 1850-е годы, поэтому можно предположить, что вместе с ним посетил святые места Православного Востока и художник К.К. Герц.

В 1860 году в Иерусалиме состоялась торжественная закладка будущего Троицкого собора. Организацией строительства собора ведал Палестинский комитет, созданный по высочайшему повелению в Санкт-Петербурге в 1859 году. Руководителем проекта являлся известный русский архитектор Мартын Иванович Эппингер¹². Украшение и внутренние росписи собора осуществил художник Михаил Феофанович Грановский¹³.

Замечательную характеристику иконографии Троицкого собора сделал Н.Н. Лисовой, который отметил «...глубоко продуманный, богословски обоснованный характер всей системы росписей и декора православных храмов Святой Земли». «Может быть, в еще большей степени это относится к схеме расположения икон и фресок в Троицком соборе. Собор посвящен одному из важнейших православных праздников – празднику Пресвятой Троицы. Иконы этого праздника известны с древности в двух преимущественно изводах: так называемое “Гостеприимство Авраама” (или, при устранении библейских повествовательных подробностей, “Предвечный совет Трех Божественных Лиц”) и “Сошествие Святого Духа”. В Библии, в книге Бытия, рассказывается о явлении праотцу Аврааму трех путников (или трех ангелов) в дубраве Мамврийской, истолкованном в церковном Предании как символическое первоявление Лиц Пресвятой Троицы.

Наиболее знаменитым и художественно совершенным претворением этой идеи является гениальная рублевская “Троица”. <...> Соответственно, богословская схема иконографического решения Троицкого

¹¹ Севастьянов Петр Иванович (1811–1867) – археолог-любитель, коллекционер ранних христианских и византийских древностей, паломник, неоднократно совершал путешествия в Палестину и Грецию, четыре раза был в Иерусалиме. Свои коллекции он передал на хранение в музеи Санкт-Петербурга и Москвы.

¹² Эппингер Мартын Иванович (1822–1872) – архитектор, профессор, надворный советник, академик Императорской Академии художеств, паломник. Автор проекта Троицкого собора и всего ансамбля Русских Построек в Иерусалиме, где работал в 1858–1863 гг. В 1865 г. он был одним из авторов проекта и участвовал в реконструкции Ротонды Гроба Господня.

¹³ Грановский Михаил Феофанович (1833–1906) – художник и архитектор, закончил Императорскую Академию художеств в 1863 г., получил звание свободного художника, паломник. Помощник архитектора М.И. Эппингера на Русских постройках в Иерусалиме, автор росписей в Троицком соборе Русской Духовной Миссии.

собора совмещает оба названных аспекта. В конхе¹⁴ северной апсиды¹⁵ (храм обстроен апсидами – полуовосьмериками со всех трех концов базиликального креста) изображено “Сошествие Святого Духа” – с важной иконографической особенностью: присутствием Божией Матери в центре между двенадцатью апостолами. Под этой композицией, в нижнем регистре, между окнами, – фресковые изображения Владимира и Ольги, зачинателей Русского Православия.

Симметрично, в конхе южной апсиды – композиция “Троицы”. И под ней, также между трех окон, фигуры Константина и Елены, зачинателей Православия Вселенского, первых строителей христианских храмов в Палестине. Соответственно с северного предалтарного столпа смотрит на нас икона Троицы в изводе “Гостеприимство Авраама”, а с южного – “Сошествие Святого Духа”. Если учесть, что в том же порядке расположены, хотя и отличающиеся иконографическими деталями, местные образа иконостаса, особенно бросается в глаза, каким тугим тройным “узелком” завязаны в архитектурно-художественной программе храма различные аспекты важнейшей для русского национального сознания со времен Сергия Радонежского идеи Пресвятой Троицы. Ведь триипостасное единство Божества всегда понималось как небесная модель земного человеческого многоипостасного единства.

Не случайно на столпах изображены святые Русской Церкви (преподобные Антоний и Феодосий Печерские, Сергий Радонежский, святители Димитрий Ростовский и Тихон Задонский) и святые отцы – основатели восточного монашества: Антоний и Феодосий Великие, Савва Освященный, Герасим Иорданский. Эта сплоченная дружина “столпов” Вселенского и Русского Православия на столпах главного храма Духовной Миссии наилучшим образом отражает мысль о неразделимом единстве Святой Руси и Святой Земли»¹⁶.

¹⁴ Конха – свод в виде четверти сферы, прикрывающий апсиды и ниши храма сверху.

¹⁵ Апсида (абсида) – алтарный выступ, примыкающий к восточной части храма, обычно в плане полукруглый, граненый или сложной формы, перекрытый конхой. Функция апсиды в христианском храме – завершение алтарного пространства, в котором расположено Горнее место.

¹⁶ Лисовой Н.Н. Храмы Русской Палестины // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 2 т. Т. II. М., 2000. С. 593–594.

От себя добавим, что росписи Троицкого собора были сделаны Михаилом Феофановичем Грановским с академической тщательностью и большим художественным мастерством в лучших традициях русской иконописной школы второй половины XIX века.

28 октября 1872 года Иерусалимский Патриарх Кирилл II¹⁷ освятил Троицкий собор в присутствии великого князя Николая Николаевича Старшего¹⁸ и при большом стечении русских паломников.

В 1870 году выдающийся русский художник Василий Васильевич Верещагин¹⁹ на четыре месяца отправился в путешествие в Египет,

¹⁷ Кирилл II (1790/95–1877) – Патриарх Иерусалимский в 1845–1872 гг., до избрания был митрополитом Лидским. Он принадлежал к числу выдающихся святителей Иерусалимской Церкви по масштабам своей деятельности и образованию. Большую часть своего патриаршества Блаженнейший Кирилл провел в Иерусалиме, в непосредственной близости к святым местам и к своей пастве. Прежде всего, он ревностно отстаивал сохранение иерусалимских святынь во владении православных, так как в то время, особенно в 1853 г., католики предпринимали усилия для захвата у греков некоторых палестинских святынь. В 1853 г. Патриарх Кирилл открыл богословскую школу Святого Креста, в которой учились многие будущие архиереи как Иерусалимской, так и других Восточных Православных Церквей. В последние годы своего патриаршества Блаженнейший Кирилл активно участвовал в решении так называемого болгарского вопроса, причем он принял сторону болгар и отказался подписать постановление Константинопольского Собора 1872 года, объявившего болгар в схизме с Константинопольской Православной Церковью. В связи с последовавшими вслед за этим шагом обвинениями и нападками Патриарх Кирилл вынужден был оставить престол. Скончался в Константинополе.

¹⁸ Николай Николаевич Старший (1831–1891) – великий князь, генерал-фельдмаршал, третий сын императора Николая I Павловича, паломник. С 1852 г. – генерал-инспектор инженер русских войск, с 1864 году – генерал-инспектор кавалерии. С 1855 г. – член Государственного совета Российской империи. В 1864–1880 гг. – командующий императорской гвардией и Петербургского военного округа. Совершил паломничество в Святую Землю в 1872 г., присутствовал при освящении Троицкого собора Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Великий князь – один из основателей Императорского Православного Палестинского Общества. В ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он являлся главнокомандующим действующей армией на Балканах.

¹⁹ Верещагин Василий Васильевич (1842–1904) – выдающийся русский художник-баталист, паломник. Родился в Череповце в семье помещика. В 1850–1860 гг. учился в Петербургском Кадетском корпусе, окончив его в чине гардемарина. Плавал в 1858–1859 гг. на фрегате «Камчатка» и других кораблях в Данию, Францию, Англию. В 1860 г. поступил в Императорскую Академию художеств, но оставил ее в 1863 г., не удовлетворенный системой преподавания. В 1864 г. посещал мастерскую Ж.-Л. Жерома в парижской Школе изящных искусств, позднее активно участвовал в выставках «Товарищества передвижников». Всю жизнь он был неутомимым путешественником. Стремился «учиться на живой летописи истории мира», ездил по России, на Кавказ, в Крым, на Дунай, в Западную Европу, дважды побывал в Туркестане (1867–1868, 1869–1870), участвуя в колониальных походах русских войск, два раза – в Индии (1874–1876, 1882). В 1877–1878 гг. участвовал в Русско-турецкой войне на Балканах. Дважды

Палестину и Константинополь. Художник остался очень доволен своей паломнической поездкой в Святую Землю, но, к сожалению, картины и этюды первого путешествия нам не известны. Второй раз он посетил Палестину и Сирию в 1883–1885 годах. Во время своего второго путешествия он написал 82 картины, в том числе на евангельские сюжеты, и оставил живые и интересные очерки-воспоминания о Палестине того периода. Возвратившись в Европу, он в 1885–1888 годах выставлял свою палестинскую серию картин на сюжеты из Нового Завета в Вене, Берлине, Лейпциге и Нью-Йорке.

В 1881–1882 годах Василий Дмитриевич Поленов²⁰ совершил свое первое паломническое путешествие в Египет, Палестину, Сирию, Грецию и в Константинополь. В тот период он отправился в Палестину, работая над замыслом знаковой для себя картины «Христос и грешница». Вскоре после смерти сестры В.Д. Поленов, узнав, что князь

посетил Сирию и Палестину (1870, 1884–1885) и США (1888–1889, 1902). В 1901 г. был на Филиппинах, в 1902 – на Кубе, в 1903 г. – в Японии. Впечатления от поездок воплощались в больших циклах этюдов и картин. Художник был и одаренным литератором. Его перу принадлежит книга «На войне в Азии и Европе. Воспоминания» (1894); большой интерес представляют также его «Избранные письма» (переизданы в 1981 г.). Его выставки вызывали бурный резонанс и в России, и за рубежом. Картины В.В. Верещагина оказали большое воздействие на развитие международного пацифистского движения. Художник погиб во время Русско-японской войны при взрыве броненосца «Петропавловск» на рейде Порт-Артура.

²⁰ Поленов Василий Дмитриевич (1844–1927) – выдающийся русский художник, мастер исторической, пейзажной и жанровой живописи, педагог. Родился в Петербурге. Окончил гимназию в Петрозаводске, затем записался в ученики Императорской Академии художеств. Учился у П.П. Чистякова. В 1869 г. за картину «Иов и его друзья» получил малую золотую медаль, а в следующем году за полотно «Христос воскрешает дочь Иаира» – большую золотую медаль. Окончив одновременно университетский курс по юридическому факультету (1872), В.В. Поленов отправился за границу в качестве пенсионера академии. Посетил Вену, Мюнхен, Венецию, Флоренцию и Неаполь, длительное время жил в Париже, где написал, в частности, картину «Арест графини д'Этрмон», обеспечившую ему в 1876 г. звание академика. Возвратившись в 1876 г. в Россию, вскоре отправился на театр Русско-турецкой войны, состоял официальным художником при главной квартире наследника-цесаревича (впоследствии императора Александра III). По окончании войны поселился в Москве, откуда в 1884 г. совершил путешествие в Константинополь, Палестину, Сирию и Египет. С 1879 г. состоял членом Товарищества передвижных художественных выставок. С 1870-х гг. Поленов много работал в области театрально-декорационной живописи. В 1882–1895 гг. преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где в числе его учеников были И.И. Левитан, К.А. Коровин, И.С. Остроухов, А.Е. Архипов и А.Я. Головин. В 1910–1918 гг. В.Д. Поленов вел в Москве просветительскую деятельность, участвовал в организации народного театра.

С.С. Абамелек-Лазарев²¹ и А.В. Прахов²² собираются предпринять

²¹ Абамелек-Лазарев Семен Семенович (1857–1916) – князь, коллекционер и меценат, промышленник и землевладелец, археолог, шталмейстер Императорского двора, председатель Горного совета, почетный попечитель Лазаревского института, почетный мировой судья Крапивенского уезда Тульской губернии. В 1881 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Армянин по национальности, грузинский князь, он был женат на Марии Павловне, урожденной Демидовой (1857–1955), дочери П.П. Демидова, князя Сан-Донато. После женитьбы получил значительную часть пермских владений Демидовых. Супруги владели Чермозским заводским округом на Урале и знаменитой виллой «Абамелек» в Риме. С.С. Абамелек-Лазарев организовал за свой счет путешествие с профессором искусств университета А.В. Праховым и художником В.Д. Поленовым по странам Ближнего Востока. При посещении в 1882 г. Пальмиры путешественниками был обнаружен неизвестный науке археологический памятник древней эпитафии – мраморная доска размером 0,36х1,6 м с надписью, высеченной на арамейском и греческом языках. Тексты были скопированы и впоследствии опубликованы. Исследования, проведенные С.С. Абамелек-Лазаревым и французским ученым де Вогюз, установили, что надпись является знаменитым пальмирским таможенным тарифом 137 г. по РХ. За это открытие Академия надписей Франции признала Семена Семеновича своим адъюнктом. В дальнейшем плита была подарена турецким султаном императору России и с большими трудностями, за счет С.С. Абамелек-Лазарева, перевезена в Петербург. Этот ценнейший источник древней эпитафии хранится сейчас в Эрмитаже. По окончании обработки материалов экспедиции С.С. Абамелек-Лазарев опубликовал их в роскошно оформленной книге «Пальмира» (типография Российской Академии наук). В 1895 г. им было предпринято новое путешествие в страны Ближнего Востока, однако открытий оно не принесло. Путешественнику лишь удалось сфотографировать, частью эстампировать и исследовать эпитаграфические памятники древнего Джераша, разрушенного крестоносцами, а также сделать уточнения в переводах текстов.

²² Прахов Адриан Викторович (1846–1916) – русский ученый, профессор, историк искусства, археолог, критик, паломник. Поступил в 1863 г. в Санкт-Петербургский университет по историко-филологическому факультету, окончил университетский курс со степенью кандидата в 1867 г. и вскоре был командирован в чужие края для приготовления к занятию кафедры истории изящных искусств. В Мюнхене слушал лекции Г.Ф. Бруна и других ученых, занимался памятниками древнегреческого искусства, собранными в глипготекке, а затем посетил Париж, Лондон, Берлин, Вену, а также Италию, изучая повсюду как древние, так и новые художественные произведения. По возвращении на родину в 1873 г. за диссертацию «О реставрации группы восточного фронтона Эгинского храма в Афинах» получил степень магистра и был избран в доценты университета. В 1875–1878 гг. редактировал иллюстрированный журнал «Пчела». В 1875–1887 гг., кроме университетских лекций, преподавал историю и теорию изящных искусств в Императорской Академии художеств. В 1879 г. после защиты диссертации «Зодчество Древнего Египта» получил степень доктора. В 1881–1882 гг. он вместе с князем С.С. Абамелек-Лазаревым и художником В.Д. Поленовым совершил первое путешествие по Египту, Палестине, Сирии, Греции и Европейской Турции. Во время путешествия А.В. Прахов уделял большое внимание памятникам Христианского Востока. Находясь в Константинополе, он подал русскому послу Новикову докладную записку, в которой говорилось о необходимости организовать Русский Археологический институт для изучения древностей Греции, Малой Азии и других земель, входивших в состав бывшей Византийской империи. В 1881 г. был приглашен графом А.С. Уваровым для работы над интерьерами залов Российского Исторического музея. В 1887–1897 гг. преподавал в Киевском университете. В

путешествие в Египет, Сирию и Палестину, попросил разрешения присоединиться к ним и получил согласие. Путешествие началось в ноябре 1881 года и окончилось весной 1882 года. За время путешествия Поленов посетил Константинополь, Александрию, Каир, от которого поднялся на пароходе вверх по Нилу до Асуана, и, вернувшись в Каир, отбыл на поезде в Порт-Саид. Далее морем добрался до Бейрута, откуда направился в Иерусалим. На обратном пути художник побывал в Греции. Своеобразным отчетом художника о путешествии, обо всех увиденных и поразивших его достопримечательностях явились этюды, выполненные во время поездки. Они были показаны на Передвижной выставке 1885 года и прямо с выставки приобретены П.М. Третьяковым. Русской художественной общественностью восточные этюды В.Д. Поленова 1881–1882 годов были восприняты как новое слово в живописи. И действительно, яркие, чистые краски Востока произвели настоящий переворот в живописи В.Д. Поленова, обратив творчество художника к открытому интенсивному цвету. Первое путешествие на Православный Восток дало художнику богатый запас наблюдений, познакомило его с природой и архитектурой Палестины, с жизнью восточных городов, с обычаями, обликом и одеждой их жителей. Все это, несомненно, помогло в дальнейшем В.Д. Поленову представить евангельскую притчу о Христе и грешнице как реальную сцену, разыгравшуюся на площади перед Иерусалимским храмом. И в этом смысле восточное путешествие сыграло свою положительную роль в создании этой картины.

Со второй половины 1890-х годов занятия пейзажной живописью все больше начинают отходить на второй план, вытесняемые новым серьезным замыслом В.Д. Поленова – его циклом картин «Из жизни Христа». Мысль о создании этого цикла, по-видимому, зародилась у художника еще в период его работы над картиной «Христос и грешница», по окончании которой он вскоре берется за новое произведение,

---

Киеве А.В. Прахов руководил сооружением и росписью Владимирского собора, исследовал ряд памятников древнерусской живописи XI–XIII вв. В 1884–1896 гг. возглавлял работы по внутренней отделке Владимирского собора, причем для изучения археологической стороны этого дела совершил второе путешествие на Православный Восток (1886–1887). В 1896 г. он был занят устройством, по собственному рисунку, драгоценной раки для мощей святого Феодосия Углицкого в Чернигове. В 1897 г. А.В. Прахов возвратился на свою прежнюю кафедру в Санкт-Петербургском университете, в 1904–1907 гг. издавал и редактировал сборник «Художественные сокровища России».

посвященное Христу: «На Геннисаретском озере», или, как ее называл автор, «Христос идет по берегу озера».

Второе путешествие на Православный Восток он предпринял в 1899 году. Путь художника лежал через Константинополь, Афины, Смирну, Каир, Порт-Саид, Иерусалим. В Иерусалиме был снаряжен караван на Тиверию, Тир, Сидон, Бейрут. На обратном пути В.Д. Поленов из Константинополя проехал в Вену и оттуда в Москву. Все путешествие заняло около трех месяцев. Вновь посетив места земной жизни Спасителя, В.Д. Поленов собрал большой этюдный материал для своего евангельского цикла. Написание картин шло успешно. В 1909 году огромный труд по созданию художественного цикла «Из жизни Христа» был завершен. Произведения показали публике сначала в Санкт-Петербурге (февраль – март 1909 года, 58 картин), затем в Москве и в Твери (май 1909 года, 64 картины). Эти выставки вызвали широкий общественный резонанс и стали крупнейшим художественным событием того времени. Весь цикл картин «Из жизни Христа» состоял из небольших по размеру работ, разбитых в соответствии с евангельской историей на разделы: 1. Детство и юность. 2. У Иордана. 3. В Галилее. 4. Вне Галилеи. 5. В Иерусалиме. 6. Последние дни. Картины, посвященные Христу («Христос и грешница», «На Геннисаретском озере» и «Среди учителей»), которые были написаны до того, как В.Д. Поленов начал работать над циклом в целом, вошли в него уменьшенными повторениями.

На основе реальных впечатлений от путешествий по Православному Востоку В.Д. Поленов рисует картины мирной и идеально прекрасной природы, где ласково светит солнце, синеют не знающие бурь небеса, высятся величавые, смягченные в своих очертаниях горы, сверкает зеркальная гладь прозрачной воды в спокойных озерах. В созерцании этой прекрасной природы, кажется, проходит вся жизнь Христа и близких к нему людей. Значительное место в цикле художника занимает изображение Спасителя и его учеников на лоне гармоничной природы, в состоянии внутреннего погружения в ее жизнь, растворения и слияния с ней. Картины цикла «Из жизни Христа» художник считал главным трудом жизни, а множество этюдов, выполненных им во время обоих путешествий, составило особую эпоху в русском искусстве пейзажной

живописи. Изображение природы и обстановки, в которой совершались священные события земной жизни Спасителя, были для художника основной творческой целью и вместе с тем средством убеждения современников в исторической реальности евангельских событий.

В 1887–1888 годах художник Петр Кириллович Соколов²³ был направлен в Святую Землю для сопровождения и установки иконостаса, а также украшения и расположения убранства в храме во имя святой равноапостольной Марии Магдалины в Иерусалиме. Во время пребывания в Иерусалиме Императорское Православное Палестинское Общество поручило П.К. Соколову произвести подробный осмотр строительства странноприимного дома Общества и проверить правильность исполнения сметы. Возможно, что он имел аналогичное поручение по всем объектам, строительство которых в то время велось на средства Общества в Святой Земле.

В 1888 году знаменитый русский художник Ефим Ефимович Волков²⁴ совершил путешествие на Православный Восток по приглашению великого князя Сергея Александровича²⁵, вместе с которым он и от-

²³ Соколов Петр Кириллович (1829–1898) – русский художник, реставратор, академик Императорской Академии художеств, паломник, совершил путешествие в Иерусалим в 1887–1888 гг.

²⁴ Волков Ефим Ефимович (1844–1920) – известный русский передвижник-пейзажист, действительный член Императорской Академии художеств. Е.Е. Волков родился в Петербурге, в 1866–1867 гг. учился в Рисовальной школе Общества поощрения художеств в Петербурге, а в 1867–1870 гг. на правах вольного слушателя посещал Императорскую Академию художеств. Удостоен званий не классного художника за «Вид в окрестностях Петербурга» в 1870 г. и действительного члена в 1895 г. В 1880 г. – член Товарищества передвижных художественных выставок и с тех пор выставлялся ежегодно. Жил и работал в основном в Петербурге и его окрестностях, однако в 1879 г. вместе с И.И. Шишкиным предпринял путешествие в Крым. Много путешествовал по России и за рубежом. В 1888 г. по приглашению великого князя Сергея Александровича в качестве художника-пейзажиста совершил путешествие на Православный Восток: по Турции, Сирии, Палестине, Египту и Греции. Работал также на Волге, в любимом И.И. Левитаном городке Плес. Известен не только как пейзажист, но и как иллюстратор. В 1899 году Е.Е. Волкову «за известность на художественном поприще» было присуждено звание академика, но он продолжал экспонировать свои картины на передвижных выставках. В 1878–1918 гг. его многочисленные работы регулярно выставлялись на выставках Товарищества передвижников, в деятельности которого он играл видную роль.

²⁵ Сергей Александрович (1857–1905) – великий князь, генерал-лейтенант, генерал-губернатор Москвы, учредитель и первый председатель Императорского Православного Палестинского Общества, паломник. Пятый сын императора Александра II Николаевича. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Дважды совершил паломнические поездки в Святую Землю – в 1881 и 1888 гг. В 1884 г. женился на Елизавете Федоровне, дочери великого герцога Гессенского Людвига IV, внучке английской королевы Виктории, сестре Александры Федоровны – супруги

правился²⁶ в паломничество к святыням Вселенского Православия. Он вместе с августейшими паломниками и сопровождавшими их лицами посетил святые места Сирии, Палестины, Египта, Греции, завершив путешествие в Константинополе. Свои впечатления о поездке в Святую Землю художник отразил в интересных воспоминаниях, напечатанных в журнале «Огонек».

В 1891 году известный русский художник Николай Андреевич Кошелев²⁷ совершил паломническое путешествие в Палестину, где он

императора Николая II Александровича. С 1887 г. – командир лейб-гвардейского Преображенского полка. С 1891 г. – московский генерал-губернатор, с 1896 г. – командующий Московским военным округом. При Сергее Александровиче в 1892 г. состоялось торжественное открытие и освящение здания Московской Думы на Воскресенской площади, в конце того же года проведены выборы гласных по новому «Городовому положению». Для создания нормальных условий жизни для приезжавших в Москву студентов Сергей Александрович поднял вопрос об организации общежитий при Московском университете. Первый корпус общежития открыт в 1899 г., второй – в 1903 г. В 1893 г. завершилось сооружение новой очереди Мытищинского водопровода. В 1899 г. городской транспортный парк дополнили трамваи. В 1896 г. открылся Музей московского городского хозяйства, а в 1898 г. – Художественный общедоступный театр (МХТ). Мрачным эпизодом правления Сергея Александровича стала Ходынская трагедия (1896). Согласно своему должностному статусу Сергей Александрович состоял президентом, председателем и членом многих научных обществ и благотворительных организаций: Московского архитектурного общества, Дамского попечительства о бедных в Москве, Московской Духовной академии, Московского филармонического общества, Комитета по устройству при Московском университете, Музея изящных искусств имени императора Александра III, московского археологического общества и других. С 1881 г. возглавлял управление Историческим музеем. 1 января 1905 г. покинул пост Московского генерал-губернатора, но остался во главе войск округа, став Главнокомандующим войсками МВО. 4 февраля 1905 г. великий князь Сергей Александрович был убит террористом.

²⁶ Великий князь Сергей Александрович совершил паломническую поездку на Православный Восток в 1889 г. вместе со своей женой, великой княгиней Елизаветой Федоровной (будущей преподобномученицей, убитой большевиками в 1918 г.) и братом, великим князем Павлом Александровичем (расстрелян большевиками в 1919 г.).

²⁷ Кошелев Николай Андреевич (1840–1918) – русский художник, профессор исторической живописи, академик Императорской Академии художеств, паломник. Родился в селе Симаны Пензенской губернии в семье крепостного крестьянина. У него рано проявились художественные способности. Осенью 1860 г. Н.А. Кошелев поступил в Императорскую Академию художеств в качестве вольнослушателя. В 1862 г. Николай Андреевич был удостоен малой серебряной медали за этюд с натуры, в том же году его работа «1-е число» появилась на академической выставке. Спустя два года его конкурсная работа «Меркурий усыпляет Августа» была удостоена малой золотой медали. Н.А. Кошелев состоял в «Артели А.А. Крестоносцева» (1864–1865), основанной группой учащихся Академии для своей материальной поддержки. Когда артель распалась, он стал членом «Санкт-Петербургской артели художников» (1863–1871). В марте 1865 г. Кошелев участвовал в художественной выставке в Нижнем Новгороде, ставшей прообразом будущих передвижных выставок. В артели Кошелев работал много и

написал серию пейзажей и видов Иерусалима, а также других мест, связанных с земной жизнью Спасителя. Палестинские пейзажи Кошелева хранятся ныне в Нижегородском художественном музее, куда они были переданы автором в 1896 году, к основанию музея. Серия больших икон, написанных Н.А. Кошелевым по заказу Императорского Православного Палестинского Общества для русского храма во имя святого благоверного князя Александра Невского в Иерусалиме, является одной из вершин в творчестве художника. Живописное убранство храма наполняют 18 огромных картин, изображающих события Страстной седмицы, последних дней жизни Спасителя. Картины написаны живописцем в начале 1890-х годов. Они представляют собой не традиционные иконы, а скорее монументальный художественный цикл на темы Крестного пути Спасителя, шаг за шагом воспроизводящий события последних дней жизни Христа так, как они происходили именно здесь, на Святой Земле (от «Моления о чаше» до «Воскресения»). Художник сделал множество подготовительных эскизов на темы Крестного пути Спасителя. В Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге хранится десять эскизов, выполненных маслом на бумаге, а также один палестинский пейзаж, написанный маслом

увлеченно. Там были созданы одни из лучших его работ – «Офения-коробейник» и «Крестный ход в деревне». Н.А. Кошелев много работал для Церкви, занимался оформлением храмов. Под руководством И.Н. Крамского расписывал купол Храма Христа Спасителя в Москве. За эту работу он получил звание академика (1873), а затем профессора (1878); полученные средства позволили ему поехать за границу. В 1879–1883 гг. побывал в Германии, Франции, жил в Риме; здесь он написал картину «Погребение Спасителя» (1880), позже подаренную автором вновь создаваемому Нижегородскому художественному музею. Вернувшись из-за границы, Н.А. Кошелев продолжал активно работать, участвовал во всех ежегодных академических художественных выставках, писал портреты, жанровые и исторические картины. В 1890-х гг. вновь обратился к занятию монументальной церковной живописью, с которой начинался его творческий путь. Тогда Н.А. Кошелевым были созданы иконы и росписи многих храмов Петербурга и других городов России, а также русских храмов, строившихся за рубежом – в Иерусалиме, Женеве, Буэнос-Айресе. К сожалению, в России большая часть церковных работ художника оказалась утраченной, сохранилось лишь несколько произведений. Более благополучно сложилась судьба работ художника за границей; произведения Кошелева сохранились в русских храмах в Иерусалиме, Женеве и Буэнос-Айресе. В 1895–1896 гг. Н.А. Кошелев работал над созданием картонов для наружной мозаики храма Воскресения Христова в Петербурге, а в 1898–1899 гг. – для внутренней мозаики. Художник был членом общества «Мюссаровские понедельники» (1881–1917), возникшего по инициативе Е.И. Мюссара и группы художников-любителей для оказания помощи семьям художников. Сведений о последних годах жизни Кошелева почти нет. Известно только, что до самой смерти он не выпускал кисти из рук.

на холсте. Кроме того, в фонде Русского музея в Петербурге есть несколько акварельных эскизов, часть из которых буквально совпадает по композиции с образами, находящимися в иерусалимском храме. Сразу можно сказать, что Страстной цикл Н.А. Кошелева стоит особняком в творчестве художника, отличается от прочих его церковных, строго каноничных работ. Образы написаны размашисто, широко, почти эскизно. В них ощущается динамичность и эмоциональная напряженность, достигаемая использованием своеобразного освещения, создающего игру света и тени. Большая часть этих замечательных работ выполнена в духе реалистической жанровой живописи и напоминает картины на евангельские сюжеты русских мастеров того времени. Можно уверенно сказать, что паломничество Н.А. Кошелева в 1891 году стало самым благодатным для Русской Палестины из всех, которые совершили русские художники в XIX веке.

В октябре 1872 года Евгений Кириллович Макаров²⁸ совершил путешествие в Святую Землю в свите великого князя Николая Николаевича Старшего. Рисунки художника, сделанные в период этой паломнической поездки, были использованы в оформлении книги Д.А. Скалона «Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году», вышедшей в 1881 году в Санкт-Петербурге. Рисунки Е.К. Макарова очень разнообразны по тематике, тщательно выполнены и показывают несомненное мастерство автора. Любопытны жанровые сцены, отражающие различные этапы путешествия: сцены на корабле, обстановка восточного театра, танец дервишей, вид походного лагеря. Художник сделал много портретов местных жителей, мужчин и женщин: турок, арабов, египтян, коптов. В многофигурной композиции его рисунка Гроба Господня центральным является ростовой портрет Иерусалимского Патриарха Кирилла II, выходящего из Кувуклии.

²⁸ Макаров Евгений Кириллович (1842–1884) – русский художник, живописец, паломник, академик Императорской Академии художеств. В 1860–1866 гг. он учился в Академии, дружил с И.Е. Репиным. На академических конкурсах получил малую и большую золотые медали в 1869 и 1871 гг. за картины «Иов и его друзья» и «Воскресение дочери Иаира». Осенью 1872 г. Е.К. Макаров совершил путешествие в Святую Землю в свите великого князя Николая Николаевича Старшего. В 1873 г. он получил звание классного художника 1-й степени и был командирован за казенный счет за границу, а по возвращении преподавал в Рисовальной школе Общества поощрения художеств в Петербурге.

Е.К. Макаров представил немало городских пейзажей Константинополь, Дамаска, Назарета, Иерусалима, Каира, а также мест, связанных с библейской историей (река Иордан, ее берег, где, по преданию, принял Святое Крещение Сам Господь Иисус Христос, храм Воскресения Христова и Кувуклия). Можно выделить рисунок, изображающий место Крещения Спасителя на реке Иордан, на котором художником представлено большинство участников августейшего паломничества, присутствовавших на молебне, совершавшимся Иерусалимским Патриархом Кириллом II и архимандритом Антонином (Капустиним). Изображение отца Антонина на этом рисунке – один из первых его портретов.

В июне–июле 1898 года в период работы над замыслом картины «Искушение Христа в пустыне» Илья Ефимович Репин²⁹ совершил поездку в Святую Землю. В своих письмах художник писал, что почти не работал: «некогда, хотелось больше видеть», – но все-таки ему удалось написать образ «Несение Креста» для храма во имя святого благоверного великого князя Александра Невского в Александровском подворье в Иерусалиме. В музее-усадьбе И.Е. Репина «Пенаты» хранится небольшой альбом, в котором есть три карандашных наброска: на первом листе – портал одного из иерусалимских храмов; на втором – палестинский пейзаж, а третий набросок представляет собой многофигурную композицию «Шествие на Голгофу». Безусловно, воспоминания о паломническом путешествии в Святую Землю сохранились в памяти великого русского художника на всю жизнь и, возможно, отразились в его последней работе на евангельскую тему – «Голгофа».

²⁹ Репин Илья Ефимович (1844–1930) – великий русский художник, паломник. Родился в Чугуеве (Харьковская губерния) в семье военного поселенца. В 1863 г. переехал в Санкт-Петербург, где учился в Рисовальной школе Общества поощрения художеств, а в 1864–1871 гг. продолжил обучение в Императорской Академии художеств. В 1873–1876 гг. он как пенсионер Академии жил в Италии и Франции. В 1877 г. вернулся в Чугуев, затем жил в Москве и с 1882 г. – в Петербурге, а с 1900 г. – в Куоккале, в своем имении «Пенаты». Был одним из активнейших членов «Товарищества передвижников», поддерживая близость и с «Миром искусства». И.Е. Репин проявил себя как выдающийся педагог: был профессором-руководителем мастерской (1894–1907) и ректором (1898–1899) Академии художеств, одновременно преподавая в школе-мастерской Тенишевой. После провозглашения независимости Финляндии в результате событий 1917 г. художник оказывается изолированным от России в своих «Пенатах». В 1922–1925 гг. пишет едва ли не лучшую из своих религиозных картин – проникнутую беспросветным трагизмом «Голгофу».

Этот небольшой очерк о посещении Святой Земли профессиональными русскими художниками в XIX веке не может быть исчерпывающим с точки зрения упоминания в нем всех представителей отечественного художественного цеха того периода, которые могли совершить паломничество в Палестину. По мере дальнейшего изучения истории русского искусства нам, несомненно, будут открываться новые имена наших художников-паломников, которые во времена Российской империи посещали святыне места Православного Востока.

Бутова Ритта Борисовна

Секретарь Московского областного отделения ИППО,
кандидат исторических наук

**ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ СМЫШЛЯЕВ —
СТРОИТЕЛЬ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ПОДВОРЬЯ
В ИЕРУСАЛИМЕ***

Русское место – Русские раскопки – Русский дом – Александровское подворье – так на протяжении десятилетий менялось название здания в Старом Иерусалиме на маленькой улочке, ведущей к главной святыне всего христианского мира – храму Гроба Господня. Мы говорим об Александровском подворье.

История подворья начинается в начальный период русского присутствия в Иерусалиме – в середине XIX века, когда в Петербурге был создан Палестинский комитет, главной задачей которого являлась покупка земельных участков в Святой Земле, в частности в Иерусалиме, и застройка их подворьями, призванными обеспечить нормальные условия для пребывания русских паломников. Важнейшим приобретением комитета стало место близ храма Воскресения в Старом городе, где и расположено теперь Александровское подворье.

Покупка земли

В течение трех лет было куплено три участка:

3 сентября 1859 года в мусульманском суде Иерусалима был составлен

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 08-01-00184а.

первый ходжет – акт о продаже коптским священником Джирьисом (Георгием), поверенным коптского духовенства в Иерусалиме, русскому консулу В.И. Доргобужиннову участка земли по улице Даббага (*араб.* «дубильщиков»). Месяц спустя, 8 октября, главный секретарь Иерусалимского шариатского суда дарит «часть подвала со сводами», с сохранением за собой и за соседями права прохода по верхней части. Именно в этом подвале, под «Коптской улицей» (реально – узким проходом), будет раскопан евангельский Порог Судных Врат. В 1861 году с помощью Мелетия, митрополита Петры Аравийской, приобретен соседний участок, принадлежавший мусульманам. Так сложилось Русское место близ храма Гроба Господня – небольшой участок площадью 1429 кв. м.

Первоначально на участке планировалось построить здание русского консульства. Но строительство отложили, а потом и вовсе отменили: причиной стало обилие археологических древностей на приобретенном участке. К тому же «сделанные изыскания обнаружили, что очистка подземелья потребует долгих работ и больших расходов, ибо здесь оказалась насыпь развалин и векового мусора, вышиною более пяти сажен (10 м). Очистка подземелий начата была в 1859 г. и будет производиться по мере средств»¹.

Архитектурные остатки храма Гроба Господня эпохи Константина (верхушки колонн) впервые отметил на этом месте прусский консул Е. Шульц в 1843 году. По приобретении участка в русскую собственность Палестинский комитет поручил итальянскому археологу Э. Пьеротти провести на участке археологические разведки. Пьеротти обнаружил (1860) остатки стены древнееврейского периода. Француз маркиз Ш.-М. де Вогюэ год спустя открыл часть проездной арки, которую отнес к эпохе Константина. В 1860-х годах здесь также работали английские исследователи В. Уилсон и Б. Кондор, а в 1874 году – французский консул (и по совместительству археолог) Ш. Клермон-Ганно. И хотя, по оценке академика Н.П. Кондакова, «многое было кое-как отыскано, но связи между этим не было определено».

Тем не менее, результаты позволяли судить о чрезвычайной глубине и богатстве культурного слоя и о необходимости систематических раскопок, на которые у России не было тогда достаточных средств.

¹ Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. Н.Н. Лисового. Т. I. М., 2000. С. 232–233.

Раскопки

Русское место у Гроба Господня оставалось неосвоенным в течение двух десятилетий. Лишь после создания Палестинского Общества были найдены необходимые финансовые возможности, и в 1883 году начались крупномасштабные археологические изыскания, которые произвели столь сильное впечатление, что и само Русское место стало называться Русскими раскопками.

О настоящей необходимости раскопок В.Н. Хитрово писал в докладной записке на имя великого князя Сергея Александровича уже через полгода после образования Общества.

Великий князь выделил из своих средств 1000 рублей золотом и обратился через своего помощника М.П. Степанова к архимандриту Антонину (Капустину) с просьбой принять на себя руководство раскопками и контроль за расходом денег².

Архимандрит Антонин в ответном письме М.П. Степанову писал: «Спешу отозваться, что считаю для себя высокой честью быть в его распоряжении в деле преднамеренных им археологических исследований на Русском месте внутри Иерусалима... Уже я вошел в надлежащие относительно будущих раскопок соглашения с городским архитектором г. Шиком, который ждет только прекращения зимних непогод, чтобы приступить к работе»³.

Однако юридическая сторона дела оказалась достаточно сложной. По турецким законам, официальные раскопки могли производиться лишь по особому султанскому фирману, причем треть найденных древностей должна была поступить в турецкую казну. Русское посольство в Константинополе сочло в этом случае предпочтительным обойтись без вмешательства Порты, поэтому работу на Русском месте предлагалось представить как чисто техническую «очистку участка от векового мусора», не придавая ей статуса археологического исследования. К соответствующей «расчистке» приступили с началом весеннего сезона, 7 марта 1883 года.

Как сообщал отец Антонин генеральному консулу В.Ф. Кожевникову, «взрытие, уборка и вывоз за город (через Дамасские ворота) мусорной

² Россия в Святой Земле. Т. I. С. 540–541.

³ Там же. С. 545.

земли начаты именно в той точке, какая указана Православным Палестинским Обществом. Вся работа, под целодневным непосредственным наблюдением избранного мною благонадежного и отлично способного к делу лица, производится жителями деревни Силоама с помощью 20 выючных животных»⁴.

Раскопки осуществлялись в соответствии с требованиями тогдашней археологической науки. Конрад Шик, известный преимущественно как архитектор, за годы работы в Иерусалиме (с 1846 года) накопил огромный опыт в исследовании библейских древностей. Достаточно сказать, что именно им были открыты такие выдающиеся памятники, как Силоамская и Овчая купели. Историко-топографические планы, составленные Шиком, донныне сохраняют свою научную ценность. Архимандрит Антонин тоже был опытным археологом. Еще в бытность настоятелем русской посольской церкви в Афинах (1850–1860) он углубленно занимался христианской археологией. Тогда он произвел раскопки и последующую реконструкцию византийского храма Ликодима и впервые изучил и издал христианские граффити Парфенона. Будучи начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, архимандрит Антонин вел большую работу по исследованию целого ряда археологических памятников, связанных с событиями Ветхого и Нового Заветов (раскопки на Елеоне, в Иерихоне и др.)⁵.

Благодаря подробным отчетам архимандрита Антонина и регулярно производившейся фотофиксации основных этапов работ мы можем сегодня восстановить ход и оценить качество раскопок почти по дням.

Результаты раскопок превзошли ожидания. В византийское время это место оказалось в пределах обширного портика, то есть обставленной колоннадами паперти огромной базилики, воздвигнутой над святыми местами императором Константином Великим и его матерью Еленой. Археологи обнаружили арку, принадлежавшую, видимо, той константиновской базилике или даже, как думают другие историки, более древнему объекту – Капитолийскому храму Адриана. В таком случае сохранившийся фрагмент – не что иное, как один из про-

⁴ Россия в Святой Земле. Т. I. С. 547.

⁵ Подробнее см.: Лисовой Н.Н. Русские раскопки на Елеонской горе // *Дмитревский С.М. Русские раскопки на Елеонской горе*. М., 2006. С. 7–12.

летов большой арки, которая вела к храму Юпитера, построенному императором-язычником над Гробом Господним и Голгофой.

Открытие Порога Судных Врат, обессмертившее имя отца Антонина в анналах русской библейской археологии, состоялось 10 июня 1883 года. В дневнике архимандрита под этим числом читаем: «Пробыл на раскопках до 11 часов. Открыли порог древней двери, ведущей за город, может быть, той, которой Господь Иисус веден был на смертную казнь. Делал снимок открытого карандашом, а за ним – нескольких других предметов, найденных на месте»⁶.

Сразу по завершении раскопок возникла мысль «покрыть эту Богошественную стезю от непогод особой постройкой». Осенью того же 1883 года архимандрит Антонин получил от местных властей разрешение на постройку небольшого, в две комнаты, помещения на месте раскопок. Но вопрос о строительстве затягивался в связи с тем, что проект приобрел более масштабный характер.

Строительство

Первоначально, опасаясь сопротивления со стороны как турецких властей, так и Иерусалимской Патриархии, строители не говорили о замысле последующего устройства здесь русского православного храма. Речь шла лишь об архитектурном оформлении Русского места как единого большого здания, вмещающего в себя ценнейшую археологическую зону. Тем не менее, у турецких властей, а более всего в Иерусалимской Патриархии, крепились подозрения, что русские собираются построить в непосредственной близости от храма Гроба Господня собственный большой храм, лишая тем самым святогробцев части паломнических доходов и вызывая зависть со стороны конкурирующих инославных конфессий.

Тем временем в России Палестинским Обществом были приняты меры по сбору дополнительных средств на строительство проектируемого подворья (оно по-прежнему называлось пока «предохранительным зданием над местом Раскопок»). С санкции Священного Синода Совет Общества разослал циркулярные письма правящим архиереям

⁶ Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1883 г. // Библиотека Императорского Православного Палестинского Общества, Б. IV. № 853/25. С. 88.

по всем епархиям Русской Православной Церкви, а также губернаторам – через Министерство внутренних дел.

Дальнейшая история строительства Александровского подворья неразрывно связана с Дмитрием Дмитриевичем Смышляевым, одной из задач которого, поставленных Советом Общества при его назначении в Иерусалим, было строительство здания на Русском месте.

История строительства подворья – это история бюрократических проволочек со стороны турецких властей и Иерусалимской Патриархии, огромной дипломатической переписки, долгих ожиданий и частых разочарований. Два года из четырех, проведенных в Иерусалиме, ушло у Дмитрия Дмитриевича на ожидание разрешения на строительство.

До октября 1886 года вопрос о строительстве на раскопках оставался нерешенным, хотя проект вчерне был готов. А между тем за год, проведенный к этому времени в Иерусалиме, Смышляев нашел, провел переговоры и купил для Палестинского Общества участок, на котором сам и начал руководить строительством будущего Сергиевского подворья.

В декабре того же года раскопки полностью завершились, а разрешения на строительство все еще не давали. В апреле следующего, 1887 года, Патриарх, якобы заинтересовавшись археологией, вообще высказался против строительства.

Большая часть иерусалимского строительного сезона вновь ушла на ожидание. Но Смышляев тем не менее проводит все необходимые и возможные подготовительные работы на Русских раскопках.

Наконец, 9 сентября 1887 года разрешение было получено, а Смышляеву телеграфировали из Петербурга: «Просьба без замедления положить первый камень на месте раскопок». 11 сентября 1887 года в 8 часов утра наконец совершили закладку здания, «после чего были предложены тосты за Государя Императора, за великого князя Сергея Александровича и за процветание Общества». Великому князю направили телеграмму: «Первый камень на Раскопках торжественно положен сегодня при большом стечении народа и при всеобщем энтузиазме»⁷. Телеграмму подписали консул Д.Н. Бухаров и члены Православного Палестинского Общества: архимандрит Антонин, Д.Д. Смышляев, консульский агент в Яффе В.Н. Тимофеев и другие.

⁷ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 21. Л. 24.

Руководил строительством молодой иерусалимский архитектор, левантийский грек по происхождению Георгий Франгия (Franghias), уже зарекомендовавший себя при строительстве храма Марии Магдалины и Сергиевского подворья. Помощником его был местный прораб грек Николай Г. Вальсамаки.

В январе 1888 года Смышляев в Петербурге докладывает Совету Общества о строительстве на Русском месте. Ему было о чем рассказать. Полным ходом шло строительство Сергиевского подворья, работали кухня для паломников и водогрейный аппарат на Русских Постройках.

Строительный сезон по обстоятельствам местного климата к ноябрю закончился, и Дмитрий Дмитриевич отправился в Петербург для личного доклада. О положении работ на раскопках он сообщал: «Устроена цистерна и жилые помещения для временного отдыха поклонников, ожидающих начала службы в храме Воскресения, примерно на 100 человек. Помещение устроено для них на террасе, с каменной лестницей, из 6 отдельных больших комнат и большой общей палаты. Здание построено из дерева и мелкого камня и оштукатурено снаружи и внутри; покрыто черепицей; вставлены рамы в окна и навешены двери; полы настланы из красных изразцов, на цементе».

С началом строительного сезона и по возвращении Смышляева в Иерусалим работы возобновили, к тому же из России постоянно торопили. Однако только в мае 1889 года Смышляев заверяет Хитрово, что «постройка на раскопках будет вчерне окончена в настоящем году»⁸. И через четыре дня: «Здание на раскопках быстро подвигается». Это последнее сообщение об Александровском подворье в переписке его строителя, первого уполномоченного ИППО в Иерусалиме Д.Д. Смышляева. В августе он покинул Палестину.

В конце сентября 1889 года в Святую Землю для участия в освящении храма Марии Магдалины, построенного Палестинским Обществом в Гефсимании, приехали великий князь Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной и братом великим князем Павлом Александровичем. Августейшие паломники посетили и Русские раскопки. Как писала графиня О.Е. Путятина из Иерусалима В.Н. Хитро-

⁸ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 24. Л. 54.

во: «На раскопках одно только, кажется, поразило великого князя и М.П. Степанова – это то, что самое священное место, Порог Судных Врат, завалено мусором и камнями, так что трудно отыскать его. Конечно, это только до времени, но все-таки, кажется, желательно было бы поскорее оградить и устроить этот уголок»⁹.

Освящение

К осени 1890 года внутри подворья уже практически подготовили к освящению храм с иконостасом и размещенными в нем иконами. Ждали прибытия наследника-цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II. Наследник должен был посетить Иерусалим 20–31 октября 1890 года в ходе большого путешествия на Дальний Восток. По пути в Святую Землю цесаревич в Константинополе «с Высочайшего Его Императорского Величества Государя Императора соизволения предполагал лично испросить у Его Величества султана согласие на освящение церкви на Русском месте близ храма Воскресения»¹⁰. Но этим планам не суждено было осуществиться.

Однако особого секрета из плана освящения русского храма в Иерусалиме не делали. Новый губернатор Решад-Паша не называл иначе будущее подворье, как «ваша новая церковь». Из этого следует, что турецкие власти давно уже знали, что у Порога Судных Врат строится русский храм, и, в отличие от греков, относились к этому совершенно спокойно.

Подворье освятил архимандрит Антонин в день тезоименитства великой княгини Елизаветы Федоровны, 5 сентября 1891 года. На церемонии демонстративно отсутствовали Патриарх Иерусалимский Герасим и греческое духовенство.

Что же касается храма во имя святого благоверного князя Александра Невского, то он был освящен Иерусалимским Патриархом лишь через шесть лет – в результате чрезвычайных усилий и упорства со стороны великого князя Сергея Александровича, 22 мая 1896 года, в день памяти императрицы Марии Александровны.

⁹ Лисовой Н.Н. Президенты Палестины. Памяти первых председателей ИППО великого князя Сергея Александровича и великой княгини преподобномученицы Елисаветы Феодоровны // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 127 (Приложение № 8).

¹⁰ Россия в Святой Земле. Т. I. С. 566.

Описание здания

Александровское подворье представляет собой сложный архитектурный комплекс. Его основой является здание базиликального типа (высота 10 м, длина 22 м), половину которого занимает храм во имя святого благоверного князя Александра Невского, а другую половину – археологическая зона с Порогом Судных Врат. Их разделяет алтарь храма с невысоким иконостасом, а объединяют в единое литургическое пространство простирающийся во всю длину боковых стен «Страстной чин» Н.А. Кошелева и расположенные выше него иконы В.Ф. Пасхина.

Посередине храма перед иконостасом стоит каменный престол, который ученые-археологи относят к приделу базилики императора Константина 335 года. Южный фасад Александровского подворья, выходящий на улицу Даббага и украшенный порталом с высоким фронтоном и знаком Императорского Православного Палестинского Общества, носит парадный характер.

С севера к храму примыкают помещения музея. Идею создания музея впервые высказал М.П. Степанов в письме Д.Д. Смышляеву от 15 октября 1886 года. Основой музея должны были стать предметы, найденные при раскопках на участке Палестинского Общества в Иерихоне. Степанов писал: «Все отысканные вещи развалин и т.п. громоздкие оставить на месте находки, мелкие – перевезти в Иерусалим и поставить в особое помещение (начало нашего будущего Иерусалимского музея)». Руководство ИППО не сразу нашло окончательное место для размещения музея. Одно время его планировали поместить вместе с библиотекой во втором этаже Сергиевского подворья рядом с угловой башней. По мере увеличения объема строительства на Русских раскопках стало ясно, что музей лучше разместить именно там. 20 июня 1887 года Д.Д. Смышляев сообщил русскому послу в Константинополе А.И. Нелидову: «Со временем эта часть постройки (под Коптским монастырем и Коптской улицей) может быть утилизирована для помещения в ней Музея палестинских древностей».

Подобно музею архимандрита Антонина музей ИППО на Александровском подворье пережил трудные времена в период Первой мировой войны и последовавшей за ней разрухи. Не все экспонаты сохранились, не сохранилось и описей.

На первом этаже справа при входе расположена Приемная комната, или, как ее еще называют, Царская, хотя никто из августейших особ никогда здесь не бывал. Вероятно, название возникло из-за царских портретов и предметов убранства интерьера этого зала, занимающего угловое помещение здания с двумя окнами по восточному фасаду и двумя – по южному.

Далее деревянная лестница ведет на второй этаж. Она выходит в коридор с комнатами для священнослужителей, библиотекой и архивом. С третьего этажа лестница выводит на крышу, оставляя над собой стеклянный фонарь перекрытия. На террасе, примыкающей к храму с юго-запада, находятся палаты для паломников. Пять из них предназначались для духовенства, две большие, в пять окон каждая, – для богомольцев.

Кровля центральной базилики – двускатная, покрытая черепицей. Над боковыми пристройками (над музеем и ризницей, с одной стороны, и над жилыми помещениями подворья, с противоположной стороны) крыши плоские в виде террас. С них открываются незабываемые виды на Старый город.

В подвальном помещении два коридора объединяют три небольшие комнаты, предназначавшиеся ранее для проживания служащих, и цистерну, вмещающую 15 760 ведер воды. Помещения освещаются лежащими прямоугольными окнами, выходящими на Русскую улицу.

Во всем живописно-архитектурном строе Александровского подворья чувствуется национальное своеобразие. Это типичное здание в московском стиле с элементами необарокко в оформлении фасадов, с картушами, волютами, разорванным фронтоном, рустованными углами, высоким венчающим карнизом и свободным планом. Местный розовый облицовочный камень как нельзя лучше соответствует стилевой поэтике историзма. Более стильного и нарядного здания, пожалуй, в Старом городе нет.

Мемориальные доски

Справа от Порога Судных Врат, заглубленный в восточную стену основной базилики Александровского Подворья и выделенный сверху карнизом с семью консолями, чернеет лабрадорowymi поминальными досками мемориал Палестинского Общества.

Идея мемориала оформилась постепенно. Первые восемь поминальных досок установили уже к моменту освящения Порога и всего Русского дома 5 сентября 1891 года. А после кончины 20 октября 1894 года императора Александра III было решено освятить подготовленный храм во имя его святого покровителя великого князя Александра Невского, превратив его тем самым в своеобразный храм-памятник царю.

Осенью 1894 года у Порога Судных Врат в память деятелей и жертвователей ИППО началось чтение Неусыпаемой Псалтири, а в канун освящения храма, в апреле 1896 года, уполномоченный ИППО в Иерусалиме Н.Г. Михайлов получил дополнительное предписание: чтобы «по освящении еженедельно, по четвергам, в церкви св. Александра Невского совершалась заупокойная литургия и панихида по в Бозе почившем Государе и всем внесенным на поминальные доски в Русском доме». Палестинское Общество и в последующем с большим вниманием относилось к заведенному порядку псалтырных чтений, вменяя контроль за ними «в прямую обязанность» Русской Духовной Миссии.

В большом аркосолии боковой стены была установлена икона Воскресения Господня, а черные доски с именами, написанными золотыми буквами, заполнили все пространство стены над аркосолием и вокруг него. Они расположены в хронологическом порядке – по времени кончины поминаемых лиц, слева направо и сверху вниз.

Доска № 9 объединила двух представителей земли Пермской:

«Дмитрий Дмитриевич Смышляев † 15 ноября 1893 г.

Архимандрит Антонин (Капустин) † 24 марта 1894 г.»

Смирнова Ирина Юрьевна

Редактор издательства Свято-Троицкой Сергиевой Лавры,
кандидат исторических наук

РОССИЯ И ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОСТОК В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ*

В конце 1850-х – 1860-х годах наблюдается всплеск литературы о Святой Земле и русско-иерусалимских связях. Путевые очерки Д. Д. Смышляева 1865 г. встроены в целый ряд появившихся в этот изданий: в 1858 году вышла книга Б.П. Мансурова «Русские паломники в Святой Земле», «Воспоминания поклонника Святого Гроба» В.К. Каминского с 1853 по 1859 годы выдержали три издания¹. В 1861 году на Восток второй раз приезжает А. С. Норов².

Такое оживление, с одной стороны, паломничества, а с другой – обсуждения его проблем, – объясняется тем, что, во-первых, к этому времени появились реальные возможности приехать и пожить в Иерусалиме, а во-вторых, действительно назрели достаточно серьезные проблемы.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 08-01-00184а.

¹ Каминский В.К. Воспоминания поклонника Святой Земли. СПб., 1855; изд. 2. СПб., 1856; изд. 3, с изм. назв.: Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859.

² Норов А.С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878. См. также: Базили К.М. Синай и Палестина под турецким правительством. Одесса, 1862; Благовещенский Н.А. Из воспоминаний бывалого об Иерусалиме // Время. 1862; Берг Н.В. Иерусалим в настоящую минуту // С.-Петербургские Ведомости. 1863. № 9; Антонин (Капустин), архимандрит. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. (Из записок поклонника) // Душеполезное Чтение. 1866. № 1. С. 1-36; № 2. С. 69-96; № 3. С. 137-160. № 4. С. 191-217. Отд. изд.: М., 1866, 2007.

Ко времени первого путешествия Д.Д. Смышляева (10/22 января – март 1865 года) в Святую Землю прошло почти десять лет после Крымской войны, и за эти годы развитие русско-иерусалимских отношений имело уже свою историю, довольно драматичную и насыщенную. Условия Парижского мира – нейтрализация Черного моря и запрет России иметь военный флот в его водах – предопределили новую стратегию восстановления влияния России на Православном Востоке и в первую очередь в Иерусалиме, который, по мнению русских дипломатов, после Крымской войны был «центральным пунктом не только всего Востока, но и Запада, на который устремлено внимание всей Европы».

Укрепление Иерусалимской Церкви и всяческое содействие примирению православных арабов и греков в Иерусалиме – эти задачи, озвученные в докладе министра иностранных дел князя А.М. Горчакова, стали главными принципами внешней политики России на Православном Востоке. Если мир с греческой иерархией был необходим в качестве залога единства Православных Церквей и противовеса инославному влиянию, то упор на арабский народный элемент предполагал расшатывание изнутри Османской империи как реванш России за проигрыш в Крымской войне. Именно арабское православное население, в основной массе своей невежественное и нищее, было все еще предано России и верило, что только она может их освободить как от власти турок, так и от самих православных греков. На него-то и рассчитывала опереться Российская империя в своем послевоенном курсе на Ближнем Востоке.

При этом акцент первоначально был сделан на Русскую Духовную Миссию (РДМ) как учреждение России, уже получившее признание в Иерусалиме до Крымской войны. Как указывалось в докладе Горчакова, «нам необходима представительность на Востоке, разумеется, не политическая, а церковная, в которой нам не могут отказать ни турки, ни франки, имеющие своих патриархов и епископов в Святом Граде»³. Для большего впечатления МИД считал необходимым «поставить во главе Иерусалимской Миссии епископа вместо архимандрита». По мнению МИДа, «это произвело бы сильное впечатление не только в Иерусалиме, но и в Константинополе»⁴.

³ Ямилинец Б.Ф. Россия и Палестина. М., 2003. С. 244.

⁴ Ямилинец Б.Ф. Россия и Палестина. С. 244.

23 марта 1857 года доклад был утвержден императором Александром II. Уведомление Патриарха Иерусалимского Кирилла II о возобновлении деятельности РДМ в Иерусалиме посланник А.П. Бутенев взял на себя.

Начальником РДМ 1 сентября 1857 года был назначен инспектор Санкт-Петербургской Духовной академии архимандрит Кирилл (Наумов), которого 13 октября 1857 года рукоположили в сан епископа Мелитопольского.

Позже все признают, что назначение епископа в Иерусалим, совершенное исключительно по инициативе МИДа, без согласования с Синодом, было ошибкой. Второй ошибкой, на сей раз со стороны Святейшего Синода, было то, что он не посчитал нужным уведомить Патриарха Иерусалимского Кирилла II об отправлении в его Патриархат русского епископа. Этот непродуманный шаг отзовется впоследствии очень непростыми отношениями между Патриархом Кириллом и епископом Мелитопольским, которому потребуются значительные усилия для нормализации отношений с Предстоятелем Иерусалимской Церкви.

Доклад князя Горчакова вызвал в придворных кругах всеобщий интерес к русскому присутствию в Палестине. А восстановление Духовной Миссии в Иерусалиме возбудило в Петербурге интенсивную деятельность различных партий из ближайшего окружения императора.

Непосредственное участие в судьбе РДМ приняла императрица Мария Александровна. Она оказывала личное внимание и материальную поддержку епископу Кириллу (Наумову), выделяла собственные средства на нужды Миссии; в ее окружении возникла идея создания Благотворительного комитета под покровительством самой императрицы для поддержки деятельности РДМ в Палестине. Составление проекта, по просьбе императрицы, было поручено митрополиту Московскому Филарету (Дроздову), который в силу своего многолетнего знания дел на Востоке выступал в качестве главного эксперта от Святейшего Синода.

Предполагалось, что этот комитет, составленный из нескольких (6–12) дам высшего общества, будет осуществлять постоянную связь с Миссией, возьмет на себя заботу об обучении православных арабских детей и о проживании в Иерусалиме русских паломников. Мария Александровна советовалась с московским святителем и насчет устройства двух часовен – в Москве и в Петербурге – для сбора пособий на нужды

православных арабов. Но митрополит, ссылаясь на церковную практику, ответил, что «строить часовню (исключительно) для дохода было бы не в духе веры и Церкви».

Очень скоро женская инициатива была перехвачена более решительной и деловой партией великого князя Константина Николаевича, брата Александра II, генерал-адмирала, возглавлявшего Морское министерство. Эта так называемая партия Мраморного дворца с самого начала повела свою независимую линию, опираясь на учрежденное 3 августа 1856 года в Петербурге «Русское общество пароходства и торговли» (РОПИТ).

Осенью 1857 года в Иерусалим был направлен сотрудник великого князя Б.П. Мансуров, «близкий к Мраморному дворцу и одновременно к РОПИТу»⁵. Он поехал туда под видом паломника и якобы для составления путеводителя, хотя истинной целью его поездки было ознакомление с политической ситуацией на Востоке и выбор такой стратегии, при которой русское присутствие там имело бы *неполитическую форму*. И такой выбор был сделан: партия Мраморного дворца и РОПИТ для утверждения России на Ближнем Востоке избрали такой мирный и аполитичный способ, как массовое православное паломничество в Святую Землю.

В дальнейшем развитие этих двух направлений – церковного и коммерческого – будет идти параллельно, сближаясь и расходясь, сталкиваясь и отталкиваясь друг от друга, претерпевая конфликты и взаимное непонимание, но направлено оно будет на одно общее дело – утверждение присутствия и авторитета России на Ближнем Востоке и в мире.

Вернувшись из Палестины, Б.П. Мансуров представил великому князю доклад, в котором обосновывал необходимость привлечь к русскому делу в Палестине РОПИТ.

Чтобы механизм заработал, РОПИТ, по мнению Мансурова, должен был «извлекать денежную выгоду»⁶ из движения русского паломничества. Главными принципами, которыми предлагал руководствоваться Мансуров, были «личная ловкость», «неизбежная доля личного произвола» и «полное и неограниченное доверие во всех подробностях

⁵ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С. 109.

⁶ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. С. 110.

финансового дела». И вообще, как считал Мансуров, если придать нашему вмешательству на Востоке коммерческий характер, «весь вопрос даже упростится». Доклад Мансурова спровоцировал обширную полемику во всех сферах, причастных к русскому делу на Востоке: его отчет великий князь Константин Николаевич предложил для отзыва митрополиту Московскому Филарету, архимандриту Порфирию (Успенскому), первому начальнику РДМ, известному высшему обществу Петербурга как знаток Востока, а также некоторым другим лицам.

Митрополит Филарет сведения Мансурова назвал «прискорбными и ненужными»⁷. Но его заключение опоздало, так как к этому времени уже были приняты конкретные меры в соответствии с предложениями Мансурова и архимандрита Порфирия (Успенского). Архимандрит Порфирий предложил установить церковный кружечный сбор на нужды русских паломников и назначить в Иерусалим русского консула. Эти соображения легли в основу доклада великого князя Константина Николаевича императору. Главной мыслью доклада было привлечь РО-ПИТ к «усилению влияния России в Средиземном море и в Палестине»⁸. Доклад был представлен императору 27 февраля 1858 года, и в тот же день последовало высочайшее распоряжение – рассмотреть возможность учреждения русского консульства в Иерусалиме и «установления кружечного сбора во всех православных церквях империи и открытия повсеместной подписки для сбора денег на улучшение быта православных поклонников в Палестине» (при этом надо отметить, что прием пожертвований и все делопроизводство по ним было сосредоточено в Морском министерстве)⁹.

Должность консула поручили сотруднику Морского министерства Доргобужину, по предварительному соглашению с Министерством иностранных дел назначенному РОПИТом агентом в Иерусалиме.

Согласно инструкции российского посланника в Константинополе А.П. Бутенева, от консула требовалось «действовать в полном согласии

⁷ Письмо митрополита Филарета к великому князю Константину Николаевичу <...> с отзывом о собранных г. Мансуровым сведениях о святых местах. Москва, 25 апреля 1858 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. Т. III. С. 320.

⁸ Ямилинец Б.Ф. Россия и Палестина. С. 92.

⁹ Ямилинец Б.Ф. Россия и Палестина. С. 92.

с начальником Духовной Миссии и оказывать ему все свое содействие»¹⁰, а именно – «облегчать его труды, служить ему посредником в обращении с посторонними лицами и всячески содействовать достижению общей цели»¹¹, то есть было четко прописано тесное взаимодействие консула с начальником РДМ.

Однако вскоре станет ясно, что никакого личного контакта у консула с начальником РДМ не сложится, а подчиненность консула епископу в духовных делах будет нарушена. Все вместе это приведет к трагичному разладу в их отношениях и на многие десятилетия нарушит предполагаемый механизм взаимодействия Духовной Миссии и консульства в Иерусалиме.

Учреждение консульства в Иерусалиме (1858) существенно изменило дипломатическую карту русского присутствия на Ближнем Востоке. Оно повлекло за собой изменение всей структуры русских дипломатических агентств, вице-консульств и консульств в Палестине с перераспределением обязанностей и подчиненности. Эти изменения в дипломатическом раскладе не могли не вызвать всеобщего беспокойства в Иерусалиме. Со всех точек зрения – политической, дипломатической, церковной – в этих переменах были готовы видеть нарушение равновесия и стабильности и едва ли не угрозу со стороны России.

В этой и без того сложной для России послевоенной ситуации назрела необходимость выработать общую концепцию отношения России к турецкому правительству, к западной дипломатии, греческому высшему духовенству, к его многонациональной пастве (в первую очередь арабам и славянам). Другими словами, предстояло определить приоритеты и способы мирного проникновения на Восток.

Один из вариантов обсуждавшейся новой концепции предложил российский дипломат Василий Сергеевич Неклюдов, сотрудник российского посольства в Афинах. Главная мысль его аналитической записки (1858) состояла в том, что «настоящее призвание России, самим Промыслом ей предназначенное во всемирной политике», – это освоение православных христиан Востока от турецкого ига. Через всю

¹⁰ Инструкция посланника в Константинополе А.П. Бутенева первому русскому консулу в Иерусалиме В.И. Доргобужинову. Буюкдере, 9 августа 1858 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. I. М., 2000. С. 57.

¹¹ Там же.

записку красной нитью проходит идея дружеских, братских отношений с греческим высшим духовенством. «Не Русскою Церковию мы должны явиться на Востоке, но членами единой Восточной Православной Церкви. Мы владыки у себя, но на Востоке должны быть братьями тамошних владык, помогать им и возвышать их в своих собственных глазах, а особенно в глазах тамошних народонаселений, вселять в них полное к нам доверие»¹².

Неклюдов полагал, что «устройство самобытных национальных Церквей ослабит греческую иерархию и усилит ее противников»¹³.

Предложенное Мансуровым учреждение русской независимой епархии в Палестине или введение русского епископа в заседания Иерусалимского Синода Неклюдов считал вредными и унижающими достоинство греческой иерархии. Единственное, что автор считал приемлемым, не вызывающим с чьей-либо стороны подозрений и неудовольствия, – это устройство при иерусалимском консульстве «благотепной домашней церкви с русским причтом и под настоятельством умного, ученого и набожного архимандрита»¹⁴.

Вопреки мнению МИДа, в записке Неклюдова впервые было впрямую сказано о неуместности присутствия русского епископа в Иерусалиме.

Обзор Неклюдова служит прекрасным примером для понимания многофакторности русского присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке, хоть и не все положения записки прошли проверку временем.

Митрополит Филарет, которому было известно содержание записки, был согласен со многими ее положениями и писал, что «главная мысль статьи справедлива, и жаль, что наше правительство не размышляло так ранее»¹⁵. В ответ на донесение начальника РДМ, который жаловался на греков, митрополит Филарет советовал всеми силами достигать с ними единомыслия и союзничества. «Все искусство преосвященного,

¹² НИОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 98.

¹³ Там же. Л. 94–94об.

¹⁴ Там же. Л. 101.

¹⁵ Письмо митрополита Филарета к архимандриту Антонию (Медведеву). Москва, 13 ноября 1858 г. // Святитель Филарет, митрополит Московский. Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831–1867. СТСЛ, 2007. С. 80.

– считал святитель, – должно состоять в том, чтобы не было ни малейшей недоверчивости между архиереями, служащими одной и той же Вселенской Церкви»¹⁶.

В соответствии с этими положениями в МИДе была составлена инструкция епископу Кириллу. В ней говорилось, что «уронить греческое духовенство в общественном мнении, значило бы разорвать последнюю связь между православными населенными, не заменив никакой другой»¹⁷.

Эту задачу по стабилизации отношений с греками преосвященному Кириллу удалось выполнить не сразу, а лишь спустя несколько лет, в течение которых ему пришлось преодолевать не только и не столько неблагоприятие греков, сколько неприятие со стороны русского консула и деятелей РОПИТа.

В середине лета 1858 года на Восток вновь был отправлен Б.П. Мансуров. Целью его поездки было приобретение земли в Иерусалиме для устройства русских учреждений, для чего ему был выделен кредит в 40 тыс. рублей с условием возврата его в Морское министерство. Итогом поездки была покупка земельного участка в 140 кв. саженей (637 кв. м) в Старом городе, в нескольких шагах от храма Гроба Господня, а также нескольких участков за пределами городских стен, в том числе тех, на территории которых впоследствии возведут русские постройки. В качестве первой меры помощи паломникам было обустройство под временные русские подворья нескольких частных владений в Иерусалиме, Яффе, Рамле, Назарете и Хайфе, о которых Смышляев пишет в своей книге.

Результатом поездки Мансурова стало учреждение в марте 1859 года особого комитета (кратко именуемого Палестинский комитет) для принятия мер по устройству в Палестине русских богоугодных заведений для православных поклонников. В состав комитета вошли: обер-прокурор Святейшего Синода, директор Комиссариатского департамента Морского министерства, директор Азиатского департамента МИДа, член Совета министра финансов и директор-распорядитель РОПИТа.

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 171об.–172.

¹⁷ Проект отношения МИД к начальнику РДМ в Иерусалиме епископу Мелитопольскому Кириллу (Наумову). Петергоф, 5 июля 1858 г. // Россия в Святой Земле. Т. II. С. 60.

Председателем комитета 22 июня 1859 года стал великий князь Константин Николаевич. Исполнение дела о постройке необходимых учреждений в Палестине было поручено Б.П. Мансурову (назначенному в январе 1860 года управляющим делами)¹⁸.

Большое значение как для русского дела в Святой Земле, так и для подъема авторитета России на Востоке в целом имел приезд в Святую Землю великого князя Константина Николаевича с супругой великой княгиней Александрой Иосифовной и сыном Николаем (28 апреля – 9 мая 1859 года). Указом от 28 июня 1859 года султан передал в дар великому князю, в память о его приезде, общественную загородную площадь (Мейдан). Именно на ней в течение 1860–1863 годов были возведены так называемые русские постройки. Но на пожелание великого князя устроить за свой счет русскую церковь с постройками для причта и поклонников в селении Бет-Сахур, недалеко от Вифлеема, Патриарх ответил отказом, сославшись на неканоничность просьбы и на «строжайшее наставление от визира не делать русским уступок»¹⁹.

Об этом султанском наказе сообщает в своем отчете Мансуров, когда пишет, что «Иерусалимский Патриарх внезапно отправился в Иерусалим, как он сам публично высказался, чтобы умерить русского епископа»²⁰.

Трудно сказать, какие действия преосвященного Кирилла вызвали столь сильное беспокойство Иерусалимского Патриарха – слишком ли торжественные богослужения (правда, в сослужении лишь двух иеромонахов – отца Ювеналия Половцева и отца Леонида Кавелина) или его разъезды в пределах Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов, которые сопровождались пышными встречами и приемами. Вести об этом могли дойти до Константинополя и привести к активности Патриарха Кирилла. По этому поводу Митрополит Филарет писал архимандриту Антонию 12 мая 1859 года: «Патриарха Иерусалимского

¹⁸ Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. С. 112.

¹⁹ Выписки и замечания на записку о положении дела создания на Востоке русских богоугодных заведений д. с. с. Мансурова. 11 мая 1859 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. III. С. 409.

²⁰ Там же.

долго звали и не могли дозваться из Константинополя в Иерусалим. Вдруг он поднялся и объявил: иду умерить русского епископа»²¹.

О трудностях в отношениях с Патриархом, даже о «злобе Патриарха в отношении к нему»²², упоминал и епископ Кирилл. Со временем начальнику РДМ удалось наладить с Патриархом корректные и доброжелательные отношения. В конце 1861 года епископ Кирилл напишет: «Отсюда меня не легко выпустили бы, по глазу пришлось. Месяц назад прибыл сюда Блаженнейший. Теперь мы с ним меняемся любезностями. Надобно сознаться, что большего внимания, расположения и доверия нельзя было и желать»²³. О Патриаршем наместнике митрополите Мелетии Кирилл в том же письме напишет: «Он добрейший и почтеннейший старец, которого я люблю как отца родного»²⁴. А еще позже епископ Кирилл будет рассчитывать на их защиту от несправедливых обвинений и требовать суда восточных иерархов.

Сложнее складывались у него отношения с русским консулом в Иерусалиме В.И. Доргобужинным. «С консулом у преосвященного Мелитопольского война», – сообщал митрополит Филарет наместнику Лавры в письме от 12 мая 1859 г.²⁵ Суть конфликта состояла в том, что РДМ (и даже Святейший Синод) оказались отстранены от какого-либо участия в возведении Русских Построек, в то время как Доргобужин, прибыв на Восток, был вовлечен – и как консул, и как одновременно агент РОПИТа – во все дела по приобретению земельных участков и устройению временных подворий. Напомним, что при учреждении консульства в Иерусалиме предполагалась его если и не подчиненность, то сотрудничество с начальником РДМ и «духовное послушание» ему. Были и другие причины взаимной неприязни.

²¹ Филарет (Дроздов), святитель. Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры преподобному Антонию (Медведеву). М., 2007. Т. 3. С. 109–110.

²² Отзыв митрополита Филарета об отчете преосвященного Кирилла, епископа Мелитопольского, от 10 февраля 1859 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 377.

²³ Епископ Кирилл Мелитопольский в его письмах к митрополиту Макарию (Булгакову) // Русская старина. СПб., 1890. X. С. 190.

²⁴ Там же.

²⁵ Филарет (Дроздов), святитель. Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры преподобному Антонию (Медведеву). М., 2007. Т. 3. С. 109–110.

В отчете Мансурова о второй поездке в Палестину очень субъективно и небеспристрастно противопоставляются духовная миссия и консульство – подчеркивается возросшее значение русского консульства и, напротив, показана негативная роль епископа Кирилла. Хотя из того же отчета видно, что консул и Мансуров явно превышали свои полномочия и вмешивались в сугубо церковные дела, например позволяли себе принуждать Блаженнейшего Кирилла к восстановлению Назаретской епархии в Иерусалимском Патриархате. «Патриарх уступил, наконец, нашим настояниям, – радостно сообщает Мансуров. – Произведен монах, воспитанник Афинской академии, Нифонт, рекомендованный русскими, против мнения большинства Иерусалимского Синода. Почти всем успехом по этому предмету мы обязаны консульскому агенту Аверину»²⁶. Но то, что Мансуров считает успехом в Иерусалиме, совершенно иначе воспринимает митрополит Филарет в Москве: «Как печален такой ход дела! Обещает ли он доброе впереди?»²⁷

Подобное вмешательство в дела чисто церковные приводило к огорчению и раздражению епископа Кирилла и, в конечном счете, сделало конфликт между ним и консулом непримиримым, о чем скоро стало известно в Петербурге и в Москве.

Неудовольствие Кириллом, выраженное в донесении Мансурова, дало повод митрополиту Филарету лишний раз выразить свое сомнение, нужно ли быть в Иерусалиме русскому епископу: «Верно ли рассчитано назначение епископа в Иерусалим? Верно ли он расположил свое действие? Не напрасно ли он спешил поставить себя высоко, в блеске, тогда как надлежало быть тише воды и ниже травы, чтобы неприметно вырасти в древо сеннолиственное и многоплодное?»²⁸

Сомнения в правильности действий начальника РДМ убедили митрополита Филарета: нужно командировать на Восток кого-либо из

²⁶ Выписки и замечания митрополита Филарета на записку о положении дела создания на Востоке русских богоугодных заведений д. с. с. Мансурова. 11 мая 1859 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. III. С. 410.

²⁷ Там же.

²⁸ Выписки и замечания митрополита Филарета на записку о положении дела создания на Востоке русских богоугодных заведений д. с. с. Мансурова. 11 мая 1859 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. III. С. 410.

светских чиновников Святейшего Синода «посмотреть, что там делается, и в особенности, каково положение и отношения преосвященного Кирилла»²⁹. Эта мысль была подсказана великим князем Константином Николаевичем, видевшим Кирилла на Востоке. Впечатление от встречи великого князя с начальником Миссии не могло быть особенно благоприятным уже потому, что преосвященный Кирилл не считал нужным, в отличие от греческого духовенства, организовать достойной встречи первым представителям Царского дома в Иерусалиме. И это не единственный случай недальновидности начальника РДМ.

Таким образом, уже к середине 1859 года в России всерьез задумались о положении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, о роли ее начальника-епископа и о взаимодействии Миссии с другими структурами. Повод к этому подали люди из партии Мраморного дворца, формировавшие общественное мнение высших кругов Петербурга. Ловкие и амбициозные, энергичные и самоуверенные, но порой весьма далекие от понимания церковных дел, они брались не только судить об интересах Церкви, но и решительно вмешиваться в сферу ее деятельности. Так, один из сотрудников РОПИТа и участник второй командировки Мансурова В.М. Жемчужников составил записку, в которой упрекал Духовную Миссию в бездействии, а все успехи приписывал правительству. На эту записку был составлен отзыв, автор которого неизвестен (вероятно, кто-то из синодальных чиновников, по всей видимости Константин Карлович Зедергольм, впоследствии иеромонах Климент). На упреки в адрес РДМ он отвечал, что «кроме Святейшего Синода и Министерства иностранных дел церковные дела на Востоке не должны бы подлежать ничьему влиянию. Вмешательство в них Пароходного общества, Морского министерства неправильно и крайне вредно: оно может только еще более запутать достаточно запутанные отношения»³⁰.

Автор отзыва не снимал вины и с начальника Миссии. «По ходу дел видно, – говорится в отзыве, – что Миссия наша не всегда довольно ясно

²⁹ Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому о палестинских делах и о финансах. 7 июня 1859 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. Т. III. С. 435.

³⁰ Замечания на записку г-на Жемчужникова (черновик). Без даты. // НИОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 139.

понимает свои, впрочем, очень сложные обязанности и отношения. Если она, отступая от церковных правил, будет в чужих Патриархиях вмешиваться в церковные дела и действовать отдельно от Патриарших престолов, то это может повести не к согласию, а умножению вражды между ними и паствами их, к усилению недоверия к нам восточных иерархов, и затем, к самым печальным результатам»³¹. Основные функции РДМ в Иерусалиме, как их обозначил автор замечаний, следующие: «противодействовать западным пропагандам, оказывать деятельную помощь Греческой Церкви, в дружеском союзе с духовенством облегчать нужды несчастной паствы и самого духовенства»³².

Именно такое конструктивное и спокойное отношение к иерусалимским проблемам возобладаало в какой-то момент в высших кругах Петербурга. Консул В.И. Доргобужинцов вскоре был отозван из Иерусалима. Но была предreshена и участь епископа Кирилла (Наумова). В то самое время, когда он от всей души благодарил Филарета за защиту от нападков консульства, в апреле 1860 года на заседании Палестинского комитета был поставлен вопрос о необходимости вернуться к управлению РДМ архимандритом, а не епископом, как это было до Крымской войны.

Однако преосвященный Кирилл еще три года (до указа от 28 июня 1863 года) продолжал возглавлять Миссию. За это время сменились уже два русских консула – в начале 1860 года был отозван В.И. Доргобужинцов (который вернулся к своей прежней деятельности в Морском министерстве), затем приехал и скоропостижно умер консул К.А. Соколов (1860–1861), после него был назначен консул А.Н. Карцов.

На протяжении всех этих лет ускоренными темпами возводились русские постройки, включавшие собор в честь Святой Троицы, здание Духовной Миссии с домовою церковью во имя святой мученицы царицы Александры, дом русского консульства, два приюта на 800 человек (мужской и женский), госпиталь на 40 кроватей и хозяйственные службы (архитектор М.И. Эппингер).

И когда в начале 1863 года, в виду скорого окончания строительства, встал вопрос о том, какой статус будут иметь Русские Постройки и

³¹ Там же. Л. 137.

³² Там же. Л. 137об.

кому поручить их управление, председатель Палестинского Комитета Головинин написал обер-прокурору Святейшего Синода: «Необходимо устранить затруднения, которые происходят от слишком высокого иерархического сана начальника Иерусалимской Миссии» и поставить Миссию под начальство «благочестивого и способного архимандрита»³³.

Но здесь вмешалось Министерство иностранных дел и со своей стороны заявило: «Ввиду того, что в настоящее время возбуждено много важных вопросов, в которых преосвященный Кирилл принимал деятельное участие, оно полагает, что удаление его в настоящее время было бы неудобно»³⁴.

Однако к этому времени присутствие епископа Кирилла в Иерусалиме настолько превысило меру терпения его противников, что они представили в МИД донос «об образе жизни» начальника РДМ. В результате Святейший Синод в своем определении от 19–21 июня 1863 года постановил: «1) епископа Кирилла от занимаемой им должности начальника Духовной Миссии нашей в Иерусалиме уволить; 2) за неимением в настоящее время вакантной епархиальной кафедры назначить преосвященного Кирилла, до времени, в распоряжение архиепископа Казанского Афанасия, предоставив ему, пр. Кириллу, иметь помещение в находящемся в заведовании викария Казанской епархии Казанском Спасо-Преображенском второклассном монастыре с управлением оным <...> 3) затем избрать в звание начальника Иерусалимской Духовной Миссии лицо в сане архимандрита»³⁵.

Указ о перемещении в один из монастырей Казанской епархии епископ Кирилл воспринял крайне болезненно – настолько, что требовал суда над собой Восточных Патриархов и просил позволения остаться на Востоке, называя свое перемещение незаслуженной ссылкой. Епископ видел в этом лишь интриги своих противников – консула, Мансурова и других и не мог понять, что с самого начала стал жертвой недальновидности МИДа и инертности Синода. Также недоступной его пониманию оставалась и истинная объективная причина смещения его с поста начальника РДМ, как ее понимали такие эксперты, как дипломат Неклюдов и митрополит

³³ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1888. С. 397.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 406–407.

Филарет. Отказ преосвященного Мелитопольского покинуть РДМ митрополит Филарет охарактеризовал как «печальное явление в иерархии»³⁶ и рекомендовал Синоду напомнить епископу Кириллу о церковном послушании и о несоответствии епископского сана с должностью начальника Миссии в чужом Патриархате. Он предложил также, чтобы епископу Мелитопольскому предоставили возможность по состоянию здоровья пребывать в Крыму или Одессе. Однако Святейший Синод на заседании 16 марта 1864 года постановил: «внушить епископу Кириллу Мелитопольскому, чтобы он немедленно следовал к месту назначения, с соизволения Его Императорского Величества, Синодом указанного»³⁷. Менее чем через два года, в феврале 1866-го, епископ Кирилл скончался в Казани, не пережив такого поворота своей судьбы.

На его место в Иерусалим по рекомендации митрополита Филарета был назначен архимандрит Леонид (Кавелин), уже служивший некоторое время в Миссии при епископе Кирилле. Митрополит лично знал архимандрита Леонида и ценил его как строгого монаха и оптинского постриженника. Но и это назначение не избавило духовное начальство от забот. Очень скоро, в начале 1865 года, интригами со стороны иерусалимского консула А.Н. Карцова был спровоцирован очередной конфликт между начальником Миссии и его подчиненными. Чтобы понять, к каким мерам прибегали консул и его приспешники, достаточно сказать, что у отца Леонида из кельи были выкрадены личные записи, в том числе и о Иерусалимском Патриархе. Их предъявили Его Блаженству, после чего отца Леонида объявили персоной нон грата. Конфликт подал повод Патриарху Кириллу обратиться в Святейший Синод с грамотой от 13 апреля 1865 года, где он сообщал о якобы всеобщем недовольстве архимандритом Леонидом и просил Святейший Синод «положить конец такому худому положению дел, заменив сказанного архимандрита Леонида каким-либо другим лицом»³⁸.

³⁶ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1887. Т. 5. Ч. 1. С. 462.

³⁷ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1888. С. 419.

³⁸ Послание Патриарха Иерусалимского Кирилла Св. Синоду. Иерусалим, 13 апреля 1865 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. С. 436.

На этот раз митрополиту пришлось не только разбирать скандальные подробности мятежа членов РДМ против своего начальника, но и защищать достоинство представителя Русской Церкви от неправомерных, по мнению Филарета, действий Патриарха. Из соображений церковной икономии, с целью прекращения нестроений была предложена своего рода рокировка: указом Святейшего Синода от 16 июля 1865 года архимандрит Леонид получил временное назначение в посольскую церковь в Константинополе, а на его место «временно заведующим делами Иерусалимской Духовной Миссии» прибыл архимандрит Антонин (Капустин). Святитель Филарет не желал окончательным их назначением делать уступок ни русскому консульству, ни Патриарху Иерусалимскому, чтобы не уронить престиж России и ее церковного представительства.

Непрекращающиеся нестроения в Иерусалиме привели нового обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.А. Толстого к убеждению, что Миссию надо закрыть. В этой, казалось бы, безвыходной ситуации на защиту РДМ встал митрополит Филарет. Он предложил «оставить еще Миссию в нынешнем переходном состоянии, в ожидании лучшего времени; так как архимандрит Антонин <...> не имеет для себя затруднений ни со стороны консула, ни со стороны Патриарха»³⁹.

Надежды московского архипастыря полностью себя оправдали, так как в лице архимандрита Антонина Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в течение почти тридцати лет имела бессменного руководителя и достойного представителя Русского Православия в Святой Земле. При этом надо заметить, что продолжались и конфликты с консульством, и затем, уже при создании ИППО, несогласия и взаимонепонимания между архимандритом и руководством Палестинского Общества.

Таким образом, проникновение России на Ближний Восток после Крымской войны проходило не только в сложных геополитических условиях – при понятном сопротивлении турок, греков и западных держав. Но что еще печальнее – в русском деле на Востоке столкнулись между собой российские различные ведомственные структуры — дипломатические, государственные и церковные. Вместо того чтобы с единомыслием действовать в интересах России, каждое ведомство

³⁹ Письмо митрополита Филарета графу Д.А. Толстому от 21 октября 1866 г. // Там же. С. 368.

старалось преследовать свою «любимую цель», как заметил однажды митрополит Филарет. И тем не менее, несмотря на взаимное непонимание и нежелание преодолеть несогласие, несмотря на столкновения как отдельных лиц, так и целых учреждений, удивительным образом Русская Палестина была создана, Русская Духовная Миссия в Иерусалиме действует и русское дело на Востоке продолжается. Все это имеет место для того, чтобы никто не мог только себе приписать успех общего дела и мы помнили слова Спасителя: «Сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12, 9).

Такой была ситуация в Иерусалиме, когда туда в первый раз, в 1865 году, приехал Д.Д. Смышляев. Пройдет двадцать лет, и Смышляев уже в новом качестве – уполномоченного Православного Палестинского Общества приедет в Святую Землю и вновь встретится с теми же неразрешимыми проблемами взаимоотношений и противостояний российских светских и церковных учреждений.

Аксенов Александр Иванович

Главный научный сотрудник Института российской истории РАН,
доктор исторических наук

РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО XIX ВЕКА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Позволю себе краткий историографический экскурс для более точного определения места поставленной проблемы в исторической науке. Ныне о купечестве пишут много и в разных жанрах. Хотя еще три с половиной десятилетия назад тема эта была едва ли не закрытой. А кандидатская диссертация автора данного доклада, посвященная генеалогии московского купечества, вызывала сочувственное удивление¹. Но начиная с 1970-х годов акцент в изучении капитализма в России с так называемых базисных явлений, свойственных советской исторической науке того времени, был перенесен на их носителей, то есть самих предпринимателей, а именно на российское купечество. И если вначале внимание сосредоточивали на исследовании их профессиональной деятельности, то с рубежа 1980–90-х годов появляются работы, посвященные тому следу, который они оставили в области культуры. Однако и тогда, и ныне, говоря о роли купечества в истории русской культуры, выделяют главным образом его меценатскую деятельность, называя полтора десятка

¹ Аксенов А.И. Московское купечество в XVIII в. (Опыт генеалогического исследования). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09. – Историография и методы исследования исторических наук. М., 1973.

ставших уже записными купеческих фамилий (Морозовы, Бахрушины, Третьяковы, Щукины и другие). Это онтологически резко сужает поле участия русского купечества в историко-культурном процессе развития российской цивилизации. Достаточно отметить различие между меценатством как узко направленной финансовой поддержкой людей в сфере искусства (музыка, живопись, театр) и благотворительностью в широком смысле слова (от подаяния милостыни до выделения денег на бедность, поддержку малоимущих, строительство богаделен, приютов, больниц, школ и т. п.). А ведь благотворительностью занимались самые широкие купеческие слои и для самых широких социальных групп (о сакральной границе между благотворительностью православного купца и западного предпринимателя я скажу позже). Ныне в публицистике стали чуть ли не синонимами понятия не только благотворительность и меценатство, но и спонсорство (тем более – инвестирование). На самом деле последние два – предпринимательские акции, которые конечным итогом имеют получение прибыли от вложенного капитала. А это уже не имеет никакого отношения к бескорыстной помощи, каковой и является благотворительность, осуществляемая от имени и во имя Бога.

Несмотря на эти издержки, в научный оборот был введен богатый историографический материал, пополнивший наши представления об этой сфере купеческой деятельности. Но беда в том, что проблема не имеет до сих пор сколько-нибудь системного разрешения. Нет методологических подходов, не определены структурные положения, не определены акценты: где, в каких именно сферах жизни и каким образом осуществлялось участие русского купечества в общественно-культурной жизни страны. Наконец, предстоит еще только ответить на вопросы, каков сам по себе социокультурный облик русского купца (замечу попутно, что здесь плохую услугу оказала нам художественная литература XIX века – А.Н. Островский, М. Горький, И.Ф. Горбунов – с их штампами «темного царства» и т. п.), каковы его менталитет (мировоззрение и мироощущение), степень образования, характер религиозности, уровень социальной и политической ответственности.

На некоторых из этих вопросов я и хотел бы остановиться. Но предварительно следует отметить одно общее обстоятельство. Со второй половины XVIII века можно наблюдать перелом в мента-

литете отечественного купечества. Хотя оно было весьма разнородно по капиталам, образованию, культуре, мировоззрению, очевидна тенденция роста его образовательно-культурного уровня. Шел процесс становления национального типа купца-предпринимателя, озабоченного не только личным обогащением, но и идеями общественного служения, гражданского долга, вызванного к жизни просвещенными реформами Екатерины II (помните ее: «Торговля есть дочь вольности»), прежде всего Грамотой городам 1785 года. Мысль об ответственности богатства все более утверждалась в сознании русского купечества². Ясно понимаемая греховность накопительства и капитала, проистекавшая из библейских постулатов *Не можете служить Богу и мамонне* (Мф. 6, 24) и *Не поклонись золотому тельцу* (Исх. 32) в противовес протестантскому тезису Макса Вебера «Обогащение угодно Богу» (или «Чем больше богатство, тем ближе к Богу», с отрицанием католического монашеского аскетизма как основы нравственности. Кстати, не этим ли вызвано носящее явно полемический подтекст последнее пополнение грехов Ватиканом, среди которых и неумеренное обогащение?), выражалась в необходимости использования богатства не только для себя лично, но и для дела как общественного «движителя», и для всеобщего блага. Совершенно отчетливо проявились новые черты в традиционной для русского купечества благотворительности: шло расширение социально-культурной сферы приложения капиталов – от подачи милостыни нищим и убогим и строительства храмов до колоссальных пожертвований на образование, здравоохранение, искусство, общественные нужды и прочее.

Если доминирующей идеей русского купца XVIII века, его заветной мечтой было выбиться в дворяне, так как это предоставляло привилегии, необходимые для стабильного развития «дела», а следовательно семьи, то в XIX веке, и особенно во второй его половине, приоритет существенно меняется. Стремление к одворяниванию сменяется ярко выраженным «объинтеллигентниванием» купца.

Здесь главной была возросшая роль образования. Если в первой половине XIX века среди студентов редко можно было встретить купеческих детей, то во второй – получение университетского и институт-

² См.: Семенова А.В., Аксенов А.И. Предисловие // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX вв. М.: РОССПЭН, 2007. С. 3. В этой книге, кстати, приведен отрывок из дневника отца Дмитрия Дмитриевича Смышляева.

ского технического образования становится нормой, по крайней мере в кругу крупных деловых фамилий. Старое утилитарное отношение среди купечества («Образование отбивает от дела») еще живо у мелких торговцев, но решительно отбрасывается в предпринимательской, то есть промышленной среде. Купечество все более осознает значение образования, совершенствования профессиональных знаний одновременно с формированием особых свойств характера как залога делового успеха: активность, предприимчивость, любознательность. «Разум управляет светом, а не фортуна», – в духе просветительской философии заметил архангельский купец А.И. Фомин. Этот поворот в сознании был вызван ранее переоснащением текстильной промышленности в связи с переходом на бумагоделательное производство в два первые десятилетия XIX века и знакомством с западным (английским) техническим оснащением (первыми сделавшие это Коншины, Морозовы и другие добились огромных успехов в предпринимательстве). Появляется интерес и потребность в технических школах при заводах и фабриках (Прохоровы) как необходимый элемент подготовки квалифицированной рабочей силы.

В воспоминаниях Константина Васильевича Прохорова рассказывается, как поразительно сочеталась тяга к высокому искусству с прагматичностью фабриканта у его брата Тимофея. Тот был «любитель наук и изящных художеств», но в школе для рабочих при фабрике, заведенной им под влиянием школы живописи известного мецената графа С.Г. Строганова (выходца из знаменитого купеческого рода, так много сделавшего для Пермского края), открыл преподавание «линейного и узорчатого рисования как более полезного для фабрикации и ремесленников»³. Наряду с фабричными, открываются общегородские (и сельские) специальные училища: торговое в Ярославле (бухгалтерский учет, коммерческая арифметика, товароведение), ремесленные в Рыбинске, Романово-Борисоглебске (столярное, слесарное, токарное отделения).

Дело не ограничивается только узкотехническими заведениями. Открываются многочисленные бесплатные библиотеки, читальни (при Ярославской бумажной и Норской мануфактурах, текстиль-

³ Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX вв. / Составители А.В. Семенова, А.И. Аксенов, Н.В. Серeda. М.: РОССПЭН, 2007. С. 72–74.

ной фабрике Зотова и др.). Ростово-ярославский купец А.Л. Кекин завещал в собственность Ростова Великого все свое движимое и недвижимое имущество, и на эти средства уже после его смерти в 1910 году была открыта мужская классическая гимназия. Все это, заметьте, на деньги, пожертвованные купцами. Конечно, нельзя не сказать об основании знаменитыми Демидовыми еще в 1803 году (год начала университетской реформы Александра I) первого высшего частного учебного заведения – знаменитого Демидовского лицея в Ярославле, на содержание которого выделили 100 000 рублей золотом (положены в банк под проценты), а также свыше 3,5 тысяч душ крепостных крестьян, подати с которых расходовались на поддержку учащихся лицея. Лицей открылся в 1805 году как Демидовское училище высших наук «для лиц всех свободных состояний» на пожертвования Павла Григорьевича Демидова, известного естествоиспытателя, подарившего Московскому университету свой кабинет естественной истории с собранием книг и рукописей, коллекцией монет и медалей (все погибло при пожаре Москвы в 1812 году). Он же пожертвовал в 1805 году по 50 тысяч рублей на основание университетов в Киеве и Тобольске (на тобольский капитал в 1880-х годах открыт Томский университет). Но еще ранее, в XVIII веке, Прокофий Акинфиевич Демидов пожертвовал 1 миллион рублей на создание Московского воспитательного дома, при котором в 1772 году открылось Демидовское коммерческое училище (до 1779 года – Коммерческое воспитательное училище) на 100 мальчиков из купеческих семей, принимаемых по 20 человек каждые три года и содержавшихся на проценты от капитала в 205 тысяч рублей из расчета по 180 рублей на воспитанника в год⁴.

Речь идет по сути о предпринятом купцами культурном переформировании производственной сферы. Другой ее стороной стало становление технической интеллигенции, в которой видную роль сыграло именно купечество, давшее миру замечательных русских ученых, например А.Г. Столетова, выдающегося физика, выходца из владимирских купцов. Тут можно рассказать о представителях одной из ветвей известных зуевских текстильных фабрикантов Зиминых

⁴ Отечественная история: Энциклопедия. Том второй. М.: Большая российская энциклопедия, 1996. С. 13–15.

(вместе с Морозовыми вышли из подмосковного села Зуева) по линии Петра и Макария Куприяновичей. Николай Петрович (1849–1917), получив блестящее техническое образование, стал выдающимся инженером-механиком в области водопроводных систем, автором ряда монографий. С января 1902 года «ученый инженер-механик» Николай Петрович Зимин выступает учредителем товарищества инженеров «Н.П. Зимин и К°». На этом поприще его сменит сын Николай, тоже инженер-механик (он закончил МВТУ) и почетный гражданин, который будет избираться гласным Московской городской управы на два срока подряд: 1913–1916 и 1917–1920 гг. (последний срок оказался, увы, усеченным). Он же с братом Борисом унаследовал фирму отца после его смерти. Нашли применение своим знаниям в Торговом доме «И. М. П. Я. и Ф. Зимины» и подросшие сыновья Макария Ивановича – Иван (1870–1917) и Николай (1868–1909).

Николай Макарович стал инженером-механиком и личным почетным гражданином. Именно его усилиями была создана Подгорная мануфактура. Он женился на дочери Николая Ефимовича Гучкова Вере Николаевне, которая родила ему двух сыновей, Александра (1903–1930) и Бориса (1904–?).

Борис Николаевич закончил в 1928 году Электромашиностроительный институт, работал инженером и заместителем главного инженера завода «Калибр», заведовал лабораторией в Институте метрологии, преподавал в вузе. Женился на Б.Б. Рокшицкой (1899–1994), которая родила ему в 1933 году (за два года до ареста отца) сына Дмитрия.

Дмитрий Борисович окончил радиофакультет МАИ. Будучи авторитетнейшим разработчиком крупных радиолокационных комплексов, в начале 1990-х годов он ушел в бизнес, создал компанию «Вымпелком» и сотовую сеть связи «Билайн». Дмитрий Борисович Зимин – 63-й в списке 100 богатейших бизнесменов России 2004 года с капиталом в 390 миллионов долларов. Сейчас он отошел от предпринимательства и посвятил себя общественной и благотворительной деятельности (фонд «Династия»)⁵.

⁵ Аксенов А.И. Подмосковная предпринимательская династия Зиминых: прошлое и настоящее // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1. М.:

Надо сказать, что приход в бизнес в 1990-х годах потомков дореволюционных предпринимателей не новость: достаточно вспомнить водочных производителей Смирновых, Шустовых, производителей вод Коншиных (ранее текстильных магнатов) и других. Их теперешние успехи довольно скромны, что с неизбежностью ставит вопрос о том, есть ли перспектива у потомков старых купеческих родов в современных условиях бизнеса, с его совершенно новыми принципами функционирования, в которых нет места прежним морально-этическим представлениям, выраженным предельно лаконично одним из богатейших московских купцов Г.И. Хлудовым в оценке своего отца. Тот начинал с того, что сам производил товар, сам его реализовывал, нося «на площадь», но «доходу в торговле, – я цитирую, – потребней всего была в нем верность своего слова и честность». Впрочем, и тогда, по замечанию самого Герасима Ивановича, это качество «встречалось в самих купцах довольно редко»⁶. Что уж говорить о временах нынешних, где подобное в лучшем случае анахронизм. Но это к слову.

Я сознательно подробно осветил роль купечества в области технической культуры как наименее изученной, но в которой купец чувствовал свою безусловную значимость и полезность для России (вспомним знаменитое: «Купец идет»).

Определенные успехи есть в изучении роли купцов в области искусства (коллекционирование), театра, литературы, хотя они не снимают необходимости исследований в этих областях. Но я хочу сказать о другом: и великие купеческие коллекционеры (Третьяковы, Щукины и другие), и крупнейшие театральные деятели (например: С.И. Зимин – представитель другой ветви Зиминых и создатель первой русской частной оперы – Оперный театр Зимина с 1904 года, «Первая свободная опера Зимина» – в 1922–1924 годах; К.С. Станиславский из семьи купцов Алексеевых, знаменитый театральный режиссер и создатель Московского художественного театра, и другие), и писатели (Островский, Горький, Горбунов) не появились сами по себе. Их становление и возвращение происходило в тех же купеческих семьях, где ярко выразилась тяга к прекрасному. А таких было множество, и не только в столицах, но и

Древлехранилище, 2006. С.144–154.

⁶ Купеческие дневники и мемуары... С. 47.

в провинции. Изучение и введение в научный оборот новых, ранее практически неизвестных или вышедших из употребления купеческих дневников и мемуаров разрушают наши традиционные представления о невежестве купечества, в том числе провинциального. В самом деле, многие из них пишут стихи, живо интересуются историей, живописью, архитектурой, театром. Тяга к прекрасному становится неперенным элементом *повседневности*. Красной нитью через купеческие дневники проходят любовь и почитание родителей (как свидетельство семейных устоев и высшая сословная добродетель) и любовь к знаниям и прекрасному (а отнюдь не профессиональные занятия). Вторая ипостась демонстрирует нам образованных людей, причем не богатых купцов, а именно граждан. Вот, например, что пишет в путевых заметках Г.И. Хлудов – как думающий, разносторонне образованный и ищущий человек: «Беспреданно мысль тревожила меня побывать в Северной столице. Во сне и наяву было мое непрестанное желание полюбоваться на Кронштадт, Петербург, Царское Село, прокатиться на железной дороге, побывать в Эрмитаже и Академии художеств!»⁷. Одно это заслуживает самого пристального внимания. А рассеянные по тексту колоритные и точные оценки и характеристики встреченных им людей, описания зданий, памятников архитектуры свидетельствуют об авторе записей как о человеке эстетически сложившемся, что подтверждает и его биография: он не только заинтересованный или, как бы мы теперь сказали, конъюнктурный коллекционер, но прежде всего замечательный знаток и ценитель живописи русской школы.

Любознательный ум, широту культурных запросов демонстрирует в своем путевом дневнике сибирский купец В.Н. Баснин, который с увлечением и знанием дела изучает архитектуру Петербурга, присутствует на спуске кораблей на верфях Адмиралтейства, регулярно посещает театры, сравнивая исполнительское мастерство Я.Г. Брянского, В.А. Каратыгина, М.С. Щепкина, показывает себя большим знатоком оперного искусства и любителем живописи. Он часто бывает в мастерской А.Г. Венецианова, на художественных выставках, приобретает произведения искусства⁸.

⁷ Купеческие дневники и мемуары... С. 49.

⁸ Купеческие дневники и мемуары... С. 150–206.

Другой представитель провинциального купечества И.И. Лапин (из города Опочка), личность весьма колоритная, успешно совмещал торговлю в лавке и музыкальные упражнения (игру на флейте и гитаре). Он сумел оценить встречу с А.С. Пушкиным на ярмарке в Святогорском монастыре: «Имел счастье видеть Александра Сергеевича Пушкина»⁹.

Сильные впечатления производят размышления вологодского купца А. Деньгина, призывающего к хозяйственному освоению Севера России. Прагматичный человек с явно государственным мышлением видит богатые возможности этого края¹⁰.

Данные примеры не просто показывают культурный облик русского купца. Они свидетельствуют о его гражданской позиции, о внутренней свободе, что проявлялось также и в личной жизни. Это отражает сущность и место купечества в культурно-историческом процессе.

---

⁹ Там же. С. 127.

¹⁰ Там же. С. 206–212.

Протоиерей Алексей Марченко

Настоятель Всехсвятского храма г. Перми,
первый проректор Пермской духовной семинарии,
заведующий кафедрой теологии
Пермского государственного национального исследовательского университета,
доктор исторических наук, кандидат богословия

ПЕРМСКАЯ ЕПАРХИЯ И ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1882–1914)

Об образовании Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) пермяки узнали 17 ноября 1882 года, когда «Пермские епархиальные ведомости» опубликовали отношение Председателя Православного Палестинского Общества великого князя Сергея Александровича на имя епархиального Преосвященного – епископа Пермского и Верхотурского Вассиана (Чудновского) (1876–1883).

Великий князь просил пермского владыку *«не отказать пастырским влиянием расположить к Обществу православных людей, которые проникнутся нуждами, страданиями и опасностями, претерпеваемыми Матерью-Церковью... Никогда Ваши посильные услуги не были так необходимы, как в настоящее время, в особенности Патриархии Иерусалимской, для защиты от иноверной пропаганды Православия там, откуда воссияло для нас Солнце Правды»*.

Одним из членов-учредителей Общества и уполномоченным по Пермской губернии стал Д.Д. Смышляев. В это время он уже оставил земскую деятельность и вел активную публицистическую работу на страницах епархиальной прессы. Ранее «Пермские епархиальные ведомости» публиковали труды Д.Д. Смышляева, посвященные Палестине.

В 1870-е годы увидели свет переводы Смышляева с французского книг С. Мунка «География Палестины», «Еврейские древности». Позднее отдельными изданиями в Перми вышли его произведения: «Синай и Палестина», «Путь к Синаю», «Мертвое море и нечестивый Пентаполь».

Свое сотрудничество с епархиальной газетой Д.Д. Смышляев продолжил и после учреждения ППО. В 1882 году вышла его статья «Религиозная пропаганда в Палестине», направленная на ознакомление жителей Пермской губернии не столько с историей Православия на Святой Земле, сколько с духовными, политическими и материальными проблемами Иерусалимского Патриархата и Русской Духовной Миссии в Палестине.

Одним из главных направлений деятельности Общества в пределах Пермской епархии стала организация паломнических поездок к святыням Православного Востока. С ноября 1883 года «Пермские епархиальные ведомости» стали регулярно печатать объявления о паломничествах в Иерусалим и во Святую Землю, организуемых ИППО.

Чтобы отправиться в паломничество, пермякам было необходимо купить у Д.Д. Смышляева паломническую книжку, действительную в течение года и дающую право пользоваться услугами Общества во время совершения путешествия.

Идею организации паломничества в Святую Землю поддержал известный пермский предприниматель, друг Д.Д. Смышляева – пароходчик И.И. Любимов. Пермские паломники, отправлявшиеся в Святую Землю, по ходатайству уполномоченного Д.Д. Смышляева получали от пароходной компании Любимова льготу. Билет для паломников из Перми на пароход до Нижнего Новгорода стоил вдвое дешевле обычного – 2 рубля 40 копеек. В целом паломническая поездка в Святую Землю при содействии ИППО обходилась жителям в 22 рубля. С момента учреждения ППО в Перми от благотворителей стали приниматься денежные и вещевые пожертвования на поддержание Православия в Святой Земле и на помощь православным паломникам.

В 1886 году великий князь Сергей Александрович добился разрешения Святейшего Синода на проведение в епархиях специального денежного сбора в пользу ИППО. Сбор средств, получивший название Вербный, должен был проходить ежегодно во всех храмах в праздник

Входа Господня в Иерусалим. Чтобы сбор пожертвований на укрепление Православия в Палестине проходил успешно, Сергей Александрович лично обратился к епархиальному архиерею епископу Пермскому и Соликамскому Ефрему (Рязанову) (1883–1888) с просьбой оказать содействие в этом благом начинании.

Чтобы избежать нежелательного напряжения отношений ИППО с Пермской епархией и приходами, организаторы сбора предложили десятую часть собранных денег оставлять в собственности местных приходских попечительств. Собранная сумма пожертвований должна была доставляться в ППО через Пермскую духовную консисторию.

О том, что народ Прикамья с воодушевлением откликался на призыв архипастырей оказать посильную помощь на нужды Православной Палестины, говорят следующие факты. В период с 1888 по 1897 годы совет ИППО, во главе с августейшим Председателем по результатам Вербного сбора неоднократно выражал пермским преосвященным Ефрему (Рязанову), Владимиру (Никольскому) (1888–1892) и Петру (Лосеву) (1892–1902) свою искреннюю благодарность за постоянное увеличение сумм, собираемых в Пермской епархии.

С отъездом Д.Д. Смышляева в Святую Землю, где он трудился с 1885 по 1889 годы в качестве уполномоченного Палестинского Общества в Иерусалиме, деятельность Общества в Пермской губернии и его контакты с Пермской епархией в значительной степени ослабли. Тем не менее, они не сводились лишь к проведению Вербного сбора. За этот период на страницах «Пермских епархиальных ведомостей» продолжали появляться новые замечательные публикации Д.Д. Смышляева о Святой Земле. Так, в 1886 году епархиальная газета опубликовала его «Письма с Востока».

После возвращения Д.Д. Смышляева на Родину деятельность ИППО в Перми вновь активизировалась. В 1890 году «Пермские епархиальные ведомости» начали публикацию последней работы Смышляева о Палестине «Воспоминания о Востоке».

В это время в Перми стали продаваться научные издания ИППО. В книжной лавке Иосифа и Ольги Пеотровских можно было приобрести книги исследователей Православного Востока: В.Н. Хитрово, архимандрита Антонина (Капустина), архимандрита Леонида (Кавелина),

И.В. Помяловского, протоиерея В.Я. Михайловского и других авторов, – изданных на страницах «Православного Палестинского сборника» и отдельными книгами. Особое место в ассортименте занимали сочинения паломников в Святую Землю. Любознательный пермяк мог прочесть «Житие и хождение Даниила, Русской земли игумена» (XII век), «Хождение Игнатия Смолянина» (XIV век), «Странствование Василия Григоровича Барского» (XVII век). Интерес образованной части жителей уральского города вызвали сведения об археологических раскопках, проводимых ИППО в Иерусалиме близ храма Гроба Господня, а также план города Иерусалима.

2 марта 1885 года высочайше утвержденным дополнением к уставу Палестинскому Обществу было предоставлено право по мере необходимости открывать в городах Российской империи свои отделения. В период с 1885 по 1887 годы отделения Общества открылись в 20 губернских городах. Однако в Перми отделение не открыли по причине отсутствия в губернии Смышляева, пребывавшего до 1889 года в Палестине.

В 1890 году Д.Д. Смышляев и его помощник А.А. Маллеев объявили об открытом приеме в члены Общества. Желавшие вступить в члены-сотрудники Общества были обязаны внести единовременный взнос 200 рублей или вносить по 10 рублей ежегодно. Внесшие не менее 5000 рублей избирались в почетные члены. За крупные единовременные пожертвования членам Общества вручался высочайше утвержденный золотой или серебряный знак для ношения на шее.

Подготовка к открытию в Перми отделения ИППО велась Смышляевым в течение трех последних лет его жизни. Однако начатое дело легендарному уполномоченному довести до конца не удалось. В ночь с 14 на 15 ноября 1893 года он скончался. Его деятельность в Пермской губернии продолжили уполномоченные Общества пермские граждане А.П. Кропачев и А.А. Маллеев.

Благодаря сохранившимся архивным документам сегодня очевидно, что инициатива Д.Д. Смышляева открыть в Перми отделение Палестинского Общества не находила поддержки со стороны Пермской епархии. Занимавший Пермскую кафедру преосвященный Петр (Лосев) считал ее для себя и своей паствы слишком обременительной.

Видимо, отношения епархиального архиерея и Д.Д. Смышляева были довольно натянутыми.

По воспоминаниям современников, епископ Петр отличался любовью к духовенству, простому народу и крайней неприязнью к интеллигенции. Он часто громил ее в своих проповедях, называл ее «пустоцветной». Занимая строго церковную позицию, он резко расходился во взглядах с образованным Обществом. Владыка Петр не признавал театр, высказывался против народных увеселений, запретил служить всенародную панихиду по А.С. Пушкину на площади в день 100-летия со дня его рождения. Епископ Петр обладал прямым и открытым характером, свои суждения иногда высказывал очень резко. В результате владыка нажил себе в Перми множество врагов.

О существовавших проблемах в их взаимоотношениях говорит еще один факт – за четыре дня до смерти Смышляева великий князь Сергей Александрович был вынужден лично вмешаться в ход дела и поднять перед епархиальным начальством вопрос об открытии в Перми отделения Палестинского Общества. Возможно, что именно неприятности в отношениях с епархией могли стать причиной постоянного угнетенного состояния Смышляева в последние месяцы жизни и косвенно повлиять на резкое ухудшение состояния его здоровья. Известно, что Смышляев скончался от паралича сердца – инфаркта.

Из письма епископа Петра к великому князю Сергию Александровичу видно, что открытие в Перми отделения ИППО преосвященный не желал по материальным соображениям. Владыка Петр писал: «...При бедности населения Пермской епархии доходы Палестинского Общества едва ли увеличатся. Между тем они тяжелым бременем отозвались бы на скудных материальных достатках Братства Святителя Стефана, епископа Великопермского, Православного миссионерского общества и других епархиальных учреждений, которые существуют исключительно только на добровольные приношения православных христиан».

Аргументируя свои опасения, архипастырь жаловался великому князю на сложную этническую и религиозную обстановку в епархии: «... В Пермской епархии при почти 1 500 000 населении истинно христианское образование так мало распространено, что даже в самом городе Перми

треть жителей чужда грамотности... Епархия на всем протяжении наполнена инородцами – магометянами и язычниками... В северной части епархии – инородцы-пермяки, количество которых доходит до нескольких десятков тысяч. Они хотя и принадлежат к Святой Церкви, но умственное и нравственно-религиозное развитие их при недостаточности в крае святых храмов находится на самом низком уровне... Вся эта масса населения требует от епархиального начальства непрерывного попечения, но и для сего не имеется сколько-нибудь достаточных средств.

Нужды и потребности пермской паствы велики и, не останавливаясь, растут. А между тем поступление денежных средств в кассы существующих для удовлетворения этих нужд благотворительных учреждений, при всех стараниях начальства, не увеличивается, если не уменьшается, так как чем дальше, тем больше и больше христианская благотворительность должна дробиться между прежними и вновь возникающими в городах и селах такими учреждениями... Осмеливаюсь повергнуть Вашему Императорскому Высочеству мою всепочтительнейшую просьбу – не окажется ли возможным освободить меня по указанным причинам от учреждения в Перми отделения Православного Палестинского Общества».

Августейший Председатель Общества великий князь Сергей Александрович со свойственной ему деликатностью выразил благодарность пермскому архипастырю за сообщенные им соображения относительно деятельности Общества, которыми, как было сказано в ответном письме, он непременно воспользуется.

Вскоре настойчивость великого князя побудила пермское епархиальное начальство всерьез озаботиться открытием отделения Общества в Перми. От имени Пермского епископа были разосланы особые приглашения губернатору, представителям губернских, правительственных, городских и земских учреждений, а также разным почетным лицам. Однако Пермское отделение так и не открыли. Пермская епархия, как могла, оттягивала процедуру учреждения отделения, официально мотивируя задержку недостаточностью принятых членов.

Тогда великий князь Сергей Александрович был вынужден прибегнуть к очередному дипломатическому ходу. 27 ноября 1896 года преосвященный Петр неожиданно получил от Его Высочества рескрипт

о пожаловании ему звания почетного члена ИППО с выражением *искренней благодарности за труды по открытию в г. Перми отдела Общества*. Но даже такая мера не сразу возымела свое действие. Только почти через год, осенью 1897 года, в совет ИППО было послано ходатайство Его Преосвященства, в котором архипастырь уведомил о своем полном согласии на открытие в Перми его отделения под своим председательством.

К этому времени число членов Палестинского Общества в Пермской епархии уже выросло до 90 человек. Среди них было 55 представителей духовенства и 35 светских особ, в том числе 19 купцов, 12 крестьян, 4 мещанина. 6 апреля 1897 года, в праздник Входа Господня в Иерусалим, отделение ИППО в Перми было торжественно открыто.

К сожалению, дальнейшая деятельность Пермского отделения Палестинского Общества не представляла выдающегося явления. Созданное под давлением государственной власти и не имея в своих рядах подобной Д.Д. Смышляеву масштабной личности, Общество преимущественно занималось сбором добровольных пожертвований.

Во многом этому способствовал новый пермский архипастырь преосвященный Иоанн (Алексеев) (1902–1904). По сложившейся традиции, после назначения на кафедру епископ Иоанн возглавил Пермское отделение ИППО. Деятельный человек, он активно содействовал сбору средств, организуемых в храмах епархии, за что неоднократно получал благодарность великого князя Сергея Александровича.

В период председательства епископа Пермского и Соликамского Иоанна существенно, почти вдвое, уменьшился состав членов Пермского отделения ИППО. К 1 января 1905 года их насчитывалось всего 44 человека. Это свидетельствовало о падении интереса к деятельности Общества, что объективно связано с общественным кризисом в губернии накануне первой русской революции 1905–1907 годов.

В 1903–1904 годах в отделении числились такие известные лица, как исполняющий дела пермского губернатора статский советник А.П. Наумов (товарищ председателя отделения), ключарь кафедрального собора протоиерей А. Будрин (казначей отделения), протоиерей Е. Кудрявцев (кандидат казначея отделения) и титулярный советник Н.Н. Кузнецов (делопроизводитель отделения).

С великой скорбью в Перми встретили сообщение о гибели 4 февраля 1905 года в стенах Московского Кремля основателя и Председателя ИППО великого князя Сергея Александровича. По стечению обстоятельств, трагическая смерть великого князя совпала с кончиной в Перми почетного члена Палестинского Общества преосвященного Иоанна (Алексеева). Его место на Пермской кафедре занял епископ Пермский и Соликамский Никанор (Надежин) (1905–1908).

Принявшая на свои плечи попечение о Палестинском Обществе великая княгиня Елизавета Федоровна 8 марта 1905 года обратилась к преосвященному Никанору с приветствием: *«Я обращаюсь к Вам, Преосвященнейший Владыко. как к почетному члену Общества... Я уверена, что под Вашим опытным руководством Пермский отдел, в последние годы не имевший возможности, в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств, успешно действовать... не преминет во имя высокой цели Общества развить свою деятельность. Испрашивая Вашего благословения и поручая Себя и вверенное Мне Палестинское Общество святительским молитвам Вашим, остаюсь искренно к Вам расположенная Елисавета».*

В период управления Пермской епархией и Пермским отделением Палестинского Общества преосвященным Никанором его деятельность несколько оживилась. На страницах «Пермских епархиальных ведомостей» вновь появились весьма интересные публикации, посвященные Палестине: о деятельности начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина; по случаю десятилетия со дня его кончины; подробное описание чуда схождения в Иерусалиме Благодатного огня.

По благословиению преосвященного Никанора в Перми ежегодно проводилась подписка на печатное научное иллюстрированное издание «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества» (стоимость подписки – 3 рубля).

Преосвященный Никанор вполне оправдывал надежды августейшей Председательницы Общества. При этом архипастыре в Перми прошли торжества по случаю 25-летнего юбилея ИППО и 10-летия образования его Пермского отделения. 21 мая 1908 года в часовне во имя святого Стефана, епископа Пермского, причтом кафедрального собора города

Перми была совершена торжественная панихида по скончавшимся деятелям и членам Общества. На следующий день в кафедральном соборе епископом Никанором была совершена Божественная литургия, по окончании которой прошел крестный ход к часовне во имя святого Стефана Пермского. Он завершился благодарственным молебном с участием всего пермского духовенства во главе с архипастырем.

Вечером того же дня в братском зале часовни во имя святого Стефана под председательством преосвященного Никанора состоялся торжественный акт, на котором присутствовало пермское духовенство и многочисленные гости.

Существует чрезвычайно мало сведений о деятельности Пермского отделения ИППО в период управления Пермской епархией преосвященного Палладия (Добронравова) (1909–1914). Известно, что при этом архипастыре деятельная инициатива Пермского отделения Палестинского Общества полностью перешла к преподавателям Пермской Духовной семинарии. По их инициативе в зале Пермской Мариинской женской гимназии стали проводиться платные благотворительные «Палестинские вечера» в пользу Общества. Несмотря на то что вечера организовывались с ведома епархиальной власти, сам архипастырь в них участия не принимал. Обычно «Палестинский вечер» начинался концертом духовных песнопений, в котором выступали лучшие церковные хоры епархии. Помимо церковных песнопений, духовную часть вечеров составляли чтение стихов на религиозные темы и выступления преподавателей семинарии. Обычно программа вечера состояла из 24 номеров. Цены были доступными – от 35 копеек до 3 рублей.

Задавшись целью привлечь на вечера разнообразную публику – как по вкусам, так и по убеждениям, – устроители придавали им все более светский характер. В них участвовали военный оркестр духовой музыки пермского Троице-Сергиевского полка, исполнители сольных классических номеров и инструментальной музыки. Музыканты исполняли произведения на патриотические темы, звучала музыка Бетховена, Гайдна и других композиторов.

Таким образом, отношения ИППО с Пермской епархией в период с 1882 по 1914 годы носили неоднозначный характер. Наиболее плодотворным и вместе с тем противоречивым и сложным необходимо

назвать время, когда обязанности уполномоченного Палестинского Общества в Пермской губернии исполнял Д.Д. Смышляев (1882–1893). Благодаря его научному и литературному таланту успешно складывались отношения Общества с епархиальным печатным органом – газетой «Пермские епархиальные ведомости». Однако это не разрешало сложившейся коллизии с епархиальным архиереем преосвященным Петром (Лосевым), препятствовавшим развитию деятельности Общества в Пермской епархии.

После открытия в 1897 году Пермского отделения ИППО его деятельность полностью зависела от инициативы пермских архипастырей – глав отделения. В период с 1898 по 1914 годы деятельность Общества в основном сводилась к уже наработанным формам: сбор пожертвований, распространение издаваемой научной и духовной литературы, информированию о своей работе на страницах епархиальной печати, а также проведение немногочисленных благотворительных мероприятий культурного и просветительского направления.

Благодаря посильной помощи Пермских преосвященных, епархиальных учебных заведений, прежде всего Пермской Духовной семинарии, газеты «Пермские епархиальные ведомости» и духовенства Пермской епархии, составлявшего большинство членов Пермского отделения, ИППО сумело привлечь к себе внимание широкой общественности Пермской губернии и с успехом выполняло поставленные перед ним задачи.

Баяндина Нина Петровна

Начальник Управления по связям с общественностью
и средствам массовой информации
Законодательного собрания Пермского края,
кандидат исторических наук

КУПЕЧЕСКИЕ ТОРГОВЫЕ ДОМА ПЕРМИ

После отмены крепостного права на Урале рождались и активно развивались новые отрасли промышленности, такие как химическая, бумажная, суконная, пароходостроение; быстрыми темпами стала развиваться и местная перерабатывающая промышленность: кожевенная, салотопенная, мыловаренная, винокуренная и другие. Именно в этих направлениях деятельности смогли реализовать свой предпринимательский потенциал представители купеческого сословия.

Накануне реформы 1861 года количество предприятий негорнозаводской промышленности Урала являлось незначительным, их можно было лишь условно назвать фабриками и заводами. На них безраздельно господствовал ручной труд, не применялись механические двигатели, даже конный привод представлял собой редкое явление. Каковы же были условия возникновения купеческих предприятий? По закону правом учреждать фабрично-заводские предприятия пользовались лица, состоявшие в гильдиях и имевшие торговые гильдейские свидетельства. Над заведением устанавливался контроль фабричной инспекции, которая налагала штрафы за нарушение «Устава о промышленности».

Взаимоотношения уральских горнозаводчиков и владельцев перерабатывающих (чаще всего купеческих) предприятий отличал ряд особенностей. Владельцы горных заводов, опасаясь появления новых металлообрабатывающих предприятий и усиления конкуренции, использовали юридические и экономические привилегии для ограждения собственных интересов. Закон 1806 года об «огнедействующих заведениях» (ст. 394 «Горного Устава») ограничивал свободу конкуренции и препятствовал появлению мелких перерабатывающих заводов. Он также тормозил развитие наиболее перспективных на Урале отраслей промышленности, связанных со спецификой природных богатств края.

Разрешение на открытие промышленных объектов выдавали губернские власти, от которых требовалось лишь ставить о том в известность министра финансов. Если такое разрешение было получено и завод начинал работать, он подпадал под промысловый, земский, городской и ряд других местных налогов, обременительных для мелкого и среднего предпринимателя. Местные власти руководствовались многими разрозненными указаниями, часто применяя их по своему усмотрению.

При стремлении ограничить число конкурентов горнозаводчики, с другой стороны, не могли обойтись без предприятий перерабатывающего профиля – канатного, лесопильного и ряда других. На своем совещании при Уральском горном управлении в 1896 году они отмечали, что возникновение мелких промышленных заведений должно приветствоваться, тогда как «...предприятия, не носящие кустарного характера и не имеющие никаких общих интересов с заводами, не должны пользоваться их поддержкой». Например, купцу П.П. Калинин у разрешили открыть гвоздарную фабрику в Перми, но при условии, что он не будет использовать механический двигатель. Предпринимателям приходилось приспосабливаться к существовавшим тогда условиям, которые являлись сдерживающим фактором появления и развития новых предприятий.

После реформирования хозяйства России во второй половине XIX века развитие капиталистических отношений значительно ускорилось. По сравнению с 1860 годом к началу 1900-х число фабрик на Урале увеличилось в 4,7 раза, количество занятых на них рабочих – в 4,3 раза, а объем производства возрос в 27,8 раза. Общая тенденция капиталистического развития, охватившая в пореформенный пери-

од фабрично-заводскую промышленность Урала, оказалась сильнее законов горнозаводчиков. В 80-е годы XIX века ввели послабления в законодательной сфере, действие закона об «огнедействующих заведениях» ограничились предприятиями, использовавшими дрова и уголь. Благодаря этому именно тогда на Урале открылись многочисленные купеческие фабрики и заводы, на которых использовался наемный труд. Некоторые из этих предприятий стали первыми в России по направлению своей деятельности: фосфорный завод Е.К. Тупицына в Перми, содовый завод И.И. Любимова в Березниках.

Многие из этих предприятий оснастили паровыми машинами, внедрение которых, наряду с другими условиями, создало широкие возможности для роста фабрично-заводского производства в пореформенный период.

Для строительства крупных предприятий требовались значительные первоначальные капиталы. На Урале основные капиталы вкладывались в горнозаводское производство, определяющее в экономике края. Перерабатывающая промышленность имела второстепенное значение и не привлекала к себе внимания ни крупных фабрикантов, ни государственной власти, ни иностранных предпринимателей. Зато она заинтересовала купечество, которое, накопив первоначальный капитал на торгово-посреднических операциях, пыталось расширить рамки своей деятельности, искало новые сферы приложения сил, энергии, инициативы. Главный недостаток заключался в том, что открытие и расширение промышленных купеческих заведений сопровождалось немалой волокитой и было сопряжено с излишними расходами. Владельцы средних и мелких предприятий не могли пользоваться крупными кредитами банков, что в свою очередь сужало базу для развития фабрично-заводского производства Урала. Экономическая политика царского правительства была направлена на поддержку финансовых и промышленных магнатов, а фабрично-заводское производство выпадало из сферы внимания правительства. Купечество могло опираться только на собственные средства или находить компаньонов для ведения общего дела.

К началу XX века торговые дома, концентрируя капиталы, стали играть главенствующую роль в развитии фабрично-заводского предпринимательства Урала. В целом в городах Урала к началу XX века

совокупный оборот торговых предприятий превосходил обороты промышленных в 4,6 раза. Подобное преобладание являлось характерным для всей России. Скопив значительные капиталы в торговле, купечество активно вкладывало их в покупку и развитие фабрично-заводских объектов, в золотопромышленность, лесоторговлю, скупку земельных участков и так далее. Многие крупные купцы переходили от торговли к промышленной деятельности, становились владельцами фабрик, заводов, транспортных фирм, создавая крупные товарищества.

Предпринимательство уральского купечества представляло собой неоднородное явление: оно касалось сферы переработки, организации фабрично-заводского производства, финансовых и кредитных структур, но в наибольшей степени – торговли и развития транспортных услуг. Природно-климатический и географический факторы влияли на потоки капитала: удаленность, отсутствие хороших дорог требовали развития транспортной сети, что предопределило приоритетное развитие сферы транспортных услуг и вложение сюда купеческих капиталов.

Во второй половине XIX века на Урале не произошло еще полного отделения торгового капитала от промышленного; предпринимательство носило комплексный характер. Важнейшей характеристикой являлась широкая диверсификация капиталов, то есть купцы вкладывали их одновременно в различные отрасли хозяйства края. С одной стороны, они стремились застраховать себя от непредвиденных случайностей и компенсировать убытки на одном предприятии прибылями на другом; с другой стороны, промышленное производство носило зачастую характер вспомогательного дела при основном – торговле. Вкладывая свои капиталы в различные отрасли хозяйства края, купцы не покидали сферу торговли. Пополнение отряда промышленников происходило из числа крупных торговцев, которые только расширяли сферу своей предпринимательской деятельности. Среди структурных форм организации капитала наблюдалось многообразие, но преобладающими были полные товарищества, зачастую основанные на семейном начале.

Купеческое сословие Пермской губернии отличалось промышленным уклоном предпринимательской деятельности, масштабностью торговых связей, широким спектром приложения капитала. Этому

способствовал ряд обстоятельств: наличие в Пермском крае множества крупнейших горнозаводских и машиностроительных предприятий, лучшее состояние транспортных сообщений, близость Ирбитского торжища. Ярмарки Пермской губернии отличались широким ассортиментом предлагаемых товаров, длительностью проведения, а торговые обороты значительно превосходили обороты ярмарок других уральских губерний. Купечество активнее вкладывало капиталы в производственную сферу, добывающую и химическую промышленность, а также в развитие транспортных услуг.

В пореформенный период развитие купеческого предпринимательства в сфере фабрично-заводской промышленности шло быстрыми темпами. На Урале отмечается рост предприятий негорнозаводской промышленности, в которую более всего вкладывались купеческие капиталы, в основном в перерабатывающие отрасли: винокуренную, салотопенную, мукомольную, кожевенную, скорняжную, – что свидетельствовало о возросшей товарности сельского хозяйства. Появились и новые отрасли производства – фосфорная, содовая, бумажная. Развивалась и лесопромышленность. Хотя фабрики и заводы развивались неравномерно и были подвержены спадам производства, основная тенденция выразилась в постоянном росте числа рабочих, увеличении стоимости валовой продукции, специализации производства.

Большинство частновладельческих предприятий имело капиталистический характер, то есть на них применялся наемный труд, присутствовали все формы промышленности – от рассеянной мануфактуры до крупных, оснащенных паровыми двигателями заводов и фабрик. Классическим примером может служить кожевенная промышленность Пермской губернии. С развитием капитализма на Урале происходил характерный и для других регионов России процесс перерастания промышленных предприятий из мануфактур в фабрики. Хотя основной формой организации капитала в промышленности являлась все еще мануфактура, где промышленный капитал находился в тесной связи с торговлей, в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности: винокурении, мукомольной, а также в химической отрасли и паростроении – промышленный переворот был в основном завершен. В этих отраслях он, как правило, сопровождался увеличением концен-

трации средств производства, укрупнением отдельных предприятий, совершенствованием технологических процессов. В некоторых отраслях: спичечной, солеваренной, содовой, транспортной сфере – тогда возникли ранние монополистические союзы.

Характеризуя развитие купеческого промышленного предпринимательства на Урале, нужно отметить, что купеческие капиталы активно вкладывались в отрасли, где быстрее окупались затраты и прибыль являлась наиболее высокой. Наряду с этим происходил своего рода эксперимент, когда предприниматели рисковали и вкладывали средства в новые отрасли, не будучи застрахованными от неудач и банкротства.

Нужно отметить, что по городам и уездам развитие предпринимательства шло неравномерно. Используя материалы официальной статистики, можно выделить основные направления предпринимательской деятельности купцов в Пермской губернии, в которых они проявили себя в пореформенный период наиболее активно. Это – речное пароходство и судостроение, фосфорная, спичечная, химическая, солеваренная, кожевенная, лесная, мукомольная отрасли.

Согласно переписи 1897 года, купечество в Пермской губернии составляло 0,15 процента населения.

Пароходостроение и развитие грузовых перевозок способствовали возникновению и развитию в Уральском регионе крупных транспортных фирм, принадлежавших купечеству, особенно на территории Пермской губернии. Здесь сложились ранние товарищества, монополизировавшие пассажирские и грузовые перевозки по судоходным рекам Урала.

Благоприятное географическое местоположение Пермской губернии на границе Европы и Азии, прохождение через нее традиционных путей в среднеазиатские земли, к портам Белого моря, близость одной из крупнейших ярмарок России в Ирбите превратили губернский город Пермь в центр всероссийского товарообмена. Решающую роль в хозяйственном освоении Пермского края сыграла река Кама. Многие занятия жителей, а затем целые отрасли местного хозяйства были напрямую связаны с ней. Технический переворот, произошедший в судоходстве в середине прошлого века, вызвал быстрый рост грузоперевозок по

Каме, и значение водного пути в торговом обмене между Центральной Россией и Сибирью стало еще больше.

Одной из замечательных страниц русской истории является благотворительная деятельность, имевшая богатые и давние традиции. По масштабам пожертвований купцам не было равных. Безусловно, наибольшим размахом отличалось первогильдейское купечество, в первую очередь следует отметить братьев Каменских, семью Любимовых, Кропачева, Мешкова, Базановых. Братья Каменские, как и другие пермские купцы, выделяли средства на храмы и монастыри, богадельни и приюты. Начинания Каменских по созданию Успенского монастыря поддержало пермское купечество. Например П.Ф. Камчатов пожертвовал 1000 рублей на общину, Д.Е. Шибанов – 1000 рублей на колокол в Успенский храм, А.Д. Ждахин – усадебное место в соседстве с монастырем, Н.Р. Хватова – деньги на Евангелие, кресты и прочую утварь. Кроме того, Каменские возвели монастырскую больницу, флигеля для печения просфор и выделки восковых свечей, различные хозяйственные постройки, двухэтажный трапезный корпус.

К началу XX века благотворительная деятельность активизировалась. На средства купеческого капитала финансировалось губернское попечительство детских приютов, общества Красного Креста, ведомства императрицы Марии и некоторые духовные учреждения.

В ряду благотворительных акций второгильдейского купечества отчетливо прослеживается традиция попечения института церковных старост. Каждый приход городских храмов избирал на три года старосту, который был обязан заботиться о материальном благополучии храма. Старостами становились в основном купцы. На этом поприще выделяется многолетнее подвижничество К.А. Сорокина, старосты Воскресенского храма П.С. Досманова, строителя и старосты тюремного храма П.Е. Шавкунова, старосты Новокладбищенского храма И.И. Романова. За многолетнюю поддержку Троицкого единоверческого храма И.Г. Марьин был награжден орденами Святого Станислава и Святой Анны.

Благотворительность поощрялась государственной властью. Как правило, этот род деятельности открывал купечеству единственную возможность получить почетные звания, чины и ордена. Так, чин кол-

лежского регистратора давал право на присвоение личного почетного гражданства. С конца XIX века предприниматели могли заслужить высокие чины, поэтому делали взносы в фонды различных обществ. Многие пермские купцы имели не только наградные шейные медали, но и ордена.

БАЗАНОВ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ
(1834–1895)

Пермский купец 1-й гильдии Николай Дмитриевич Базанов происходил из известного купеческого рода. Его дядя Иван Иванович являлся, среди прочих, основателем Ленских золотых приисков, другой дядя, Фома Иванович, также был купцом 1-й гильдии. Отец Дмитрий Иванович занимался мануфактурной торговлей в гостинном дворе.

В 1863 году Н.Д. Базанов купил у Д.Д. Смышляева канатно-прядельную фабрику. Новый хозяин продолжил производство веревок, буксирных канатов, весьма необходимых в пароходстве, и удешевил себестоимость товара. С этой целью он заменил конную тягу на паровую; трепку пеньки стали производить особыми станками, приводимыми в движение механической силой. Кроме того, Базанов организовал производство шпагата, тонкой бечевы и других более дорогих сортов канатных изделий. Его бечева по твердости и чистоте плетения, тонкости и ровности пряжи нисколько не уступала финской, так ценившейся в прошлом веке. Производство шнура и тонких сортов бечевы было более трудоемким ведь требовалось тщательнее трепать и расчесывать пеньку, – но дело приносило высокую прибыль. Пуд высших сортов бечевы стоил 18–23 рубля, а пуд сырого материала – 3 рубля. Канатная фабрика Базанова производила до 9 тысяч пудов канатов в год на сумму 45 тысяч рублей.

После открытия в городе Пермского отделения Волжско-Камского коммерческого банка Николай Дмитриевич стал его первым управляющим.

Н.Д. Базанов принимал деятельное участие в жизни города: был гласным уездного и губернского земских собраний, гласным городской думы. Известна его деятельность в учетных комитетах Государствен-

ного банка, пермского общественного Марьинского банка, за которую он был награжден золотыми медалями на Станиславской, Аннинской и Владимирской лентах. Состоял он и членом попечительских советов Мариинской женской гимназии, Алексеевского реального училища. Здание Екатерино-Петровского училища, в котором ныне располагается Пермское музыкальное училище, построено на средства семьи Базановых, завещанные городу.

ЖИРНОВ ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ

(1853 – после 1917)

Пермский купец, потомственный почетный гражданин, коммерции советник Павел Степанович Жирнов происходил из крестьянской семьи и получил домашнее образование. Благодаря природной сметливости и предприимчивости он стал одним из самых состоятельных купцов Перми, занимаясь торговлей лесными материалами и пароходством. С 1872 года он в качестве подрядчика вел промышленные заготовки леса в Вятской, Пермской, Новгородской, Костромской губерниях, а затем постепенно покупал лесные дачи в этих местах. Земельные и лесные угодья П.С. Жирнова в различных губерниях России оценивались в несколько миллионов рублей и достигали 75 тысяч десятин. Только в Осинском уезде Пермской губернии его собственность составляла более 20 тысяч десятин земли. Продолжительный опыт и обширные знания, приобретенные при ведении лесопромышленного дела, позволили Жирнову вести оптовую торговлю лесом во многих городах – Перми, Вятке, Казани, Царицыне, Астрахани и других.

Последняя четверть прошлого века ознаменовалась в России бурным строительством железных дорог. Это обстоятельство вызвало растущий спрос на промышленную древесину. Кроме того, из года в год увеличивалась экспортная продажа леса. К началу XX столетия железные дороги соединили Уральский край и северные порты – Петербург и Архангельск, что дало возможность пермским купцам заниматься продажей леса за границу без посредников. В 1901 году открылась пермская биржа, где основные сделки заключались именно по торговле лесом. П.С. Жирнов слыл прекрасным знатоком лесопромышленного дела.

Пользовавшийся всеобщим уважением, Павел Степанович был избран председателем биржевого комитета. Он также участвовал в работе комитетов по торгово-промышленным кредитам пермских отделений различных банков: Государственного, Волжско-Камского коммерческого, общественного Марьинского. Он также являлся председателем совета Пермского общества взаимного кредита, а с момента открытия в 1914 году Пермского Купеческого банка стал его председателем.

По традиции, существовавшей среди купечества в то время, успешное ведение дел сопровождалось щедрой благотворительностью, чаще всего направленной на нужды Церкви и образования. П.С. Жирнов в начале своей деятельности стал попечителем нескольких училищ Осинского уезда, а затем первого Пермского городского четырехклассного училища, женской семинарии, училища для слепых детей. За это он был награжден серебряной медалью на Владимирской ленте, золотым знаком ведомства императрицы Марии.

Вместе с братом Дмитрием Павел Степанович в течение многих лет содействовал материальному благополучию Белогорского монастыря. Вначале на пожертвованном ими земельном участке построили Серафимовский скит. В 1904 году Павел Степанович передал монастырю более 154 десятин земли. За различные пожертвования по духовному ведомству, особенно за активное содействие и помощь при строительстве соборного храма Белогорского монастыря, П.С. Жирнова наградили серебряной медалью на Станиславской ленте, орденом Святой Анны 3-й степени. Павел Степанович являлся также действительным членом Уральского общества любителей естествознания.

КАМЕНСКИЕ

ФЕДОР КОЗЬМИЧ (1802–1883)

ГРИГОРИЙ КОЗЬМИЧ (1814–1893)

Известными представителями купеческого сословия XIX века в Перми были братья Федор и Григорий Козьмичи Каменские. Династия Каменских прошла путь от крепостной зависимости до создания крупнейшего в России товарищества, объединившего множество предприятий различного профиля. Кроме того, Каменские являлись

самыми крупными благотворителями Перми. На личные пожертвования они построили Успенский монастырь, представлявший целый комплекс церковных и жилых зданий для нужд женской общины, и это не единственный пример их щедрой благотворительности.

Братья Каменские родились в деревне Данилиха, недалеко от Перми, в семье крепостных крестьян князя Голицына. Не получив никакого образования, они своим трудом нажили капитал, достигший нескольких миллионов рублей. В 1830-е годы в свободное от барщины время братья занялись извозным промыслом, представлявшим собой одно из прибыльных занятий для населения губернии. Например, за доставку товаров из Нижнего Новгорода на Ирбитскую ярмарку плата составляла полтора рубля с пуда. Из-за отсутствия железнодорожного транспорта и пароходства конные перевозки были единственным средством доставки купеческих товаров, поэтому дело братьев Каменских процветало. Нажив капитал, братья откупились на волю и вплотную занялись организацией перевозок, непрерывно расширяя их. Пути, обслуживаемые их обозами, пролегали от Москвы до китайской границы почти на шесть тысяч верст. Такое расстояние конные обозы с извозчиками, идущими обычно пешком, преодолевали не менее чем за пять месяцев. Особые трудности возникали в период длительных весенних и осенних распутиц и разлива рек. Крестьяне отказывались от сквозных перевозок, которые в оба конца затягивались на целый год. Поэтому Каменские строили перевалочные базы, нанимали сменных извозчиков, ставили на всем пути своих постоянных доверенных.

Переворот, произведенный в транспортировке грузов с развитием пароходства, послужил причиной постепенного сокращения извозного промысла, но в то же время обусловил коммерческий успех нового предприятия братьев Каменских – перевозки грузов водным путем. В 1859 году буксирный пароход Каменских «Работник» принес в первую навигацию значительную прибыль. Часть доходов братья направили на развитие дела и строительство новых пароходов, а часть обратили в благотворительные пожертвования, установив своеобразную традицию таким образом отмечать коммерческий успех предприятий. Они перестроили собственный дом на Пермской улице

и подарили его первому в Перми женскому Мариинскому училищу (открыто в 1860 году), впоследствии преобразованному в Мариинскую гимназию. До конца жизни братья Каменские являлись попечителями этой гимназии. В 1860 году в память 25-летия служения архиепископа Пермского и Верхотурского Неофита братья Каменские поставили богато украшенную Иверскую икону Богоматери в архиерейский дом.

В 1862 году Каменские имели уже два буксирных парохода. На этот раз после успешной навигации они пожертвовали восемь тысяч рублей на строительство Воскресенского храма, воздвигнутого в честь освобождения крестьян от крепостной неволи.

С течением времени доля водных путей в общем грузообороте быстро возрастала. Кроме того, на Каме начали действовать несколько пароходных компаний, которые помимо транспортировки грузов занялись пассажирскими перевозками. В 1865 году после нескольких лет успешной работы на грузоперевозках по Каме Каменские открыли свое пассажирское пароходство. На камском берегу в Перми были построены деревянные пристани, складские помещения и амбары. Отсюда до Нижнего Новгорода с пассажирами, товарами, другими различными грузами отправлялись пароходы братьев Каменских «Иоанн», «Михаил», «Александр», «Василий». В те годы братья на свои деньги построили храм во имя святителя Николая Чудотворца при пересыльном замке (ныне Пермский областной кукольный театр).

Пароходство и грузоперевозки братьев Каменских приносили большую прибыль, что давало возможность расширять дело. В 1871 году был зарегистрирован торговый дом «Товарищество пароходства и транспортирования грузов Ф. и Г. Братья Каменские», главной деятельностью которого являлась перевозка грузов по Российской империи, преимущественно водным путем. Для упрочения позиций фирмы на рынке предлагаемых услуг к 1874 году на берегу Камы построили и запустили литейно-механический завод, где кроме выделки железа производили постройку и ремонт речных судов. Постепенно производство на заводе расширялось, и часть прибыли от него регулярно шла на благотворительные цели. Именно Каменские подарили большой (250 пудов) колокол скиту Афонского монастыря, внесли пожертвования в Иерусалиме, духовной миссии в Японии. Братья

также восстановили храм на своей родине, в селе Верхние Муллы, пожертвовали иконостас в домовый Кирилло-Мефодиевский храм при духовном училище. Однако венцом их благотворительности явился открытый в 1882 году Успенский женский монастырь, который по праву считался лучшим во всей Пермской епархии. Первоначально братья внесли деньги на строительство деревянного храма в честь Казанской иконы Божией Матери, а затем рядом с этим храмом задумали построить для нужд женской общины несколько зданий, впоследствии преобразованных в монастырское хозяйство. Каменские пожертвовали 50 тысяч рублей первоначального капитала для основания монастыря, а затем всецело приняли на себя сооружение каменного храма в честь Успения Божией Матери с тремя приделами, который освятили в 1878 году (в 1930-е годы храм был разрушен).

Купцы Каменские также построили домовый храм при городской богадельне, сначала деревянный (1879), а затем каменный (1885) – во имя святого праведного Симеона Верхотурского. Помимо этого братья купили и перестроили на личные средства каменный дом на углу Покровской и Верхотурской улиц и подарили его дамскому попечительству для приюта бедных детей. Это попечительство также патронировало временное помещение для престарелых и убогих, где на личные средства Ф.К. Каменский содержал один более двадцати человек.

В течение многих лет Каменские были гласными городской думы, а в 1868–1869 годах Федор Козьмич являлся городским головой. Мужская гимназия учредила стипендию имени Ф.К. Каменского для лучшего ученика. За щедрые пожертвования Каменских наградили многими орденами и медалями.

Под сводами храма в честь Успения Божией Матери устроили родовой склеп, где впоследствии были захоронены оба брата. После смерти основателей торгового дома «Ф. и Г. Братья Каменские» дело перешло в руки их сыновей. Умирая, Федор Каменский завещал своим детям «...жить справно, в мире и согласии, не делиться и вести общее дело».

В конце прошлого века Михаил и Василий Федоровичи, Алексей, Александр и Иван Григорьевичи приобрели Суксунский, Тисовской и Молебский железоделательные заводы в Пермской губернии, хлоп-

ковый и канатовитейный заводы в Ташкенте, хлопковые плантации в Ташкентском уезде, пристани и склады во многих городах России. Дело Каменских продолжало расширяться, основной капитал товарищества достиг 5 миллионов рублей. Правление Торгового дома перенесли в Москву, филиалы располагались в Перми, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Риге. Товарищество перевозило грузы и пассажиров по рекам Волго-Камского бассейна и Сибири, транспортировало грузы всеми способами в пределах Российской империи и за границу.

Основную роль в управлении фирмой играл Иван Григорьевич Каменский (1857–1919), окончивший с золотой медалью Московскую академию коммерческих наук, а затем Боннский университет, где защитил диссертацию и получил степени доктора философии и химии. Научные знания были применены им на практике: Иван Григорьевич построил в Пермской губернии завод по сухой перегонке дерева для получения ацетона и метилового спирта. Помимо промышленной и коммерческой работы И.Г. Каменский занимался и общественной деятельностью. В течение нескольких лет он являлся членом Государственного совета от Пермской губернии, отдал много сил земскому делу. На его средства в Суксуне построили двухклассное училище, при Пермском университете им были учреждены стипендии для беднейших студентов.

Однако со временем между двоюродными братьями Каменскими возникли разногласия, и вопреки завещанию отцов они произвели раздел имущества. Деятельность торгового дома «Ф. и Г. Братья Каменские» постепенно разладилась. Железодельные заводы прекратили свое существование по причине выработки рудников. На Каме и Волге появился более сильный конкурент – Николай Васильевич Мешков, который в 1914 году купил имущество компании и перерегистрировал ее под названием «Ф. и Г. Братья Каменские и Н.В. Мешков». Став руководителем огромной компании, Мешков в кратчайший срок с присущей ему энергией ликвидировал царивший там хаос, привел дела в порядок и не оставил конкурентам никаких шансов на успех. 5 февраля 1918 года по Декрету о национализации многомиллионное хозяйство компании полностью перешло в собственность государства.

ЛЮБИМОВЫ**ФИЛИПП АЛЕКСЕЕВИЧ (1782–1837)****ИВАН ФИЛИППОВИЧ (1807–1864)****ИВАН ИВАНОВИЧ (1838–1899)**

В XVII веке Любимовы – крестьяне, в XVIII – церковные служители Петропавловского собора. В 1820 году первый из династии, Филипп Алексеевич, приписался с сыновьями Иваном, Леонтием и Кузьмой в пермское купечество купцом 3-й гильдии с капиталом 8 тысяч рублей. Накопив средства с небольшой торговли шелковыми и хлопчатобумажными тканями, Филипп Алексеевич завел новое дело – грузовые перевозки («Суда для отправки купеческих товаров по водному пути»). Развитие торговли между Европейской частью России и Сибирью требовало расширения транспортных путей; огромное значение в этом плане имели реки Кама и Волга, соединявшие Нижегородскую, Ирбитскую ярмарки и Пермь.

Старший сын Ф.А. Любимова Иван Филиппович расширил грузовые перевозки и построил небольшую канатно-прядельную фабрику. Он удачно продолжил дело отца, занявшись транспортировкой не только грузов, но и пассажиров. В 1855 году он купил у судостроительной компании «Гакс и Тет» свой первый пароход «Екатеринбург» и начал пассажирские перевозки от Перми до Нижнего Новгорода. С этого времени Любимовы составили сильную конкуренцию известным пароходным компаниям «Самолет» и «Кавказ и Меркурий». С 1831 года И.Ф. Любимов стал купцом 1-й гильдии; он проводил оптовые операции по торговле уральским железом, хлебом, солью. Торговый оборот только на Нижегородской ярмарке и в Москве у него составлял более миллиона рублей. В 1860-х годах Иван Филиппович получил звание потомственного почетного гражданина и стал коммерции советником.

Внук родоначальника династии Иван Иванович значительно расширил и приумножил унаследованные предприятия. Получивший домашнее образование, Иван Иванович отличался созидательной предприимчивостью и завидной широтой взглядов в промышленных делах; он основал предприятия с миллионными оборотами. Прежде всего Иван Иванович продолжил главное дело отца – грузовые и пас-

сажирские перевозки по Каме и Волге; в 1876 году он пустил в действие механико-судостроительный завод, а через год вместе с братом Михаилом открыл новое пассажирское пароходство «И. Любимов и Ко», ставшее одним из крупнейших в Волжско-Камском бассейне. В 1876 году И.И. Любимов за 17 тысяч рублей купил остатки канатно-прядельной фабрики, и началось постепенное возрождение: взамен деревянных мастерских были сооружены каменные корпуса – механический, сборочный, кузнечный, литейный, а также небольшая канатная фабрика. Завод располагался на берегу Камы, в непосредственной близости от него устроили удобную гавань для стоянки судов.

До перехода завода от Тета к Любимову на нем было построено около 50 судов общей стоимостью порядка 2 миллионов рублей. А при Любимове с 1876 по 1895 годы построили такое же количество судов, но значительно более крупных, общей стоимостью 4,43 миллиона рублей. Весь оборот предприятия за 40 лет существования составлял около 9 миллионов рублей. На нем выплавляли в среднем: чугуна – до 75 тысяч пудов, железа – около 100 тысяч пудов, меди – 21 тысячу пудов. В 1895 году было начато строительство нового чугунолитейного и лесопильного цехов, нефтяного бака с насосами.

Поначалу предприятие не приносило прибыли владельцу, и Любимову приходилось отстраивать и расширять его на доходы, полученные от транспортных перевозок и отчасти собственного солеваренного завода. В наследство от отца он получил четыре парохода и 30 товарных барж. Успешно развивая это дело, Иван Иванович наладил постоянное пассажирское сообщение между Пермью и Нижним Новгородом, а также грузовые перевозки по рекам Волге, Каме, Вятке и Белой. Одновременно на значительно перестроенном заводе началось строительство речных пароходов, паровых барж, паровых машин всех размеров.

В 1895 году Любимов владел восемью пассажирскими пароходами и 20 баржами стоимостью свыше миллиона рублей. Среди пассажирских пароходов выделялись двухпалубные «Екатеринбург» (капитально перестроенный, с двигателем 800 л.с., развивавший скорость до 5 миль в час; помимо пассажиров в его трюмах размещалось 30 тысяч пудов груза; общая стоимость судна составляла 137 тысяч рублей), «Березники» (по роскоши отделки – первый пароход на Каме) и теплоход «Урал».

На Каме и Волге находились многочисленные любимовские пристани. Старейшие пароходные общества «Самолет», «Кавказ и Меркурий» были вынуждены ликвидировать свои дела на Каме ввиду сильной конкуренции со стороны Любимова и Каменских. Любимовские суда по удобствам значительно превосходили старые пароходы этих компаний.

В 1888 году на заводе Любимова по частному заказу построили первую морскую шхуну «Васпуракан», предназначенную для перевозок нефти и керосина по Каспийскому морю. Дело оказалось выгодным для Любимова, и на предприятии создали специальный цех для производства деталей новых судов, а также железнодорожных принадлежностей. Всего было построено пять шхун вместимостью 7800 тонн. Таким образом, к началу XX века бывший заброшенный завод превратился в одно из крупнейших предприятий Урала, на котором работало до 800 человек.

Кроме судостроения и перевозок Иван Иванович занимался вываркой и продажей соли. В 1860 году он купил у казны 150 десятин земли, где располагался заброшенный солеваренный завод Пыскорского монастыря, основанный Строгановыми. Предприятие Любимова существенно отличалось от многочисленных солеваренных заводов, принадлежащих известным владельцам Строгановым, Лазаревым и другим. С 1873 года Иван Иванович заново организовал солеваренный промысел, устроив варницы по новому баварскому способу. Поваренную соль получали вываркой из естественных рассолов, выкачиваемых из скважин с глубины 150–180 метров. В качестве топлива вместо дров впервые был использован кизеловский уголь. Деревянные трубы для подъема рассола заменили на металлические. Наряду с конным приводом для выкачки рассола из скважин стали применять паровые машины. Выварочная соль «пермянка» пользовалась большим спросом благодаря своим высоким пищевым качествам. Березниковский солеваренный завод давал ежегодно до 2 миллионов пудов соли.

Но самым крупным предприятием И.И. Любимова являлся построенный им в Березниках и пущенный в действие в 1883 году завод по производству соды аммиачным способом. Место это было выбрано не случайно. В 1870-е годы по инициативе Любимова горнозаводскую ветвь железной дороги от Перми до станции Чусовой продолжили до реки Камы с конечной станцией Солеварни. Это обеспечило подвоз

киселевского угля и выход на водный транспорт. Одним из компонентов для производства соды служили местные соляные рассолы, а другим – аммиачная вода, которую привозили из Санкт-Петербурга, с завода П.К. Ушкова. Позднее этот завод Любимов откупил у Ушкова и сам построил еще несколько небольших аналогичных цехов в Перми.

Строительство содового завода диктовалось развитием стекольной, текстильной, мыловаренной промышленности и переработкой нефти в керосин. Это был первый крупный русский содовый завод. До той поры соду для промышленных нужд ввозили из-за границы. Большой акциз на соль делал невыгодным использование в промышленных масштабах метода Леблана, которым получали соду до тех пор. Практическое осуществление производства соды другим, так называемым аммиачным способом также оказалось нелегким. Впервые это удалось сделать в 1863 году бельгийскому инженеру Э. Сольвэ.

В 1881 году между Любимовым и Сольвэ был подписан контракт на 20 лет, каждый из них внес по 125 тысяч рублей. Сольвэ принял на свой завод в Бельгии представителя Любимова – инженера-технолога и обучил его искусству изготовления соды. В 1883 году в Березниках получили первую соду и ее образцы послали Д.И. Менделееву. 1 марта 1884 года на заседании отделения химии Русского физического общества профессор Менделеев сообщил свое заключение о новом заводе. Сделанные анализы показали, что сода чрезвычайно чиста и высокого качества.

С 1887 года товарищество «Любимов и К^о» преобразовалось в акционерное общество «Любимов, Сольвэ и К^о» с полным техническим управлением Сольвэ. Учредителями общества стали, кроме Любимова и Сольвэ, торговый дом «Воган и К^о», французский гражданин А. - А. Лутрель и британский подданный Ч.-Д. Торнтон. Капитал общества определили в 3 миллиона рублей. В 1890 году общество построило второй содовый завод на Северном Донце (в Донецке), после пуска которого ввоз соды из-за границы прекратился.

Оба завода приносили огромную прибыль. За 30 лет существования фирма получила 33,85 миллиона рублей золотом; со дня основания до революции 1917 года заводы выпустили 875 тысяч тонн соды, то есть в среднем по 25 тысяч тонн в год.

Династия Любимовых оставила значительный след не только в истории развития промышленности края, но и в истории самого города Перми.

Любимовы активно участвовали в городском самоуправлении: Иван Филиппович занимал различные выборные должности в городском магистрате, три раза избирался городским головой; Иван Иванович два раза занимал должность городского головы, много лет состоял членом учетных комитетов различных банков Перми, являлся гласным городской думы, мировым судьей; Михаил Иванович также избирался городским головой.

Известна благотворительная деятельность Любимовых. Из шести наследственных домов, принадлежавших Любимовым, три были подарены городу (до сих пор в них находятся авиационный колледж, школа и станция юных техников). В 1876 году Иван Иванович передал городу свой жилой дом под Алексеевское реальное училище и обустроил здание для нужд образования за свой счет (ул. Луначарского, 24). С момента открытия училища он являлся его почетным попечителем. Также он попечительствовал над многими другими учебными заведениями города. В 1884 году вместе с братом Михаилом он передал деревянный дом с усадьбой для убежища бедных детей. Иван Иванович в течение 18 лет был директором Богородицкого детского приюта, который благоустроил за свой счет. Деятельность И.И. Любимова отмечена многими медалями и орденами. За особые заслуги перед городом его портрет был помещен в зале заседаний городской думы.

В 1874 году городская дума вынесла решение о строительстве в Перми каменного здания для театра. Собственных средств на такое крупное строительство у думы не хватало, и она обратилась к населению с призывом собрать необходимые деньги. И.И. Любимов вошел в избранный комитет по строительству театра, а кроме того, внес значительные личные пожертвования. Младший брат И.И. Любимова Михаил окончил Московский университет. Городской голова, директор детского приюта, попечитель учебных заведений – таков неполный список общественной и благотворительной деятельности Михаила Ивановича. После смерти старшего брата он стал главным распорядителем пароходства «Любимов и К^о» и перевел свою главную контору из Перми в Москву. С конца XIX века товарищество занималось транспортировкой грузов водным и железнодорожным путями по территориям Европейской России, Урала и Сибири. Уезжая из Перми, М.И. Любимов пожертвовал свой дом под торговую школу.

Жена И.И. Любимова Елизавета Ивановна (в ее доме располагается теперь ТЮЗ – ул. Большевикская, 68), продолжая и после смерти мужа благотворительные традиции семьи, пожертвовала на открытие торговой школы 25 тысяч рублей и свою библиотеку. На ее деньги в Перми был открыт вдовый дом, где находили себе приют одинокие женщины. В течение 25 лет Е.И. Любимова заведовала детским приютом, вкладывая значительные денежные суммы в его обеспечение. Как и Иван Иванович, Елизавета Ивановна отмечена многими высокими наградами.

Машиностроительные, химические и транспортные предприятия, основанные этой династией, дали толчок экономическому развитию Прикамья и во многом определили судьбу крупнейших его городов, профиль их промышленного развития. В XX веке Пермь стала одним из ведущих центров машиностроения и важным транспортным узлом, а Березники – крупнейшим центром химической промышленности.

КРОПАЧЕВ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

(1824–1906)

В 1862 году в пермское купечество был приписан купец 2-й гильдии Александр Павлович Кропачев. Его отец Павел Николаевич являлся известным предпринимателем. В 1840–1850-е годы, будучи крепостным графа Н.В. Всеволожского, он доставлял на его заводы все продукты и товары. Хозяева возложили на П.Н. Кропачева обязанности комиссионера по закупке товаров на Нижегородской ярмарке. С 1862 года он занялся поставками горнового камня с берегов Чусовой на Мотовилихинский пушечный завод. Старший сын Павла Николаевича Александр осуществлял перевозки грузов на пароходах, помогая отцу. Переехав в Пермь, Александр Павлович быстро расширил сферу своей предпринимательской деятельности. Он перешел в 1-ю гильдию и в 1867 году стал потомственным почетным гражданином. А.П. Кропачев купил земельные и лесные имения в Саратовской и Самарской губерниях, занимался крупными операциями по хлебной торговле, а также вкладывал капитал в строительство заводов разного профиля. В результате он стал одним из богатейших купцов Перми.

Самые крупные кирпичные заводы Перми принадлежали Кропачеву. Его дом (ныне ул. Советская, 6) построен из кирпича, произведенного на его собственных заводах. Его фирма также строила грузовые суда и перевозила различные товары по сибирским, уральским рекам и по многим рекам европейской России. За активную деятельность в развитии судоходства в Волжско-Камском бассейне и за успех прохода большемерного судна по многим рекам России в 1881 году император Александр II объявил А.П. Кропачеву благодарность. За заслуги на поприще торговли и промышленности ему пожаловали звание коммерции советника, который был высшим чином в табели о рангах, присваивавшийся представителям купеческого звания.

А.П. Кропачев также являлся членом комитетов, на которых обсуждались вопросы прокладки железных дорог между Волжским и Обским бассейнами, о соединении Луньевских каменноугольных копей с Камой. Он был действительным членом Общества содействия русской промышленности и торговли. В 1890 году за большой вклад пермского купца в развитие судоходства и судостроения Министерство путей сообщения решило назвать одну из станций Уфимско-Златоустовской железной дороги Кропачев. Эта станция сохранилась и до наших дней, изменилось лишь ее название – Кропачево. Кроме того, Александр Павлович исполнял различные обязанности на многих постах в городском управлении.

Кропачев известен и своей широкой благотворительной деятельностью. Особо следует отметить его пожертвования на церковные нужды и образование. В селе Бубинском Оханского уезда он за свой счет построил храм, приобрел около десятка серебряных и золоченых риз для икон в разные храмы города, для зданий общины сестер милосердия в Пскове выделил 1000 рублей, долгие годы бы ктиторм храма Пермской мужской гимназии. Кропачев являлся также попечителем многих учебных заведений Перми. Городской пожарной части он подарил участок земли вместе с постройками, а в городе Оса на его деньги построили телеграфную линию. За усердие и труды в благотворительной деятельности Кропачева наградили орденами Святого равноапостольного князя Владимира 3-й степени, Святой Анны 3-й и 2-й степеней, а также Святого Станислава 3-й и 2-й степеней.

После смерти Кропачева все его огромное состояние перешло в собственность единственного сына Николая, который после окончания Казанского Императорского университета со степенью кандидата прав долгое время работал на государственной службе в Перми.

МЕШКОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
(1851–1933)

Пермский купец 1-й гильдии, уроженец города Весьегонска Тверской губернии Николай Васильевич Мешков посвятил свою жизнь развитию российского транспорта, прежде всего в Волжско-Камском бассейне. В результате своей предпринимательской деятельности Мешков стал самым известным представителем торгово-промышленных кругов Прикамья.

Трудовую жизнь он начал служащим в экспортной фирме в селе Новодевичьем Симбирской губернии. Там же работал отец Николая Васильевича. Быстро научившись счетоводству и ведению кассы, он вполне мог заменять отца во время его разъездов. В 1870 году, после смерти отца, Н.В. Мешков оставил место службы и уехал в Казань в поисках средств: надо было кормить семью. Вскоре нашлась служба в частной конторе купца И.Н. Соболева, делавшего большие хлебные закупки для интендантства и имевшего доходные дома, а также лесную дачу на 15 тысяч десятин. Через четыре месяца службы Соболев назначил Мешкова полным доверенным по управлению лесной дачей и лесозаготовками. На этой должности Николай Васильевич прослужил около двух лет. Заметив инициативность и добросовестность работника, Соболев привлек его к водным перевозкам грузов. Так началось профессиональное становление Мешкова-транспортника.

В 1875 году Николай Васильевич перешел на службу в крупную пароходную фирму «Товарищество Волжско-Невского пароходства», четко определив для себя цель специально изучить именно транспортное дело на реках Волжского бассейна. Товарищество в ту пору торопилось захватить позиции на Каме. В июле 1876 года Мешков отправился в Пермь полным доверенным пароходства, связав свою биографию с историей нашего города.

В те годы между Пермью и Екатеринбургом строилась Уральская горнозаводская железная дорога. Пароходство доставляло рельсы,

цемент, телеграфные принадлежности, английские паровозы, вагоны. Мешков хорошо справлялся с большим хозяйством, насчитывавшим шесть пароходов и 28 барж.

Однако Николай Васильевич мечтал о собственном деле. Ему хотелось развернуться, проявить себя в полную силу. В 1877 году он вместе с другом занял на полгода 800 рублей. На эти деньги они арендовали винтовой пароход «Пожба» в 30 лошадиных сил. Оказалось, что и маломощного судна вполне достаточно, чтобы на летних перевозках заработать 5200 рублей прибыли. Так в Перми в 1878 году появился знаменитый предприниматель, которому было суждено войти не только в историю нашего города, но и в историю транспортного дела России.

За время своей деятельности Мешков сделал немало: создал новые пароходные линии в Волжско-Камском бассейне, финансировал проект и начало строительства железной дороги вдоль Урала, которая должна была соединить Среднюю Азию с Печорой, наладил работу нескольких цементных заводов.

Самые трудные времена Николай Васильевич пережил в начале 1918 года, незадолго до национализации своего пароходства. Он получил целый ряд выгодных предложений от иностранных компаний продать свое дело, сохранив за собой лишь доленое участие. После революции Н.В. Мешков много лет работал в Наркомате путей сообщения. Умер Николай Васильевич в Москве в возрасте 82 лет, прожив яркую, полезную жизнь. Жаль, что после революции так и не были оценены в должной степени огромный опыт и знания этого истинного гражданина Российской земли.

НАССОНОВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ **(1829–1898)**

Василий Михайлович Нассонов происходил из семьи чердынских мещан. С 1868 года купец 1-й гильдии В.М. Нассонов очень успешно вел торговые дела. У местных крестьян он скупал рожь, овес, лен, коноплю, гречу, а затем на баржах перевозил все это в различные города России, где выгодно продавал. Благодаря браку старшего сына Петра с калязинской купчихой Охлобыстиной положение Нассоновых еще более

упрочилось, и торговля с Петербургом стала постоянной. Охлобыстины также имели баржи, пароходы и перевозили нассоновские товары от Рыбинска до Северной столицы. По указам того времени купцы, находившиеся в 1-й гильдии свыше 20 лет, могли быть причислены к званию потомственных почетных граждан со всеми членами семьи, что давало им ряд льгот и налоговых преимуществ. Так Нассоновы Василий Михайлович, Анна Силовна и старший сын Петр Васильевич с женой были возведены в звание потомственных почетных граждан города Перми.

В.М. Нассонов занимался общественной работой, много лет являлся гласным городской думы. В течение 24 лет он выполнял обязанности директора Марьинского банка, за что его наградили золотой и серебряной медалями на Станиславской ленте. Он также был почетным блюстителем Пермской Духовной семинарии, старостой кафедрального собора, жертвуя крупные суммы денег этим заведениям. В 1870 году на его деньги выстроен иконостас Слудского храма. На завещанный городу капитал, 25 тысяч рублей, было также построено начальное училище, получившее имя основателя – Нассоновское (ул. 25-го Октября, 42).

СОРОКИНЫ

КОНДРАТ АНДРЕЯНОВИЧ (1826–1903)

ВАСИЛИЙ КОНДРАТОВИЧ (1849–1911)

Купец 2-й гильдии Кондрат Андреянович Сорокин происходил из семьи крепостных крестьян Владимирской губернии. С юных лет служил, сначала в качестве мальчика, потом приказчика. В 1848 году он переехал в Пермь, где в течение 14 лет работал приказчиком, а свою торговлю открыл лишь в 1863 году. К.А. Сорокину принадлежал единственный в городе и самый богатый магазин церковной утвари, а также золотых и серебряных изделий.

Весьма щедрой и долговременной была благотворительная деятельность Сорокина в должности церковного старосты Рождество-Богородицкого храма. По церковной инструкции староста избирался прихожанами сроком на три года, а затем переизбирался. К.А. Сорокин служил старостой в течение 35 лет. В 1865 году в храме установили

пятярусный главный иконостас, стены и внутреннюю поверхность купола храма украсили живописью. В этой работе принимал участие известный художник В.В. Верещагин. Кроме того, Сорокин пожертвовал свое усадебное место, находившееся рядом с храмом, для церковных нужд. Благодаря его стараниям Рождество-Богородицкий храм стал одним из самых богатых в Перми. Именно в нем пермское купечество предпочитало проводить церковные церемонии и обряды. За свою деятельность К.А. Сорокин был награжден золотой медалью на Станиславской ленте, орденом Святого Станислава 3-й степени, а позднее ему присвоили звание потомственного почетного гражданина города.

Старший сын Кондрата Андреяновича Василий получил образование в Пермском уездном училище. Занимал должность товарища директора Марьинского банка, затем стал его директором. В 1898 году он открыл чугунолитейный завод за рекой Данилихой, а в 1910 году – совместное товарищество «Сорокин В.К. и братья Тупицыны» по перевозке грузов водным транспортом. На берегу Камы им были построены пристань, грузовые амбары и склады. После смерти В.К. Сорокина завод был куплен Н.В. Мешковым.

Пермское купечество – яркая и самобытная часть русского дореволюционного общества, навсегда ушедшая, но заслужившая память потомков своими благотворительными делами.

Колбас Владимир Сергеевич

Председатель Пермского городского отделения
Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры,
член Союза журналистов

«АРХИМАНДРИТОМ ИАКОВОМ ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЕНО...»

(Об очерке Д.Д. Смышляева
«Мертвое море и нечестивый Пентаполь»)

Палестина...

Это слово до сих пор производит неизгладимо-чарующее впечатление на всех, кому близка христианская история и дорога Библейская земля. Оно приковывает к себе внимание каждого человека, хотя бы в малой степени интересующегося далеким прошлым Ближнего Востока.

И Востока не нынешнего, объятых пламенем межнациональной войны, а Востока классического, история которого уходит ко временам Иисуса Христа.

Палестина...

Библейская энциклопедия дает такое толкование этой территории: Палестина – есть общее название *земли Евреев* (Быт. 40, 15), называемой также *землю Господнюю* (Ос. 9, 3), *святою землею* (Зах. 2, 12), *землю Израилевую* (Иез. 7, 2), *землю обетованную* (Евр. 11, 9)¹. Слово это настолько вошло в русский быт, что стало нарицательным. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль приводит его народное значение: «Палестина – это отечество, отчизна, родина, родные, домашние места»².

¹ Библейская энциклопедия: Репринт, изд. 1891 г. М., 1990. С. 546.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Репринт, изд. 1882 г. Т. 1–4. М.,

Чтобы слово «Палестина» вошло в народный обиход как нарицательное, постаралось не одно поколение паломников в Святую Землю. В частности, игумен одного из черниговских монастырей Даниил, совершивший паломничество в 1104–1107 годах (по другим данным, в 1106–1108 или в 1093–1113 годах)³; московский священник, старообрядец Иоанн Лукьянов (старец Леонтий)⁴; ярославец, посадский человек М.Г. Нечаев⁵; князь, поэт П.А. Вяземский с женой⁶; поэт И.А. Бунин вместе с В.Н. Муромцевой-Буниной⁷; великий князь К.К. Романов, более известный под псевдонимом К.Р.⁸). Потрудились также не одно поколение ученых и мемуаристов, побывавших в Иудее, и писателей, многие из которых (особенно в годы советской власти) никогда не были в Земле обетованной, но оставили богатейшее литературное наследие, посвященное Святому Граду Иерусалиму и Палестине⁹. Свидетельства тому – выпущенный фирмой «Алеся» сборник «Ветка Палестины» тиражом 15 000 экземпляров, из которых 300 нумерованных (100 – в коже, 200 – в штапеле)¹⁰, или изданный тиражом 30 000 экземпляров двумя годами раньше в издательской фирме «Манускрипт» сборник «Библейские мотивы» в

1980. Т.3: П. С. 11.

³ См.: *Хождение игумена Даниила* // История русской литературы / Под ред. Е.В. Аничкова, А.К. Бороздина, Д.Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1908. Т. II. С. 102–104.

⁴ См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указ. кн. и публ. в журналах / Науч. руков., ред. и введ. П.А. Зайончковского. М., 1976. Т. I: XV–XVIII вв. С. 113–114. № 298.

⁵ Там же. С. 114. № 299.

⁶ См.: *Шереметьев С.Д.* Путешествие на Восток князя Вяземского. СПб., 1883.

⁷ См.: *Муромцева-Булнина В.Н.* Жизнь Бунина. 1870–1906; Беседы с памятью. М., 1989. С. 292, 304 и далее по тексту.

⁸ См.: *Кушлина О.Б., Перегудова З.И.* К.Р., вел. кн. Константин Константинович // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. М., 1994. Т. 3: К–М. С. 122–124.

⁹ Из ранних указателей см., например, составленную поэтом, историком литературы С.И. Пономаревым (в 1873–1874 гг. прожил более года в Иерусалиме, посетил многие места Палестины) библиографию «Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах» (СПб., 1877). Недавно некоторые мемуары путешественников переизданы. См. *Антонин (Капустин), архим.* Пять дней в Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М., 2007; *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам в 1830 году. М., 2007; *Скалон Д.А.* Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. М., 2007.

¹⁰ Ветка Палестины: Стихи русских поэтов об Иерусалиме и Палестине / Сост., подготовка текста, вступ. статья и прим. Б.Н. Романова. М., 1993.

двух частях с иллюстрациями французского графика Густава Доре¹¹ (перепечатка издания А.А. Каспари 1897 года).

В эти книги вошли известные, малоизвестные, а то и вовсе неизвестные произведения русских писателей, начиная с народных духовных стихов XI века из «Голубиной книги» и заканчивая классическими стихами Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.А. Мея, В.В. Крестовского, Л.И. Пальмина, О.Н. Чюминой (Михайловой), поэтическими опытами В.Я. Брюсова, И.А. Бунина, Н.С. Гумилева, В.В. Набокова, А.М. Федорова, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, а также Б.Ю. Поплавского, Б.Л. Пастернака, А.А. Тарковского и публикуемые по архивным материалам стихи Г.И. Анфилова и В.М. Василенко.

Составитель сборника «Ветка Палестины» Б.Н. Романов писал: «Посещение Палестины русскими паломниками особенно увеличилось после основания в 1882 году Императорского Православного Палестинского Общества. К концу XIX века в Иерусалиме жили 5 тысяч православных, притом, что всех жителей в нем было немногим более 40 тысяч»¹².

Говоря о притягательной силе Святой Земли именно для русских, основатель «Православного Палестинского сборника» В.Н. Хитрово отмечал: «Не следует также забывать, что, кроме... священных воспоминаний, делающих Палестину дорогою сердцу каждого православного, в ней попеременно властвовали: Египет, Ассирия, Вавилон, Персия, Греция, Византия, арабы, западные крестоносцы, турки, и каждый из них, словно геологическое наложение земной коры, оставил в ней следы своего существования»¹³.

Свой след на Библейской земле оставил общественный деятель, журналист, краевед, этнограф, библиофил, библиограф, почетный гражданин города Перми Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828–1893)¹⁴. Он дважды

¹¹ Библейские мотивы: Ветхий Завет: Репринт, изд. 1897 г. М., 1991. Вып. 1: От сотворения мира до царствования Давида. М., 1992. Вып. 2: От царствования Давида до Рождества Иисуса Христа.

¹² Ветка Палестины: Стихи русских поэтов об Иерусалиме и Палестине. С. 32.

¹³ Там же. См. первоисточник: Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле // Православный Палестинский сборник. СПб., 1881. Т. 1. Вып. 1. С. 5.

¹⁴ О Д.Д. Смышляеве см., например: Дмитриев А.А. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь, 1902. Вып. 1: 30 очерков. С. 33–36; Пермь, 1991. С. 35–38; Рабинович Я.Б. Д.Д. Смышляев как общественный деятель и историк-краевед // Летописцы

побывал в Палестине: в 1865 году – как паломник, в 1885–1889 годах – в качестве уполномоченного Императорского Православного Палестинского Общества, почетным членом которого он был избран. В 1886 году за труды свои в Святой Земле его удостоили ордена Гроба Господня¹⁵.

Д.Д. Смышляев известен нам более всего как историк Прикамья. Он же является автором многочисленных путевых записок о Палестине и научно-популярных статей, книг и брошюр о Святой Земле, а также переводов с французского книг С. Мунка¹⁶, которые, к сожалению, практически выпали из поля зрения исследователей (пожалуй, кроме книги «Синай и Палестина») и крайне редко привлекаются в качестве исторических источников.

Не перечисляя посвященных Востоку многочисленных трудов Д.Д. Смышляева, опубликованных в периодических изданиях (в частности, в «Пермских губернских ведомостях», «Пермских епархиальных ведомостях», «Страннике», «Сообщениях Императорского Православного Палестинского Общества»), назову лишь отдельные издания его сочинений по этой теме: «Синай и Палестина: Из путевых заметок» (Пермь, 1865), «Синай и Палестина: Из путевых заметок 1865 года» (Пермь, 1877), «На пути к Синаю: Из путевых заметок 1865 года» (Пермь, 1877), «На пути к Синаю: Две главы из путевых заметок 1865 года» (Пермь, 1878), «Мертвое море и нечестивый Пентаполь по новейшим исследованиям» (Пермь, 1881), «Тивериадское озеро и его фауна» (Пермь, 1884). В этот ряд необходимо поставить еще две книги – это выполненные Д.Д.

родного края (очерки об исследователях истории Урала). Свердловск, 1990. С. 22–32; Семенов В.Л. Мировоззрение Д.Д. Смышляева: Идеиное наследие и судьба пермского либерала. Пермь, 2001; Старовойтов А.Ф. Смышляев Дмитрий Дмитриевич // Краеведы и краеведческие организации Перми: Биобиблиогр. справочник. Пермь, 2000. С. 246–248, а также: Вестник Смышляевских чтений. Пермь, 1994–2002. Вып. 1–4; Страницы прошлого: Избр. мат-лы краев. Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995–2005. Вып. 1–5; Смышляевские чтения: Мат-лы десятой науч.-практ. конф. 31 мая 2007 г. Пермь, 2007; и др.

¹⁵ См.: Семенов В.Л. Деятельность Д.Д. Смышляева в Императорском Православном Палестинском Обществе в 1885–1889 гг. // Страницы прошлого: Избр. мат-лы краев. Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1999. Вып.2. С. 79–84; Устюгова В.В. Д.Д. Смышляев и Православное Палестинское Общество // Там же. Пермь, 1995. Вып.1. С. 56–58 [Она же. Д.Д. Смышляев и Православное Палестинское Общество // Третьи Смышляевские чтения. Пермь, 1993. С. 37–38], а также: Семенов В.Л. Мировоззрение Д.Д. Смышляева: Идеиное наследие и судьба пермского либерала. Пермь, 2001. С. 55–63, 105–118.

¹⁶ См.: Труды Д.Д. Смышляева и литература о нем: Библиогр. список / Сост. А.Ф. Старовойтов // Вестник Смышляевских чтений. Пермь, 1996. Вып.2. С. 17–26.

Смышляевым переводы с французского языка трудов С. Мунка «География Палестины» (Пермь, 1878) и «Еврейские древности» (Пермь, 1879).

Особо остановлюсь на брошюре Д.Д. Смышляева «Мертвое море и нечестивый Пентаполь по новейшим исследованиям. С картою нижнего течения Иордана, Мертвого моря, уади Араба и уади Жеиб». Экземпляр этой брошюры подарил мне 27 августа 1996 года пермский историк-архивист и краевед Леон Сергеевич Кашихин (1932–1997), который занимался исследованием жизни и творчества Д.Д. Смышляева¹⁷.

Напечатана брошюра Д.Д. Смышляева «Мертвое море и нечестивый Пентаполь» в Перми в типографии П.Ф. Каменского в 1881 году. На обороте титульного листа указано, что издание «дозволено цензурою», но нет даты цензурного разрешения, и лишь на последней 36-й странице сделана пометка о том, что данное сочинение извлечено из «Пермских епархиальных ведомостей», но опять-таки без ссылки на время печатания в газете.

Необходимые пометки имеются на цветной карте, отпечатанной на отдельном листе плотной бумаги и вклеенной в конце брошюры. Внизу карты, под рамкой, в одну строку идет текст: слева – «Печ. дозв. г. Пермь, 7 марта 1881 г. Архим. Иаков», справа – «Лит. аренд. И. Репнина в Перми». Название карты более пространное, чем то, что приведено на титульном листе брошюры (и уж тем более, чем то, что на обложке): «Карта нижнего течения Иордана, Мертвого моря, уади Араба и уади Жеиб, составленная в 1864 г. членами экспедиции герцога де Люинь, лейтенантом Винь и д-ром Комб». Так написано на карте. На карте же даны разъяснения сокращения: «А» (Айн) – ключ; «У» (Уади) – долина, русло; «Д» (Джебелъ) – гора, «з» – залив; ниже знаками: плюс (+) перед цифрами на карте означает пункты выше горизонта Средиземного моря, минус (-) – ниже Средиземного моря, красной линией отмечен путь экспедиции.

«Мертвое море и нечестивый Пентаполь» Д.Д. Смышляева – это научно-популярный очерк. Цель его написания – доказать, опираясь на

¹⁷ См.: Кашихин Л.С. Купцом он так и не стал... // Вечерняя Пермь. 1973. 10 июля; он же. Некоторые сведения о деятельности Д.Д. Смышляева в последние годы жизни (1889–1893) // Страницы прошлого: Избр. мат.-лы краев. Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. Вып. 1. С. 136–141; Он же. Типография Пермской губернской земской управы (1875–1918) // Там же. С. 39–46; он же. Письма Д.Д. Смышляева Ф.А. Теплоухову в Пермском облархиве // Третьи Смышляевские чтения. Пермь, 1993. С. 43–45.

научные исследования, истинность сведений, приводимых в Библии. В качестве эпиграфа к своему очерку Д.Д. Смышляев приводит слова Александра Гумбольдта: «Страшный переворот этой страны представляет феномен, не имеющий себе подобного на земном шаре». Соглашаясь с немецким естествоиспытателем, географом и путешественником, Д.Д. Смышляев начинает очерк с программного заявления: «В целом мире нет страны, полной такого живого интереса для паломника, археолога, естествоиспытателя и туриста, как долина Иордана с Мертвым морем»¹⁸.

Указав, что Святую Землю исследовали экспедиции американского лейтенанта Линча, француза де Соси, герцога де Люиня (в составе лейтенанта французского флота М. Виня, геолога Лярте и доктора Комба), а также отдельные ученые – француз М.-В. Гэрэн¹⁹, англичане Мор²⁰, Вильям Бек, лейтенанты Симондс и Молине и другие, сославшись на труды античных и современных ему авторов, Д.Д. Смышляев перечисляет на еврейском, греческом, арабском и русском языках различные наименования Мертвого моря (которое считалось также озером), а затем дает им толкование: Соленое море, Восточное море (в противоположность Средиземному, или Западному), море Зара (Зоарское, или Сегорское), море Садум (Содом) и Ргамура (Гоморра), Асфальтовое и Содомское озеро. В настоящее время, добавляет Д.Д. Смышляев, арабы называют его чаще Бар-Эль-Лут, или море Лота²¹.

Далее Д.Д. Смышляев скрупулезно излагает результаты изучения уровня Мертвого моря по отношению к Средиземному, приводит данные о глубине Мертвого моря, его солёности и других природно-климатических свойствах этого уникального географического объекта Палестины. Подробно, со ссылкой на древнегреческих историков Страбона и Диодора Сицилийского, а также на сведения арабов, обитающих вокруг Мертвого моря, Д.Д. Смышляев рассказывает о процессе образования и технологии сбора асфальта (горной смолы), которым занималось местное население.

¹⁸ Смышляев Д.Д. Мертвое море и нечестивый Пентаполь по новейшим исследованиям. Пермь, 1881. С. 5.

¹⁹ Д.Д. Смышляев приводит два варианта написания этой фамилии: Герэн и Гэрэн (с. 20–21, 34).

²⁰ Д.Д. Смышляев приводит два варианта написания этой фамилии: Мор и Моор (с. 22).

²¹ Смышляев Д.Д. Мертвое море и нечестивый Пентаполь... С. 6–7, 9–13.

Не ставя своей задачей пересказывать содержание очерка, замечу только, что Д.Д. Смышляев в своем труде дал точные географические координаты Мертвого моря и весьма тщательно проштудировал отчеты экспедиций и научные труды геологов, чтобы ответить на три группы принципиально важных вопросов, поставленных М.-В. Герэном: 1) Существовало ли Мертвое море до ужасной катастрофы, разрушившей города Пентаполя, и было ли оно, как ныне, громадным резервуаром для вод Иордана и других рек, в него впадающих? Или оно образовалось лишь во время катастрофы, вследствие громадного провала земли, происшедшего от истребления пламенем проклятых городов и Сиддимской долины, наполненной колодцами асфальта, которым была пропитана вся местность? В последнем случае куда впадал Иордан прежде страшного крушения страны? Протекал ли он чрез уади эль-А'раба до Красного моря? 2) Где находилась Сиддимская долина, упоминаемая в Библии как место, где сражались пять царей Пентаполя против напавших на них четырех царей и где цари Содомы и Гоморры, проиграв битву, упали во время бегства в асфальтовые колодцы? 3) Где находились каждый из преступных городов: Содом, Гоморра, Адама, Севоим и Сегор²², – и остались ли после них какие-либо следы?²³

Д.Д. Смышляев непредвзято пересказывает все известные ему версии происшедших геологических событий и теории, выдвинутые учеными. Он приходит к выводу, что изложенные в Библии факты ни в коей мере не противоречат геологической науке. Мертвое море, по мнению геолога Лярте, на которого ссылается Д.Д. Смышляев, «не только существовало в эпоху, предшествующую разрушению Пентаполя», но «оно даже было во времена весьма отдаленные, за много веков до появления на земле человека, гораздо больших размеров, чем ныне», а Иордан не мог впадать ни в Красное, ни в Средиземное моря ввиду низкого горизонта Мертвого моря, а также из-за высокой температуры воздуха и столь сильного испарения на поверхности Мертвого моря, которое уравнивает прибыль и убыль вод²⁴. Что касается место-

²² В литературе встречаются другие написания нечестивых городов: Содом, Гоморр, Адма, Севоим, Цоар. См.: Библейская энциклопедия: Репринт, изд. 1891 г. М., 1990. С. 70, 170, 631, 640.

²³ Смышляев Д.Д. Мертвое море и нечестивый Пентаполь... С. 20–21.

²⁴ Смышляев Д.Д. Мертвое море и нечестивый Пентаполь... С. 27.

нахождения Пентаполя (или Сиддимской долины), то она, по мнению Д.Д. Смышляева, согласно Библии и геологическим данным, оказалась затопленной водами Мертвого моря (Быт. 14, 3).

Прочитовав вывод лейтенанта Линча из его отчета по итогам экспедиции о том, что все сказанное в Библии относительно Мертвого моря и Иордана «совершенно подтверждено нашими наблюдениями», Д.Д. Смышляев завершает свой очерк «Мертвое море и нечестивый Пентаполь» такими словами: «Будем же надеяться, что люди науки, продолжая свои труды по части библейской археологии, будут содействовать к утверждению веры в истину сказаний Священного Писания, что так необходимо в наш век сомнений и колебаний»²⁵.

И мы будем надеяться, что труды Д.Д. Смышляева его восточной серии еще будут востребованы читателями и привлекут внимание как современных исследователей истории, геологии и географии Святой Земли, так и биографов самого Дмитрия Дмитриевича Смышляева.

---

²⁵ Там же. С. 36.

Перескоков Лев Валентинович

Председатель Пермского краевого отделения
Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

ХРАМ ВО ИМЯ ВСЕХ СВЯТЫХ НА ЕГОШИХИНСКОМ КЛАДБИЩЕ ГОРОДА ПЕРМИ – ФАМИЛЬНАЯ УСЫПАЛЬНИЦА РОДА СМЫШЛЯЕВЫХ

Егошихинское кладбище в Перми, старейшее кладбище города, поэтично называют Пермским некрополем. В этом проявилось не только литературно-художественное творчество, но и действительные послышки. Слово «некрополь», как мы помним из истории, греческого происхождения – означает, по сути, то же, что и в русском варианте - кладбище. Дословный перевод: «город мертвых». Хотя есть в этих двух терминах и отличия. В слове «кладбище» акцент делается как на месте упокоения умерших.

Русское государство восприняло христианство в X веке от Византии, от константинопольских императоров. Данный акт представлял собой не просто принятие православной веры, а культурное обогащение восточных славян в самом широком смысле, в том числе и античным наследием. В уральском регионе это проявилось много позже, в XVII-XIX веках, когда началось интенсивное освоение и развитие края.

Егошихинское кладбище является ровесником города Перми, летоисчисление которого принято начинать с закладки и пуска Егошихинского медеплавильного казенного завода в 1723 г. Завод располагался в устье речки Егошиха, давшей ему название, а жилой поселок начал складываться на ее левом, более пологом берегу. Как по греческим, так и по русским понятиям, кладбище каким-либо образом должно отделяться от поселения.

Обычно использовался природный рельеф или естественные географические линии (речка, овраг, поле и т.д.). Речка – наиболее удачный вариант. В данном случае она словно в античной мифологии очерчивает границу между потусторонним и посюсторонним мирами, между городом мертвых и городом живых. Таким образом, и Егошихинское кладбище, расположено на невысоком мысу, образуемом собственно речкой Егошихой и ручьем, названным, вероятно, позднее Стикс. Здесь мы вновь обращаемся к греческой мифологии. Стикс, по мнению древних греков, одна из рек подземного царства мертвых. Богиня Стикс родила четырех очень разных детей: Зависть, Нику (Победу), Силу (Власть) и Мошь (Могущество). В этом сюжете ученые усматривают отражение в олимпийской мифологии более древних языческих представлений. Любопытно, что во время раздоров языческих богов верховный бог Зевс требует произнести клятвы перемирия над водами Стикса. И нарушение этой клятвы считалось самым тяжким грехом. Здесь уместно вспомнить и Харона, перевозившего мертвых через подземные реки в царство царя Аида. Дорога живым в Аид была закрыта. С учреждением губернского города Перми в 1781 году одной из первостепенных забот пермских наместников стало приведение в порядок дороги на кладбище и строительство моста через ручей Стикс.

В поселениях уральских городов-заводов практически сразу же с началом производства закладывается и храм. Так на Егошихе строится первая деревянная церковь во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в 1724-1726 годах. Археологические исследования указывают, что немногочисленные захоронения совершались и около Петропавловской церкви (позднее перестроенной в камне и с учреждением в 1781 году губернского города Перми ставшей собором). А вторым, также деревянным храмом уже города Перми стала церковь на кладбище (1784) во имя Всех Святых, располагавшаяся вблизи стрелки слияния речки Егошихи и ручья Стикс, построенная по проекту губернского архитектора Пермского наместничества Ф.Ф. Леонгарда. Самые старые известные захоронения на Егошихинском кладбище относятся ко второй половине XVIII века.

С воздвижением на Егошихинском кладбище Всехсвятского храма его заалтарная часть становится некрополем пермского духовенства, прежде всего священнослужителей и причетников Пермского храма и членов их семей, которых ранее погребали в ограде главной церкви

наместничества¹. Одним из древнейших захоронений Пермского некрополя, описанных историком В.В. Голубцовым, является место упокоения протоиерея Петропавловского собора Антония Попова. Памятником беспримерного героизма русского народа и его жертвенного подвига стал на Егошихинском кладбище чугунный саркофаг (проект И.И. Связьева) участника отечественной войны 1812 года командира Ширванского полка, майора Николая Афанасьевича Теплова - героя Бородинского сражения, умершего от ран в Перми, родине своей жены. Строительство кладбищенской церкви началось с указания первого Пермского и Тобольского генерал-губернатора Е.П. Кашкина приказу общественного призрения от 18 октября 1783 года.

1. *«О подряде лесу для постройки церкви для усопших (Всехсвятской на кладбище) и для выстроения при оной же богадельни и с больницей для нищих и не имеющих покрова и ныне имеющихся туда перевести. Каким же планом и фасадом церкви быть с богадельней и оградой, не премину из Тобольска прислать план, фасад и смету.*
2. *Для фундаментов как под церковь и под проточия строения, к возведению вновь предполагаемых, выломать и приуготовить плиты.*
3. *Вызвать через нижние земские соборы из всех уездов желающих наняться в плотники, дабы вырабатывали взятой заимообразно из казны хлеб; ...равномерно вызвать в работу из крепостей, лежащих по большой Сибирской дороге, где люди весьма бедно живут...»²*

Примечательно, что изначально Всехсвятский храм рассматривался не просто как кладбищенская церковь, а комплекс культового мемориального и социального назначения. Однако он оставался приписанным к Петропавловской церкви.

Город развивался – расширялось и кладбище. Старая часть кладбища стала именоваться Старым русским кладбищем. А захоронения в южном направлении позже (в 1 половине XIX века) составили Новое русское кладбище. Эти две части разделялись оврагом. На Егошихинском кладбище отразился национальный и конфессиональный состав населения города. С восточной стороны располагаются мусульманское, лютеранское

¹ Церковь Всех Святых – первый храм на Егошихинском кладбище. (Автор текста – протоиерей Алексей Марченко, настоятель Всехсвятского храма). Пермь. С. 8.

² Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми. Пермь 1889. С. 70-71.

и иудейское кладбища, а с западной (между Старым и Новым русским кладбищами) есть католические и старообрядческие захоронения. Вверх по течению ручья Стикс некогда было кладбище русских воинов, погибших на фронтах Первой мировой войны. К сожалению, в советское время в результате корректировки границ кладбища эти захоронения ушли в небытие³. Завершая краткий хронологический обзор, упомянем, что во время Великой Отечественной войны на самом мысу (с северной стороны) хоронили советских воинов, умерших от ран в пермских эвакогоспиталях. Ныне эта часть Пермского некрополя называется Воинским кладбищем.

Известный пермский купец и благотворитель, городской голова Дмитрий Емельянович Смышляев пожелал построить новый храм на Новом кладбище (1826-1832 гг. – разработка проекта). Действительно, коли возникало новое кладбище, то естественно возникла потребность и в новом кладбищенском храме. Логическую обоснованность и последовательность событий раскрывает протоиерей Алексей Марченко, настоятель нынешнего Всехсвятского храма⁴. Строительство новой церкви можно считать как обещание пермяков императору Александру I, побывавшему в городе в 1824 году. И новый каменный храм освящается также во имя Всех Святых (1838), став таким образом преемником прежнего. Старый же деревянный на Старом кладбище переименовывается в Успенскую церковь.

Всякий христианский храм ориентирован в пространстве с запада на восток. Это сущностный момент христианского мировосприятия. Однако новый храм в проекте известного архитектора-классициста И.И. Свиязева получает довольно оригинальное пространственно-планировочное решение. Дело в том, что этот кладбищенский храм относится к достаточно редким культовым постройкам ротондального типа. Здесь храмовая часть – круглая в плане. Исследователь творчества Свиязева А.С. Терехин утверждал, что выбор типа храма в виде ротонды объясняется чисто практическими причинами. Такой вариант действительно позволял снизить затраты на строительство, при этом сохраняя внутренние объемы. Возможно, такие посылки имели место быть. Однако, вероятно, дело не только в практических

³ По сообщению краеведа Е.А. Спешиловой.

⁴ Церковь Всех Святых – первый храм на Егошихинском кладбище. С. 14-20.

расчетах. Талант архитектора позволил, успешно совмещая античные (языческие) традиции представленные классицизмом с православными, углубить духовную сущность кладбищенского храма. Несомненно и то, что в данном случае И.И. Свиязев использовал опыт мировой архитектуры. В язычестве было принято изображать божество в виде скульптуры, допускающей круговой обзор. Божество рассматривалось центром вселенной, к которому люди должны двигаться со всех сторон. Здесь верующие становились для обряда, здесь прекращалось движение, здесь в самом центре останавливалось и само время. Аналогичный эффект срабатывает и в случае с ротондальной постройкой. Круглая в плане храмовая часть самой архитектоникой сооружения останавливает всякое движение, как в пространстве, так и во времени. Круг в христианстве также становится одним из важнейших символов Иисуса Христа. Этот эффект усиливается мощным куполом, порождая ассоциации с пантеоном всех языческих богов, – здесь Всех Святых христианских. Композиция увенчана небольшой главкой на круглом барабане. Но круглая в плане храмовая часть, перекрытая большим куполом, имела, естественно, алтарь с восточной стороны (в данном случае прямоугольный) и выступы портиков с севера и юга (также прямоугольные). Если мы добавим к этому плану выступ колокольни и притвора с запада, то увидим, что круг храма вписан в крест. И вот здесь мы наблюдаем чудесное обращение языческих традиций в христианские. Христианская концепция совсем иная нежели языческая: среда храма выстраивается, как известно, таким образом, чтобы направить верующего от греховного низменного земного мира (с запада) к жизни праведной, к Богу (на восток и вверх). Если в античной картине Мира преобладали координаты от Олимпа к реальности и далее вниз (в подземное царство), то в христианском мировоззрении эти координаты развиваются как по горизонтали, так и по вертикали. В то же время с обрядовой стороны вертикальная координата «вниз» сохраняется. Похороны (акт возможного сохранения) умершего представляют собой погребение, т.е. помещение в землю. А кладбище (клад) – место, где погребены (уложены) умершие. Храм на кладбище освящает как обряд погребения, поминовения, так и самую территорию некрополя. Теперь грань потустороннего

мира вполне осязаемо пролегает в самом храме. Христианский храм не является жилищем Бога как в язычестве, а является местом, где верующий может обратиться и максимально приблизиться к Всевышнему в своих молитвах.

Каждая деталь убранства храма работает над созданием цельного лаконичного монументального архитектурного образа. Как весьма значительный объем притвора, так и алтарная апсида объединены с храмовой частью линиями карниза и пояса. С северной и южной сторон ротонды примыкают классические портики, завершенные фронтонами, система которых трактована своеобразно. Капители несколько приплюснуты, а фриз и архитрав не отделены друг от друга. Строгие и тяжеловесные колонны усиливают мемориальный характер сооружения. И весь этот чрезвычайно лапидарный образ оттеняется небольшой и относительно легкой колокольной. Сейчас трудно сказать, кто собственно является автором этого замечательного архитектурного образа. Скорее всего мы имеем результат совместного творческого решения заказчика-благотворителя Дмитрия Емельяновича Смышляева и прекрасного уральского зодчего Ивана Ивановича Свиязева.

Интересно решена и архитектура колокольни. Она опирается на свод, который образует над притвором второе небольшое храмовое помещение (возможно, для уединенной молитвы благотворителя), соединенное полуциркульным проемом с основным пространством.

Слово «некрополь» имеет еще одно толкование: кладбище – это место, где похоронены знаменитые люди. Действительно, на Егошинском кладбище покоятся сотни замечательных людей. Наиболее уважаемые граждане погребены вблизи храмов, у алтарей похоронены священнослужители. Уместно сказать, что у алтаря Всехсвятского храма похоронен известный историк православия в Пермском крае, протоиерей Евгений Попов, труды которого и по сей день являются наиболее значительными в этой области. Однако, безусловно, и самые рядовые горожане также внесли свою посильную лепту в обустройство города Перми, края, а значит, и всей русской цивилизации. Данный факт оказывается со временем все более очевидным.

Всехсвятский храм со смертью Дмитрия Емельяновича Смышляева (1790? - 1857) становится фамильной усыпальницей. В этой традиции

можно усмотреть не только желание оставить свое имя в истории, но и свидетельство осознания своей роли и всего поколения в созидающем процессе.

Еще более значительный след в истории Пермского края, да и всей России оставил сын Дмитрия Емельяновича Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828-1893) – замечательный историк-краевед, выдающийся общественный и земский деятель, один из активных организаторов Императорского православного Палестинского сообщества⁵. Всехсвятский храм стал местом упокоения и Дмитрия Дмитриевича. Археологические работы по благословению Преосвященного Иринарха, епископа Пермского и Соликамского под руководством П.А. Корчагина в 2003 году подтвердили наличие останков под алтарем храма Всех Святых (в советское время семейный склеп был потревожен, достоверно подтверждено наличие останков Дмитрия Емельяновича).

В середине XIX века Всехсвятская церковь была немного расширена с западной стороны, а в начале XX перестроена колокольня по проекту архитектора А.Б. Турчевича. В результате чего несколько изменились архитектурные акценты. Колокольня, получившая дополнительно один ярус, стала выше и массивней. Внешнее убранство выполнено также в традициях классицизма.

Старая Успенская церковь к середине XIX века обветшала и потребовала ремонта. Заботу о храме проявил Михаил Гаврилович Сведомский, сын протоиерея Петропавловского собора Гавриила Сапожникова – первого летописца города Перми. В 1840-х годах он по своей инициативе и на собственные средства провел капитальную реконструкцию деревянного храма. В обновленном виде храм просуществовал до XX века, когда вновь встал вопрос о ремонте. Было принято решение воссоздать Успенскую церковь уже в камне. Закладку каменной церкви совершил епископ Пермский и Соликамский Петр (Лосев) 25 июня 1900 года. По проекту архитектора А.И. Ожегова был возведен и освещен в 1905 году новый храм, как и прежний, в честь Успения Пресвятой Богородицы. XIX век для русской культуры стал временем поиска национального стиля. На этом примере мы наблюдаем обращение к отечественным

⁵ *Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь. Электротипография губернского земства, 1913.*

традициям XVI-XVII веков. Облик Успенской церкви сочетает в себе отзвуки деревянного храмового зодчества и элементы «русского» стиля, характерные для архитектуры второй половины XIX века. Объемно-планировочное решение нового каменного храма в значительной мере повторяет формы прежнего деревянного.

В поздний период истории русской цивилизации происходит самоидентификация национальной культуры, обретается собственный оригинальный образ. Вот почему XIX век вошел в отечественную историю как «Золотой век русской культуры»⁶.

Многие десятилетия Пермское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) осуществляет мероприятия по программе «Пермский некрополь» (рук. В.Ф. Гладышев), предусматривающей архивные и натурные исследования Егошихинского кладбища, проведение акции «Общая память» по благоустройству, очистке и приведению в порядок территории, обновление или замену надгробий и памятников наиболее выдающихся сограждан, похороненных на Егошихе. Разработки Пермского отделения ВООПИиК неоднократно становились призерами городских конкурсов социально-значимых проектов «Общественная инициатива». Среди наиболее заметных результатов с 1990-х годов можно отметить участие в сборе средств на восстановление Успенской церкви, изготовление и установка двух больших стендов со схемами кладбища, установка указателей по территории кладбища, реставрация мемориальной скульптуры Ангела у Всехсвятской церкви, восстановление более десятка надгробий, составление информационного банка данных. Все эти работы проводятся по благословению настоятелей кладбищенских храмов и по согласованию с Пермской городской администрацией.

⁶ В статье автором использованы материалы: *Перескоков Л.В.* Архитектура г. Перми (дореволюционный период). Дипломная работа. Свердловск, 1984; *Перескоков Л.В.* Рукопись книги «Храмы земли Пермской» Т. I. Город Пермь; *Перескоков Л.В.* О некоторых философских аспектах кладбищенских храмов (на примере Всехсвятского и Успенского храмов в г. Перми) // Материалы «круглого стола» «Храмы Егошихинского кладбища, их роль и значение как центров православной духовности и культуры». Пермь, 11 декабря 2004 года.

Корчагин Павел Анатольевич

Старший научный сотрудник Пермского филиала
Института истории и археологии Уральского отделения РАН,
кандидат исторических наук

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТИ ПЕРМСКИХ ПОДВИЖНИКОВ

Дмитрий Емельянович и Дмитрий Дмитриевич Смышляевы – выдающиеся общественные деятели Перми, внесшие заметный вклад в экономическое и общественно-политическое развитие города.

Дмитрий Емельянович Смышляев (1790(?) – 18.05.1857) – пермский купец, вел оптовую торговлю (в том числе на Нижегородской ярмарке). Основанный им в 1824 году завод церковных восковых свечей являлся одним из крупнейших пермских предприятий. В 1837 году он основал первое в Перми предприятие капиталистического типа – канатную фабрику, находившуюся в полуверсте за городом за Сибирской заставой.

С 1823 по 1826 годы Д.Е. Смышляев занимал должность пермского городского головы, поддерживал близкие отношения с графом М.М. Сперанским, находившимся в ссылке в Перми с 1812 по 1814 годы. Д.Е. Смышляев собрал большую библиотеку, в которой много было библиографических редкостей, оригинальных старинных рукописей и списков; библиотека эта была куплена у генерала Томилова. Эта библиотека, переписка с М.М. Сперанским, как и обширный минера-

логический кабинет погибли в пожаре 1842 года. Дмитрий Емельянович являлся автором принятого Священным Синодом проекта, по которому был утвержден учет церковного свечного сбора, назначенного на содержание духовных семинарий и училищ.

Смышляев Дмитрий Дмитриевич (22.02.1828 – 15.11.1893) – известный общественный деятель и исследователь, историк Пермского края. По окончании курса в Пермской гимназии он занимался торговыми делами, но потом обратился к изучению местной истории и принял горячее участие в устройстве публичных чтений и воскресных школ, в основании женской гимназии и так далее. С 1870 по 1879 годы он являлся председателем губернской земской управы: выдвинул на первый план вопросы народного образования, медицины и улучшения экономического быта населения, основал «Сборник Пермского земства» (при нем вышло 34 номера). Позже он редактировал неофициальную часть «Пермских губернских ведомостей».

К основным трудам Д.Д. Смышляева относятся: «Пермский сборник» (М., 1858 и 1860); «Источники и пособия для изучения Пермского края» (Пермь, 1876); «Записка к проекту Пермско-Уральской железной дороги» (СПб., 1870); «На пути к Синаю» (Пермь, 1878); «Синай и Палестина» (Пермь, 1877); «Мертвое море и нечестивый Пентаполь по новейшим исследованиям» (Пермь, 1881); «Сборник статей о Пермской губернии» (Пермь, 1891), «Лжеучитель Мензелин» (Вестник, изд. археологического института, 1886, кн. V); «Писательница Е.А. Словцова-Камская» («Исторический вестник», 1881, № 5); «К истории судоходства в Зауралье» («Пермские губернские ведомости», 1877, № 79 и 80); «Библиографические сведения о разных изданиях, касающихся Пермской губернии» («Пермские губернские ведомости», 1882, № 9–43; 1883, № 5); «Материалы для истории Пермской губернии и города Перми» («Пермские губернские ведомости», 1883, № 1–3); «Сибирский тракт и дороги Западной Европы» («Пермские губернские ведомости», 1886, № 5 и 6); «Указатель статей о Пермской губ.» (Пермь, 1885)¹.

В 1832 году деревянный храм в честь Всех Святых на Старом кладбище переименован в храм в честь Успения Богородицы, поскольку

¹ См. III том «Пермского края» (Пермь, 1895); «Пермские губернские ведомости» за 1893 год, № 100 и 101; VI выпуск «Сборника материалов для ознакомления с Пермской губ.» (Пермь, 1894).

Д.Е. Смышляевым на соседнем Новом кладбище был заложен каменный Всехсвятский храм с приделом во имя святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Первоначально предполагалось возведение храма на деньги, собранные по подписке, но поскольку основные средства на строительство внес Д.Е. Смышляев, он стал считаться храмовладельцем, и под алтарем был приготовлен склеп для захоронения основателя храма. В краеведческой литературе утвердилось мнение, что и Д.Д. Смышляев похоронен рядом с отцом.

В метрических записях Всехсвятского храма содержатся следующие сведения об обстоятельствах смерти и погребении Д.Е. и Д.Д. Смышляевых: «Первой гильдии купец Дмитрий Емельянович Смышляев, 67 лет, умер от старости, погребен в соборе». А также: «Потомственный почетный гражданин Дмитрий Дмитриевич Смышляев, 74 лет, умер от паралича, совершал погребение Преосвященный Петр, Епископ Пермский и Соликамский, с Протоиереями Александром Воскресенским, Дмитрием Коровиным, Василием Удинцевым, священником Иоанном Будриным, Протодьяконом Константином Пономаревым и дьяконами Анатолием Калачниковым и Федором Бутовыми, погребен на градском Всехсвятском кладбище».

В записи о смерти Д.Д. Смышляева неверно указан его возраст. А.А. Дмитриев уточнил эти данные на основании автобиографической записки самого Дмитрия Дмитриевича, переданной исследователю в 1889 году: «Судя по записи, сделанной рукой отца его, Дмитрия Емельяновича, на поле старинного Евангелия, он, Дмитрий Дмитриевич, родился 22 февраля, а по церковному свидетельству о рождении и крещении 13 марта 1828 г.». В другой статье тот же автор указывает: «Смерть постигла его на 66 году жизни. Он скончался 15 ноября 1889 года от паралича, а 17-го числа был предан земле в родовой усыпальнице, под сводами новокладбищенской Всехсвятской церкви, где положен возле своего отца...»

Таким образом, сведения метрических книг ставятся под сомнение информацией пермского историка, известного своей точностью и добросовестностью. Кроме того, в воспоминаниях Солодовниковой о последних днях жизни Д.Д. Смышляева, опубликованных в «Пермских губернских ведомостях», указывается: «Смышляев умер от паралича

сердца 15 ноября 1893 г. в 8 часов утра, на 66 году жизни, 17 ноября он был погребен в склепе, устроенном под сводами новокладбищенской церкви, где был положен рядом со своим отцом, строителем этой церкви. Похороны Смышляева были многочисленными, его гроб утонул в венках...»

Цитируемые мемуары могут считаться свидетельством очевидца, говорящим о факте совместного захоронения Д.Е. и Д.Д. Смышляевых. В то же время в метрической записи исчерпывающе перечислены представители клира, принимавшие участие в похоронах Д.Д. Смышляева, и этот факт выдает информированность автора записи. Таким образом, в письменных свидетельствах содержались противоречивые данные, нуждающиеся в уточнении. Поэтому 23–25 июня 2003 года группой сотрудников Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета во главе с кандидатом исторических наук П.А. Корчагиным по обращению иерея Алексия Марченко в склепе под алтарем Всехсвятского храма Егошихинского кладбища города Перми проведены исследовательские охранные мероприятия. Целью работ было изучение сохранности склепа, обнаружение останков этих видных общественных деятелей Перми и сбор материалов для предстоящей реконструкции памятника.

Усыпальница подверглась коренной перестройке в годы Великой Отечественной войны, когда храм недолго находился в ведении светских организаций. Его превратили в раздевалку, надгробные плиты убрали, нарушили целостность склепа (сняли верхние ряды кирпича), он был заполнен строительным мусором, а сверху залит цементом для устройства пола.

При раскопках на расстоянии около трех метров от входа в склеп в шурфе обнаружили кирпичную стенку погребальной камеры, сложенную из кирпича середины XIX века (длиной 32 см), из которого была выполнена и основная кладка храма. Однако верхний ряд кладки оказался выполненным из позднейшего (XX века) кирпича длиной 27 и 24 см, что свидетельствует о том, что камера в XX веке подверглась перестройке. Погребальная камера имеет внутренние размеры 242х84 см.

Слой бетона над погребальной камерой в целях обеспечения максимальной целостности сооружения сняли на площади всего около 0,32

кв. м. Этого оказалось достаточным для обеспечения выборки грунта и изучения внутреннего объема камеры. Под бетонной заливкой было свободное пространство около 40 см высотой, но остальной объем камеры оказался заполнен землей, содержащей слабо перегнившие деревянные доски и бруски, сосредоточенные в основном у южной стенки. Внутренние поверхности камеры, вероятно, первоначально были оштукатурены: в заполнении обнаружили куски штукатурки.

На глубине около 65 см от верхнего обреза кладки камеры были расчищены верхние доски гроба, который оказался единственным. Остатки гроба сильно истлели и разрушались без усилий. На внутренней поверхности гроба сохранились некоторые фрагменты зеленой парчи с позолоченной нитью, которой когда-то были обиты доски. Обнаруженные останки, несомненно, принадлежат Д.Е. Смышляеву. Никаких следов второго погребения не обнаружили.

Погребальная камера склепа Смышляевых сооружалась в расчете только на одно погребение – Д.Е. Смышляева. Вероятное захоронение Д.Д. Смышляева было возможно лишь при условии, что его гроб поставят сверху на гроб отца, поскольку в камере шириной 84 см разместить рядом два гроба невозможно. Целостность камеры склепа была нарушена в XX веке, о чем свидетельствует как наличие кирпичей данного времени в верхнем ряду кладки, так и заполнение землей внутреннего объема камеры. Невозможно представить, что ремонтно-строительные работы, повлекшие осквернение захоронения храмоздателя, могли проводиться по инициативе клира Всехсвятского храма. Нарушение камеры склепа Смышляевых могло произойти лишь в короткий промежуток времени, когда здание храма находилось в пользовании светских организаций, – с 1938 по 1943 годы.

Дату проведения ремонтно-строительных работ можно уточнить по косвенным признакам. На большей чугунной топочной дверце печи с линейно-прямоугольным орнаментом по периметру, которая, без сомнения, была сложена в период общего переустройства помещения склепа, имеется надпись: «г. Молотов». На меньшей топочной дверце с тем же орнаментом имеется надпись: «г. Пермь». Как известно, Пермь переименовали в марте 1940 года. Таким образом, датировку разорения склепа можно сузить до временного отрезка с марта 1940 до 1943 года.

Тогда существовавшие надгробие и своды погребальной камеры были разобраны, камера засыпана землей со строительным мусором и забетонирована поверх земли. С течением времени земляная засыпка уплотнилась и осела, образовав обнаруженное нами пространство. Именно в тот период гроб Д.Д. Смышляева (предположительно находившийся там) мог быть изъят из склепа и перезахоронен на территории кладбища. Возможно, он просто мешал строителям из-за своего относительно высокого расположения.

Вывод о принадлежности обнаруженных в склепе останков Д.Е. Смышляеву основывается на следующих соображениях:

- гроб установлен непосредственно на пол камеры, а значит, является первым из двух возможных погребений;
- к моменту нарушения целостности камеры в 1940-е годы (более чем через 100 лет после погребения) гроб уже истлел, и его было невозможно извлечь из камеры целиком, в отличие от гроба Д.Д. Смышляева, который к тому времени пролежал бы всего около 60 лет.

Поскольку указания источников о месте погребения Д.Д. Смышляева противоречивы, то возможно высказать предположение, что во время ремонта склепа останки Дмитрия Дмитриевича из него вынесли. Для проверки сведений других источников в течение двух полевых сезонов (2004–2005 годов) проводились исследования на территории алтарного кладбища. В ходе работ обнаружили пять забытых надгробных плит, но памятник Д.Д. Смышляева так и не нашли.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Д. Д. Смышляев

ПИСЬМА С ВОСТОКА

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Иерихон. Мертвое море. Иордан¹

25 января, в субботу, около 10 часов утра выехал я из Иерусалима по направлению к Иерихону в сопровождении старика-шейха деревни Силоам Хусейн Зиари, рекомендованного мне о. Антонином. Оставив Русские Постройки, мы повернули влево, проехали мимо латинского госпиталя св. Людовика, вдоль городской стены и Дамасских ворот с одной стороны и двух русских пустующих участков земли (Хомси и Егнеми или Бережие) с другой, спустились в Кедронскую долину, потом поднялись по долине между Елеоном и горою Соблазна и проехали чрез Вифанию. Вправо от нас, на возвышении, виден *Абу-Дис* – древний *Бахурим*, чрез который бежал к Иордану Давид от возмущившегося сына и где Семей, сын Геры из дома Саулова, встретил его камнями и проклятием (2 Цар. 16, 1, 5, 6). Здесь же Ионафан и Ахимас, имевшие секретное поручение Давида, были преследуемы

¹ Текст печатается в авторской редакции по публикации: Письма с Востока. Письмо третье: Иерихон. Мертвое море. Иордан // Пермские епархиальные ведомости. 1886. 1, 16 ноября. № 21, 22. – Подпись: Пермяк.

и скрылись в цистерне одного дома: не будучи найдены посланцами Авессалом, они вышли из цистерны и отправились к царю с советом бежать за Иордан.

Дорога от Вифании спускается вниз; повернув вправо, мы вскоре достигли источника *Аин-Гауд*, проехав на пути мимо участка земли, расчищенного под сад и купленного недавно бывшим садовником Греческой Патриархии. Аин-эль-Гауд, иначе называемый Апостольским источником, есть, может быть, упоминаемый в Библии источник *Эн-Шемеш* на границе колен Иуды и Вениамина, между Эн-Рогелом и подъемом Адомим (Нав. 15, 7; 18, 16–18). В воде этого источника иногда попадают весьма мелкие пиявки. Далее по дороге встречаются распаханное поле; зеленые всходы, их покрывающие на склонах гор, приятно ласкают глаз, утомленный доселе видом голым скал. Через час езды, на высоте, видны стены *Калаат эд-Демм* (замка крови) – *Castrum Adamim* средних веков, а затем вскоре мы проехали через узкий проход в скале кровавого цвета и достигли довольно большого здания недавней постройки *Хан эль-Хатрур*, воздвигнутого на том месте, где, по преданию, была гостиница, в которой добрый самаритянин поместил найденного им на дороге избитого и ограбленного разбойниками человека (Лк. 10, 30–34). Настоящее здание представляет восточный хан, устроенный на половине пути между Иерусалимом и Иерихоном для пристанища странствующих. Ему предшествует идущая полукружием стена, с бойницами для ружей.

Дав отдохнуть несколько нашим животным и слегка позавтракав, я продолжал путь. Отсюда он идет по возвышенности Адомим (Нав. 15, 7), и с каждым шагом представляет более трудностей: приходилось пробираться иногда по окраинам отвесных скал над глубокими пропастями. Уклонившись несколько в сторону, я проехал по чрезвычайно опасной тропинке, пролегающей по краю обрыва, точно по карнизу здания, чтоб видеть на другой стороне узкого, чрезвычайно глубокого и мрачного ущелья *Уэд-эль-Кельт*, прилепленный, как ласточкино гнездо, к отвесной скале *монастырь Георгия Хозевита*. Небольшая церковь с куполом и кельи монахов, ярко выбеленные, красиво выделяются на красно-буром фоне скалы. Не в дальнем расстоянии от монастыря, влево, видны поперек долины три полуразрушенные арки древнего водопровода, пересекавшего ущелье. Через полчаса я проехал мимо

развалин *Беит Джабер*, находящихся возле дороги вправо и представляющих, по-видимому, древнюю цистерну. Отсюда открылась предомно обширная равнина, простирающаяся до Иордана и Мертвого моря; за ней виднелись вдаль, окруженные зеленью садов, несколько белых домиков и небольшая церковь: это Иерихон.

Почти на конце спуска с горы, вправо, видна ровная квадратная площадка, которая есть не что иное, как заплывший тиной древний пруд. Вправо от подошвы гор не особенно живописно торчат вдаль остатки древних стен, называемые местными жителями *Карбет Какун*, влево, возле дороги, насыпной холм *Тель эль-Алаик*, а опять вправо, в некотором расстоянии остатки стен обширного древнего пруда *Биркет Муса*. Затем показались красивые арки возобновленного древнего водопровода, пересекающего долину *Уэд-эль-Кельт*, и вскоре я въехал в беспорядочную чащу кустарников и деревьев, среди которых разбросаны строения, виденные мною издали.

Еще несколько минут – и я слез с осла у ворот обширного двухэтажного дома о. Антонина. Хусейн Зиари долго стучал в ворота, пока во дворе послышалось движение. Ворота отворил прислужник дома, серб Дмитрий Николаевич, хорошо говорящий по-русски, по-арабски, по-турецки и по-гречески, а вскоре вышла к нам и управительница, старуха лет 50, Наталья Павловна. Влево от ворот дом, а вправо дворик, огороженный невысокою стенкою для помещения лошадей и ослов, и за ним – одноэтажное здание, состоящее из трех комнат; в одной из них помещается Дмитрий Николаевич, две других назначены для погонщиков и провожатых. Пред домом густая группа бананов с огромными, истрепанными ветром листьями; между последними выставляются красно-бурые громадные цветы, вершков шести в длину, похожие на мешок, накрытый сверху шапкой с ушами, из-под которой выглядывают густые, как щетка, пыльники. Длинный стержень, на конце которого висит цвет, густо усажен зреющими плодами, видом своим напоминающими зеленые продолговатые огурцы. Далее – несколько сикоморов; возле них навес из винограда, защищающий от тропических лучей солнца колодезь. Еще далее видны пальмы, уже достигшие громадного объема, со стволом в обхват, хотя посажены семенами всего четыре года назад, за ними опять чаща бананов и т.д.

Красивый каменный дом построен в два этажа; во второй этаж ведет с двух сторон двойная лестница, упирающаяся обоими концами в верхнюю открытую площадку пред входною дверью. Большой зал в 41 фут длиною и 18 ½ шириною, обставленный во всю длину трех стен широкими диванами, разделяет верхний этаж на две части; вправо и влево от него идут коридоры, по 42 фута длиною каждый; по обе стороны коридоров расположены обширные комнаты для приезжих, всего их семь; в каждой по три кровати; восьмая – на случай приезда хозяина или каких-либо важных лиц. В северном конце коридора приставная лестница ведет на террасу дома; по обе стороны ее находятся кладовая и необходимые места. В нижнем этаже, посередине, обширная столовая для поклонников, а по обе стороны ее две больших общих залы по 37 футов длиною и 17 шириною, и четыре отдельные комнаты, из коих в трех помещается по три кровати, а четвертая комната занята управительницею. В угловой комнате, обращенной на северо-запад, когда еще верхний этаж дома не был отстроен, помещались в 1882 году великие князья Сергей и Павел Александровичи, портреты которых здесь висят на стенах.

Отдохнув с дороги, я прошелся по саду; он невелик и часть принадлежащего к дому места не засажена, что объясняется недостатком воды для орошения, из-за которого возникают беспрестанные пререкания с соседями-греками, перекапывающими канал, проводящий воду в сад о. Антонина из источника Елисея, через их участок. В саду отрыты остатки древнего здания с колоннами, к которому о. Антонин приурочивает какое-то евангельское событие. Неподдалеку от них виден простой, но приличный памятник, на доске которого читается следующая надпись: «Dr. Fridrich Mook, geb. am 29 September 1844 zu Bergzabern Pfalz Deutschland, im Iordan am 13 December 1880 entrunkен. Expedition Riebeck» (Доктор Фридрих Мок, родился 29 сентября 1844 в Бергцаберн-Пфальце, в Германии; утонул в Иордане 13 декабря 1880. Экспедиция Рибек). Покойный доктор, человек, как видно, в полном цвете лет, понадеявшись на свои силы, вероятно, вздумал переплыть священную реку; но Иордан, имея громадное падение, с необыкновенною быстротою катит свои мутные волны и шутить не любит; не один смельчак, надеявшийся одолеть быстроту его течения, поплатился

жизнью за такую самонадеянность, и доктор Мок, успокоившийся навеки в саду о. Антонина, служит ясным тому свидетельством. Да послужит памятник его всегдашним напоминанием неосторожным и самонадеянным путешественникам об опасности слишком близкого знакомства с Иорданом! В нескольких шагах от этого памятника видна кучка камней, на которой водружен небольшой, кое-как сколоченный и уже покривившийся, крест с лаконичной надписью: «Крист схымниці». Никто не мог объяснить мне – что за «схымница» тут погребена. Солнце закатилось, и я расположился на покой, но в это время раздались «плач детей и женщин крики» – обычная музыка, которую стада шакалов обязательно приветствуют наступление ночи, дающей простор их хищническим наклонностям.

Дом о. Антонина построен в селение *эр-Ригга*, которое вообще принято называть Иерихоном, так как оно находится на месте, где стоял позднейший Иерихон. Слово Иерихон происходит, по мнению блаженного Иеронима, от еврейского корня, означающего луну и запах, благоухание, потому ли, что первобытные хананеяне, населявшие местность, поклонялись луне или по великолепным некогда садам, здесь бывшим и распространявшим благоухание. В первый раз этот город упоминается в книге Чисел (Числ. 22, 1). Во Второзаконии и книге Паралипоменон он называется также *Городом Пальм* (Втор. 34, 1 и 3; 2 Пар. 28, 15). Предварительно перехода чрез Иордан Иисус Навин послал двух согладатаев, чтобы осмотреть страну и вызнать силы Иерихона. В это время город управлялся царем и был окружен крепкими стенами, ворота которых на ночь запирались. Дом блудницы Рахавы, укрывшей израильских согладатаев, был прислонен к городской стене, как это должно заключить из 15 стиха второй главы книги Иисуса Навина. Из Библии известно, каким образом был разрушен этот город израильтянами. Затем израильский вождь изрек проклятия на того, кто восстановит его стены (Нав. 6, 25). Иерихон вошел в состав территории колена Вениамина. Когда послы Давида были обесчещены царем аммонитским обритием бород, Давид велел им остаться в Иерихоне, пока бороды их не отрастут (2 Цар. 10, 5; 1 Пар. 19, 5). Из этого надобно заключить, что город продолжал отчасти существовать и после разрушения его Иисусом Навином, хотя не имел, может быть, крепостных

стен, ибо только позже в царствование Ахава, царя Израильского, и Асы, паря Иудейского, Ахиил Вефилянин вполне восстановил его, и на него пало проклятие Давида: едва он заложил стены, как потерял своего первенца Авирама, а когда поставил городские ворота, умер младший из его сыновей Сегуб (3 Цар. 16, 34).

По взятии Илии живым на небо за Иорданом против Иерихона его ученик Елисей пребывал некоторое время в этом городе и сделал годными к употреблению в пищу воды протекавшего там источника (4 Цар. 2, 21–22). Во время осады Иерусалима Навуходоносором, царь Седекия, предвидя неизбежное падение города, бежал с частью защитников к Иордану, но был преследуем и настигнут халдеями в Иерихонской равнине и спутники его разбежались (4 Цар. 25, 5; Иерем. 39, 5–9). В числе израильтян, возвратившихся из вавилонского плена под предводительством Зоровавеля, было 345 происходивших из Иерихона (1 Езд. 2, 34; 2 Езд. 5, 7). Они приняли участие в восстановлении стен Иерусалима близ Овчьих ворот и башни Ананиила (Неем., 3, 1–2, 8).

До пленения Иерихон, по всей вероятности, продолжал существовать на первоначальном месте: Ахиил восстановил его на развалинах древнего города, разрушенного Навином и находившимся, по свидетельству Иосифа, возле источника, впоследствии получившего название источника Елисея; но в настоящее время трудно определить точно его местонахождение, так как первый город, равно как и восстановленный Ахиилом, были разрушены до основания; теперь только можно видеть несколько насыпных холмов в виде громадных курганов и массы строительного материала, покрывающего почву на большом пространстве.

Герен полагает, что, по возвращении из плена, прежние жители, возвратившиеся на родину, из опасения подвергнуться последствиям проклятий Навина, поселились несколько южнее, вблизи русла Уэд-эль-Кельт, там, где теперь видны упомянутые выше развалины Карбет Какун. На этом месте и был город, современный Спасителю. Ирод распространил и украсил его постройкой многих дворцов, ипподрома и амфитеатра, а над городом соорудил крепость Кипрос, названную так в честь его матери. Вблизи дворцов были вырыты громадные пруды; один из них, *Биркет-Муса*, упомянут мною выше. В нем, вероятно,

был утоплен, по приказанию Ирода, юноша Аристовул, внук первосвященника Гиркана. Герен определяет размеры этого пруда в 200 шагов в длину и 170 в ширину; но по моему тщательному измерению он оказался значительно больших размеров: в одну сторону 72 сажен. 1 фут, а в другую 87 саж. $1\frac{1}{2}$ фута, что представляет площадь около 6,265 кв. сажен. Толщина стен различная: в 6, 7 и 9 футов. Наибольшая толщина в юго-восточном углу, где, по-видимому, было какое-то особенное приспособление, может быть нечто вроде закрытых мест для раздевания купающихся. С южной стороны идет другая стена, параллельная стене бассейна, в 8 футов толщиной, образующая, таким образом, проход или проезд в 6 сажен. 3 фут. На юго-востоке она делает поворот под прямым углом, образуя проход в 10 сажен. 6 фут. шириною, но затем, далее к северу, следы ее теряются. В самом юго-восточном углу заметны несомненные следы башни. Пруд наполнялся водою, по мнению Герена, из источника Аин эль-Кельт посредством водопровода, остатки которого еще можно заметить. Аин эль-Кельт протекает по долине *Уэд-эль-Кельт* и, по мнению Герена, есть древний поток *Кериф*, у которого пребывал некоторое время пророк Илия, чудесно питаемый воронами, во время бегства своего от Ахава (3 Цар. 17, 2–9).

Находящийся неподалеку от Карбет Какун вышеупомянутый холм Тель эль-Алаик был раскопан в 1868 году лейтенантом Вареном и в нем были найдены основания древних построек, много обломков древних стеклянных вещей, большая римская амфора с латинской надписью, а на 8 футах ниже поверхности равнины – громадная чаша, рассыпавшаяся в пыль при прикосновении; должно полагать, происхождения весьма древнего. Страбон говорит, что Помпей разрушил два форта, защищавшие приступ к городу и носившие название Трекс и Таурус. Может быть, развалины одного из них видны еще ныне на вершине Сорокадневной горы. Известно, что Ирод, страдая неизлечимой болезнью и предвидя свой близкий конец, велел перенести себя в Иерихон. Будучи уверен, что смерть его возбудит большую радость подданных, измученных его жестокостями, он велел запереть в ипподроме Иерихона наиболее уважаемых народом лиц и просил сестру свою Саломею и ее мужа умертвить заключенных в самый момент его смерти. Испытывая невыносимые боли, он пытался лишить себя

жизни, но был удержан одним из своих родственников; в тоже время он спешил казнь своего сына Антипатра, обвинявшегося в заговоре против отца и находившегося в заключении, и разделил окончательно свои владения между сыновьями Архелаем, Иродом Антипою и Филиппом и сестрою своею Саломеей. Он умер чрез пять дней после казни Антипатра. Пока еще не распространился слух о его смерти, Саломея и ее муж Алексас поспешили выпустить заключенных в ипподроме на свободу и, таким образом, последнее злодейское желание тирана не было исполнено.

Евангелисты Матфей, Марк и Лука повествуют об исцелении Спасителем одного или двух слепых (Мф. 20, 29-34) при входе со стороны Иерусалима в Иерихон. Надобно полагать, что это чудо было совершено при подошве подъема Адомим, именуемого ныне *Акабет Джабер*. Затем апостол Лука говорит, что Спаситель вошел в город, где малорослый Закхей влез на смоковницу, чтобы его видеть. Когда Веспасиан взял Иерихон, последний был главным городом одной из 11 топархий Иудеи. Он поставил в нем гарнизон. Евсевий (в IV в. по Р. Хр.) говорит: «Этот город (второй Иерихон) был разрушен в свою очередь во время осады Иерусалима за измену его жителей: потом возник *третий* город – тот самый, который существует поныне». Этот третий город, несомненно, был на том месте, где ныне находится деревушка эр-Ригга. В нем существовала епископия, подчиненная архиепископии Кесарии Приморской. Он был разрушен в 614 г. Хозроем и в 637 г. Омаром ибн-эль-Хаттабом.

Аркульф, посетивший Палестину около 670 г., говорит, что видел развалины третьего Иерихона, на которых возделывались виноград и пшеница, а пространство от развалин до Иордана было покрыто пальмовыми рощами, вперемешку с возделанными полями, где жили многочисленные хлебопашцы небольшого роста хананейской расы. Во время Крестовых походов иерихонский епископ был суффрагатом Иерусалимского Патриарха и в городе существовали три монастыря. Доходы с иерихонских садов были предоставлены в пользу Гроба Господня. Позже королева Мелизенда, вдова короля Фулька Анжуйского, отдала их Вифанскому аббатству, основанному ею в 1187 году. По уничтожении Латинского королевства, Иерихон должен был постепенно

клониться к упадку, но, тем не менее, по свидетельству многих паломников, благодаря плодородию почвы, орошаемой источником Елисея, его роскошные сады продолжали существовать довольно долго. Таким образом, из вышесказанного видно, что первобытный хананейский Иерихон, разрушенный Навином, стоит при вершине источника Елисея; второй, современный Спасителю, был на том месте, где ныне видны развалины, именуемые арабами Карбет Какун, а третий, игравший видную роль еще во времена Крестовых походов, находился там, где теперь существует бедуинская деревушка эр-Ригга.

Во время первого моего посещения низовьев Иорданской долины, в 1865 году, существовала только означенная деревушка, состоявшая из 20-30 жилищ, которые нельзя назвать ни домами, ни хижинами, это какие-то логовища, не изменившиеся и поныне, представляющие грубые мазанки, прилепленные к остаткам разрушенных стен и окруженные валом из сухих ветвей колючего растения *Zizifus Spina Christi*. Крайне неопрятные и некрасивые жители этих логовищ, едва прикрытые лохмотьями, скорее похожи на зверей, чем на людей. Тип их представляет совершенную особенность между бедуинами, и весьма может быть, что жители Ригги суть потомки того хананейского племени, которое застал на этих местах в VII веке Аркульф. Они ровно ничего не делают и не согласятся работать, даже понуждаемые голодом. Владея превосходными землями, они сдают их в последнее время в аренду иерусалимским жителям, получая арендную плату натурой. У самой деревушки существовала и существует поныне сторожевая башня относительно недавней постройки, но с древним основанием, в которой живут несколько турецких башибузуков. Путешественники предупреждались против этой башни, замечательной необыкновенным обилием весьма кроважанных блох. Поклонники считают эту башню домом Закхея.

Ныне, когда я спускался с гор в Иерихонскую равнину, я не верил глазам своим, завидев вдали небольшое настоящее селение с белыми домиками, красивые арки возобновленного водопровода и даже церковь. Все это возникло в последние годы. Первым построился здесь наш пермяк архимандрит Антонин, в семидесятых годах, а, глядя на него, стали строиться и другие жители Иерусалима; большинство

построек принадлежит русским. Первый обрабатываемый под сад участок земли при спуске в долину эль-Кельт принадлежит грекам. На следующем за ним месте красуется небольшой, легкой постройки, двухэтажный домик бывшей русской помещицы Александры Дмитриевны Богдановой, поселившейся навсегда в Иерусалиме, где она проживает в греческом Никольском монастыре. Домик г. Богдановой снабжен всем необходимым для заезжих путешественников, в верхнем этаже его две комнаты и прекрасная веранда, обращенная к саду, в нижнем – одна жилая комната и гостиная; в каждой комнате по две кровати. При доме обширный прекрасный сад тропических деревьев с обильным запасом воды. Домом заведуют две русские женщины – Апполинария Васильевна и Пульхерия Ивановна, отличные хозяйки. В доме г. Богдановой преимущественно останавливаются католики, не имеющие в Иерихоне собственного приюта.

В соседстве с г. Богдановой большой участок земли с убогим домиком принадлежит католику-арабу Станиславу Ханна-Хабес; при нем обширный сад плодовых деревьев. За ним следует православная церковь, освященная во имя пророка Елисея на второй неделе Великого Поста, в настоящем году и построенная на собственный счет московской купчихой Киселевой. Церковь небольшая, но красивая, с очень хорошим иконостасом, находится в ведении греческого духовенства; при ней живут один грек иеромонах и двое послушников, занимающихся возделыванием сада и обширных огородов, тут же находящихся. В саду замечательны пальмы, бананы и девятилетний виноград, со стволами необыкновенной толщины, более аршина в объеме. В соседстве с церковью находится сад и домик, принадлежавший уроженке Тамбовской губернии Евфимии Яковлевне Сушковой, бывшей прежде управительницей Иерихонского дома о. Антонина. В ее саду замечательны громадные плоды цедрара.

Место бывшее афонского монаха Иоасафа Плеханова, ныне принадлежащее Православному Палестинскому Обществу, именуемое по документам *Хакурат эль-Бирке*, занимает пространство в 11 дуномов или 17.600 кв. драа (дуном = 1.000 кв. драа; драа = 87 кв. сантиметрам). Этот превосходный участок обильно снабжен водою из источника Елисея и особенно замечателен великолепными бананами и виноградом.

Он представляет также громадный интерес для археологии. На нем в нескольких местах открыты остатки древних зданий, водопроводных каналов; колонны, роскошные половые мозаики великолепных рисунков, множество древних вещей и монет; я видел из числа последних бронзовые подсвечники, лампы, изящное кадило с цепями, верхнюю часть сосуда с крышкою на тарнере, массивное дверное кольцо с львиною головою, глиняные слезницы (*lacrimatorii*). С изящной мозаики, в настоящее время засыпанной землею в предупреждение порчи поклонниками, особенными любителями мозаичных кубиков, у меня имеется фотография.

На означенном участке построены Плехановым два домика, заключающие 10 келий и часовню, так как прежний владелец предполагал тут учредить киновию. На небольшом возвышении не особенно живописно рисуется самодельной работы ветряная мельница. Заведует означенным участком мещанин города Скопина Иван Андреевич Рыков, родственник прославившегося в последнее время финансиста Рыкова, но не участник в его ловких операциях, проживавший пред сим десять лет в городе Ставрополе Кавказском – кроткий, работающий и добросовестный человек.

В соседстве с участком Палестинского Общества находится место, принадлежащее Вифлеемскому митрополиту Анфиму, проживающему ныне в Иерихоне на покое. Я посетил это место еще до водворения на нем Анфима и застал там заведующего хозяйством русского послушника Никиту, а чьих он пишется – не сказывал, уроженца Орловской губернии. Он приготовлял себе в саду какое-то варево и усердно приглашал меня его отведать, но оно выглядело так невкусно и котелок, в котором варилось, был такой грязный, что я наотрез отказался от приглашения; тогда Никита стал меня притеснять чайком, но я и от чая кое-как отделался, так как безногий самовар весь позеленел и внушал к себе сильное недоверие; наконец, гостеприимный орловец, придумывая, чем меня угостить, нарезал мне зеленого луку с гряд, и на этот раз доставил мне большое удовольствие как любителю этой снеди. В саду Анфима растут пальмы, бананы, лимоны и великолепные олеандры, которые при мне были сплошь покрыты цветами. Среди них находится небольшой плохонький домик, построенный прежним вла-

дельцем, русским монахом с Афона; ныне предполагается к постройке настоящий барский дом, камень для которого уже заготовлен в большом количестве. Наконец, невдалеке от дома о. Антонина, который выше мною уже описан, копают фундамент для дачного дома банкира русского консульства в Иерусалиме, Беркгейма. Почти рядом с ним небольшая площадка, на которой находится арабская кофейня, где заезжие нукеры (погонщики) и прочий правоправный люд наслаждаются во славу Магомета кейфом, разнообразя его глотанием кофейной гущи, сосанием нарбиле и игрою в кости.

Окрестности Иерихона по направлению к северо-западу заняты полями, засеянными пшеницею, почти до самых гор. Необыкновенно плодородная почва и жаркий климат равнины, находящейся на 204 метра ниже поверхности Средиземного моря и орошаемой водой источника Елисея, дают совершенно тропический характер местной растительности. Здесь в диком виде растут индиго, сахарный тростник, эль-хенне²; в садах быстро вырастают пальмы, бананы и т.п.

Из особенных растений, свойственных равнине и встречающихся на каждом шагу, замечательны: *набк* (*Zizifus Spina Christi*) – дерево, покрытое весьма острыми иглами и употребляемое для оград; *иерихонская роза* (*Anastatica hierochuntica*), весьма некрасивое растение, обладающее гигроскопическими свойствами и распускающееся в воде, если положено в нее в сухом виде. Арабы продают его на площадке против храма Воскресения в Иерусалиме под названием *каф-Мариам* (рука Богородицы). Трудно объяснить, почему это невзрачное растение принимается за иерихонскую розу, прославляемую Экклезиастом (Сир. 24, 15).

Де-Соси открыл другое, еще более гигроскопичное растение, похожее на большой величины маргаритку, около Аин Джидди (Энгади), на берегу Мертвого моря, но и оно не настолько красиво, чтоб могло возбудить восторг Экклезиаста. *Седеп* (*Rhamnus pabeca*), дерево, небольшие кисловатые плоды которого величиною в крупную горошину красноватого цвета, арабы называют *дум Закум* (*Elaeagnus angustifo-*

² Растение, дающее красящее вещество, о котором я говорил во втором письме. – Здесь и далее примечания Д.Д. Смышляева. [См. Письма с Востока. Письмо второе: экскурсия в землю Филистимлянскую // ПЕВ. 1886. 16 июня, 1 июля. № 12, 13. – Подпись: Пермяк].

licy) – бальзамник, по мнению Вильсона *myrobalsamum*, славившийся в древности; это невзрачное деревцо, с мелкими, редкими листьями, короткими, но очень острыми и загнутыми иглами, производит плод, похожий с виду на большую оливку зеленоватого цвета; зерно косточек этого плода толкут в ступке и затем вываривают в горячей воде, причем выделяется масло вроде миндального, которому арабы приписывают свойство залечивать раны. Оно продается довольно дорого; я заплатил за 2 золотника его 3 франка. Это будто бы и есть древний бальзам, которым так славились иерихонские сады.

Содомское яблоко (*Solanum Sodomeum seu Melongena*), лиловые цветы которого совершенно похожи на цветы нашего северного растения (*Solanum dulcamara*), известного в народе под разными названиями: *паслен*, *сладко-горько*, *сорочьи* и *гадючьи ягоды*. Красивый, но ядовитый плод, желтого цвета, величиною и видом напоминает известные у нас мелкие *китайские яблоки*. Внутренность его, наполненная множеством зерен, обращается в весьма мелкую черную пыль, когда плод источен насекомым, что подало повод поверью поклонников, будто это проклятое яблоко, растущее на развалинах нечестивого Содома.

Из зверей водятся в Иерихонской равнине вплоть до Иордана в большом количестве шакалы и кабаны. Множество птиц оглашают воздух своими криками, громадные стаи местной породы дроздов быстро переносятся с одного места на другое, водится даже особенный вид колибри. В прошедшем году видели эту миниатюрную птичку в Иерусалиме на Русских Постройках, где она проживала несколько дней на перечном дереве у консульского дома. Горные куропатки, голуби, горлицы, жаворонки, ласточки также водятся в большом количестве в Иерихоне и его окрестностях. Много ядовитых змей, укушение которых, впрочем, не смертельно, тысяченожек, мелких скорпионов и других беспокоящих человечество пресмыкающихся.

... 31 января в 10 часов утра направился я к источникам Елисея и Аин Дук и к Сорокадневной горе. Через 25 минут по местности, заросшей седером, я достиг холма *Тель эль-Мотлаб*, очевидно, покрывающего собой древние развалины, а еще через 10 минут – *Тель эль-Джальджул* (шейх мне назвал его, впрочем, *Тель эль-Джурн*). Здесь развалины выходят наружу, хорошо сохранились стены правильной кладки, в одном

месте видны на штукатурке следы живописи. Долго я копался в мусоре и собрал довольно кубиков мозаики, между которыми попадались и золотые. Это место, по определению археологов, есть древний *Галгал*. Израильтяне, по переходе чрез Иордан под предводительством Иисуса Навина, стояли станом в Галгале, к востоку от Иерихона, и сюда принесли 12 камней, взятых ими в русле Иордана в память чудесного через него перехода (Нав. 4, 19-22). В Галгале же Иисус Навин обрезал родившихся в пустыне израильтян кремниевыми ножами, и израильтяне оставались тут, пока не оправились после священной операции, а место названо было Галгала (Нав. 5, 2-3, 8-9). В Галгале они праздновали и Пасху (Нав. 5, 10). По переходе чрез Иордан манна перестала нисходить с неба и израильтяне стали питаться плодами земли, опресноками и ячменной мукою. Позже Самуил ежегодно приходил в Галгал судить народ (1 Цар. 7, 16). В 1095 г. до Рождества Христова Саул был в Галгале провозглашен царем (1 Цар. 11, 15). Через два года после этого Саул подвергся гневу Божию за то, что дерзнул в Галгале принять на себя права священства и совершил вместо Самуила жертву всесожжения Иегове. Самуил застал его при окончании священнодействия и провозгласил, что за его дерзновение царствование его будет непродолжительно и что Бог избрал вместо него другого царя (1 Цар. 13, 13-14). По смерти Авессалома, когда Давид готовился бежать от возмутившегося сына за Иордан, все колено Иуды пришло к нему в Галгал, чтобы торжественно ввести в Иерусалим (2 Цар. 19, 15).

Древние паломники Антонин Пьяченский и Аркульф в VII веке, и Виллибальд в начале VIII века упоминают о существовании в Галгале христианского храма, в котором сохранялись 12 камней, взятых израильтянами из Иордана. Виллибальд прибавляет, что храм был небольшой, деревянный. Бернар Лесаж в 870 году также упоминает об этой церкви и говорит, что виденные им в ней камни были очень тяжелые, так что два человека едва могли подымать такой камень, а один из них был расколот и связан железом. В этой же церкви сохранялась часть ножей, которыми были обрезаны израильтяне. Их находят еще нередко и поныне в развалинах, и даже мне посчастливилось отрыть один экземпляр этой замечательной древности. Далее от Галгала местность представляет чрезвычайно оригинальный вид: вся она усеяна

известковыми конусообразными возвышениями как муравейниками, растительность редкая, на дороге видны местами остатки водопровода и развалины, известные под названием сахарных мельниц. Тут, действительно, во времена Крестовых походов существовали сахарные заводы и крестоносцы впервые ознакомили Европу с иерихонским продуктом, называемым арабами *цукра*, откуда и произошли европейские слова: *sucré, zucker сахар*.

Наконец, я достиг и самого верховья источника Елисея, которое, по видимому, заключено было в древности в бассейне, остатки последнего, в виде полуразрушенного абсида, правильной каменной кладки, видны доселе. Вода вытекает в довольно скудном количестве двумя или тремя отверстиями, но в трех-четыре шагах бьет вверх из дна, вздымая песок, и тотчас же увеличивает образующийся ручей. Пророк Елисей негодные воды его сделал приятными на вкус, бросив в них горсть соли (4 Цар. 2, 19-22). Холм над источником, видимо, насыпной. Лейтенант Варрен разрывал его в 1868 году. В массе его заметны следы древних построек из обожженного на солнце кирпича, распадающегося, при прикосновении, в весьма мелкую пыль. Тут, несомненно, был, как уже сказано выше, первый Иерихон, разрушенный Навином.

Отдохнув у источника и полюбовавшись резвостью множества мелких рыбок, шнырявших в его воде, я отправился далее. По дороге опять видны остатки водопровода, наконец, я свернул в долину *Нуэйиме*, по другую сторону которой представляется во всем своем величии красно-бурого цвета Сорокадневная гора, сплошь изрытая пещерами. Чрез несколько времени вправо от дороги показалась могила мусульманского святого, которую шейх назвал мне *уали мукам имам Али*. Она вся обложена различными вещами, вероятно, приносимыми в дар погребенному в ней святому, и раз оставленную тут вещь никто из мусульман не смеет взять. Отсюда я переехал влево через долину к Сорокадневной горе, и, следуя подошвою ее на север, достиг источника *Аин Дук*. Тут собственно два источника, вытекающие из холма в противоположные стороны: к северу – *Аин Наиме* и к югу – *Аин Дук*. Последний гораздо обильнее, вода его превосходна. Под сенью гигантского седера, склонившего к руслу свои мощные ветви, я расположился позавтракать. В это время мальчик-араб, необыкновенно красивой и

симпатичной наружности, пригнал на водопой стадо черных вислоухих и худых коз. Старик-шейх вступил с ним в беседу, а я предложил кусок хлеба, сыру и маслин; мальчик сначала благодарил, прикладывая, по восточному обычаю, руку к сердцу и ко лбу, и отказывался, но потом взял и принялся не торопясь есть. Затем снова поблагодарил меня и, взяв мой стакан, наполнил его водою и поднес мне. И все это он делал с такой грацией, что мне невольно приходило в голову, откуда она могла взяться у этого «сына пустыни»? И какая разница в его наружности и манерах со зверообразными жителями Ригги! Ясно, что его племя не имеет с ними ничего родственного, общего...

Отдохнув, мы влезли на своих ослов и стали подыматься косогором по направлению к югу на гору, освященную сорокадневным пребыванием на ней, в посте и молитве, Спасителя. Долго следовали мы в виду довольно широкого канала, которым проведена на поля Иерихона вода из Аин Дук, сливающегося на некотором расстоянии от истока с водою Аин Наиме, поворачивающего свое течение с севера на юг. Канал густо оброс колоссальным тростником, которым обязательно запасаются поклонники во время странствия на Сорокадневную гору.

Подъем наш становился с каждым шагом круче и труднее. Местами видны пещеры, в которых помещаются арабы со своими стадами. Наконец, по краю глубокого обрыва мы добрались до крайнего пункта, до которого можно взбираться верхом. Далее приходится лезть пехтурой, по лестнице, высеченной в отвесной скале. Будучи подвержен головокружению, я не решился на такой рискованный подвиг и удовольствовался громадной панорамой, которая с этого пункта представляется глазам: прямо – Иордан, окаймленный с обоих берегов полосами зеленых кущей, заворачивающих потом на восток, с вздымающимися наподобие гигантской лестницы террасами, указывающими горизонт его вод в незапамятные времена, и на горизонте – подернутые лиловой дымкой мрачные Моавийские горы, встающие как колоссальные крепостные рубчатые стены; вправо к югу блестящее устье Иордана; врезающийся полукругом в материк северный берег Мертвого моря, уходящего вдаль и исчезающего там, в густом тумане. Поверхность его сверкает от солнечных лучей, как зеркало, а по ту сторону его опять те же Моавийские горы, только еще мрачнее и выше. Ближе, белыми

пятнышками представляются домики Иерихона, окруженные зеленой массой растительности. Под ногами – пропасть, от взгляда в которую кружится голова; правее продолжается она же, врезаясь в гору и обличая на дне своем следы каких-то древних построек.

Долго я любовался прекрасной картиной, сожалея, что не мог взобраться на верх горы, откуда вид должен быть еще обширнее и величественнее. Оттуда доносились звуки церковного колокола, призывающие к вечерне... Снизу плелась какая-то женщина, совершенно одна, опираясь на бадажок; вот она все близится и, наконец, можно различить, что это почтенная старушка, в чепчике и темных очках, и с деревянными сандалиями поверх башмаков на ногах. Старушка приблизилась, прошла мимо, не удостоив меня даже взглядом, и поползла тем же шагом по головоломной лестнице вверх, где скоро и скрылась из виду за поворотами скалы. Я невольно ей подивился: одна, в местах, далеко не безопасных, не знающая ни страха, ни усталости, ни головокружения! Вот она — настоящая-то паломница!... Солнце начало сильно склоняться к западу, когда я, досыта насладившись великолепной картиной, расстилавшейся предо мною, отправился назад и уже в сумерки воротился в гостеприимное жилище о. Антонина.

3-го февраля я сделал экскурсию к Мертвому морю и Иордану, в сопровождении Хусейна Зиари и Дмитрия Николаевича. Проехав мимо развалин на холме *Тель эль-Мегакфор*, и затем, следуя по краю сухого русла *Рор Гаджла*, я через час езды от Иерихона достиг *Казр Гаджла* – монастыря святого Герасима, долгое время остававшегося в запустении и развалинах, но ныне восстанавливаемого. Основание его относится, может быть, к первым временам христианства, но он, вероятно, был перестроен в позднейшую эпоху. Многие латинские путешественники упоминают о нем под именем монастыря святого Иеронима и говорят, что, по преданию, он построен на том будто бы месте, где этот учитель Западной Церкви подвизался в пустыне. Это несправедливо, ибо блаженный Иероним сам говорит в своих сочинениях, что местом его подвижничества был Халкис в Сирии. Нет никакого сомнения, что монастырь построен греками, как это можно заключить из остатков древней живописи на стенах, и посвящен памяти святого Герасима. Кирилл Скифопольский в «Жизни

святого Евфимия» говорит: «Великий Герасим, став одновременно гражданином и покровителем пустыни Иорданской, основал там большую Лавру, в которой было не менее 70 отшельников; кроме того, он соорудил в центре Лавры великолепный монастырь». Монах Епифаний, говоря о том же монастыре, сообщает, что он находится в трех милях от Иерихона к востоку, что совершенно верно.

Арабское название *Казр* (крепость) *Гаджла* свидетельствует, что монастырь был обнесен укрепленными стенами. Монах Фока в 1185 г. говорит о монастыре как о совершенно разрушенном разливом Иордана. В 1586 году Эуаллар нашел его обитаемым греками и говорит о нем следующее: «На границе Вениамина и Иуды, в двух милях от реки Иордан и от Мертвого моря, находятся остатки древнего монастыря, в которых живут еще монахи или подвижники греческие в большой бедности, строго исполняя устав Святого Василия, каковой монастырь основан на бывшем месте города *Вефагла*, и еще прежде, как видно из книги Бытия (Быт. 50, 10-13), *Ареа-Атада*, что значит гумно Атада, куда Патриарх Иосиф и его братья со старейшинами Египта первее прибыли, перейдя Иордан с телом их отца, Патриарха Иакова, умершего в Египте, – дабы похоронить его с Авраамом и Исааком в двойной пещере Хеврона; и в этом месте они остановились, чтоб справить поминки их отца, проведя семь дней в плаче и стенаниях кружась около гроба; почему удивленные этим жители страны называли это место *Египетской скорбью*, а евреи – *Вефагла*, что значит *Дом плача*.

Ныне, как я сказал уже выше, монастырь возобновляется попечениями Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Никодима, хотя постройки еще не все окончены и приостановлены за неимением средств. В 1883 году освящена церковь, иконы коей пожертвованы из России; в левом приделе сохранен древний мозаичный пол; в абсиде уцелела отчасти древняя стенная живопись. Вода в монастыре проведена из Елисеева источника. Живут в монастыре 6 монахов; игумен Климент, 70 лет, еле живой старик. Бывший до него первый игумен Иоасаф недостойно обманул доверие избравших его на сей пост и, захватив монастырскую казну, бежал на родину, кажется, на остров Кандию, где, по слухам, занимается торговлей. Это прискорбное обстоятельство было отчасти причиной остановки построек.

От монастыря святого Герасима видны к западу в горах значительные строения. Это *Неби Муса* – мусульманский монастырь *пророка Моисея*, в котором живут индийские дервиши. В этом монастыре, по уверению мусульман, находится гробница Моисея, привлекающая массы поклонников – последователей Магомета. Такое уверение, конечно, совершенно ложно, ибо из книги Второзакония видно, что Моисей умер на горе Небó, в Моавии, не войдя в землю Ханаанскую, которую ему суждено было увидеть лишь издали с вершины Фазга, самой великой на горе Небо. По смерти его, говорит Священная книга, он был погребен самим Богом в долине Моав против Фогора, и никто не знает места его гроба до сего дня (Втор. 34, 5-6). На самом деле, монастырь Неби Муса существует на месте древнего христианского монастыря, основанного святым Евфимием в V веке нашей эры. Бывши сначала монахом Фаранской Лавры, Евфимий удалился с другом своим Феоктистом в пустыню, где и поселился в пещере, посвятив себя строгому подвижничеству. Когда место его уединения стало известным и к нему начали стекаться многочисленные ученики, он вынужден был построить для них новую Лавру, церковь которой была освящена Ювеналием, епископом Иерусалимским. По кончине Евфимия на погребение его сошлось множество отшельников. Анастасий, преемник кафедры Ювеналия в Иерусалиме, воздвиг Евфимию в устроенном почившим монастыре великолепный памятник, исполненный диаконом Фидием. Позже, на того же Фидия преемник Анастасия епископ Мартирий возложил перестройку Лавры святого Евфимия в более обширных размерах, чтобы гробница основателя ее была в центре зданий.

Монастырь этот еще отчасти был в целости в начале XII века, как об этом свидетельствует русский паломник игумен Даниил: «А лавры святого Савы на восток лиц за горою монастырь святого Еуфимье и инии мнози святии отци ту лежат, телесы яко живи. И есть же монастырет на удольне месте и горы суть около его каменья подаль; монастырь же был градом оделан и церкви же была добра вверх. И ту есть близь был монастырь святого Феоктиста под горою на полудни лиц от монастыря Еуфимиева; и то все ныне разорено от поганых»³.

³ Житие и хоженье Даниила, русьския земли игумена. Изд. Прав. Палестинского Общества. СПб., 1885, Стр. 57.

Из Иерусалима ежегодно отправляются 15 апреля массы мусульман на поклонение ложной гробнице Моисея в Неби Муса. Мне привелось ныне видеть торжественный выход такого каравана из города. Я отправился заранее в Кедронскую долину, где примостился на крыле уали (небольшой мечети над могилой какого-то святого), рядом с пещерой гроба Божией Матери; тут же я застал уже двух фотографов с аппаратами; вся процессия прошла у меня пред глазами. Трудно изобразить оживленную пеструю картину, какую представлял собой склон горы от Гарам эш-Шерифа (где Омарова мечеть), весь усыпанный городскими жителями, вышедшими поглазеть на редкое зрелище; на голой земле, на оградных стенах, на крышах, на деревьях – везде народ, масса которого пестреет большими покрывалами женщин и красными фесками мужчин.

Дело, разумеется, не обходится без суматохи: то осыплется каменная стена, сложенная насухо, и облепившая ее публика с визгами и криками катится вниз, а кругом раздается хохот охочего до таких пассажей люда, то хозяин здания или ограды, опасаясь за целостность своего имущества, начнет палкой сгонять приютившихся в его владениях зрителей – новый переполох! – и т.д. Вот издали неясно доносятся звуки военной музыки, – значит, процессия двинулась со двора Омаровой мечети, – публика начала шевелиться, волны ее заколыхались по разным направлениям: всякий спешит занять место поближе к дороге, по которой должны пройти хаджи (паломники). Вот, наверху горы, у самых стен, началось суетливое беспорядочное движение, послышались глухие звуки турецкого барабана, заблестали ружья солдат, выдвинулось над толпою громадное знамя, и военный отряд скрылся в стенах, окаймляющих с обеих сторон дорогу, спускающуюся в долину; с крепости грянул выстрел, за ним другой, прерывая собою военную музыку, свист множества каких-то дудок и стук бесчисленных турецких барабанов – все смешалось и обратилось в какой-то хаос: и звуки, и люди, и краски... Пушечные выстрелы продолжают, показался другой военный отряд наверху, новое громадное знамя и новые дудки и барабаны и военная музыка – и опять все исчезло на придорожных стенах и толпе. Затем снова и снова – то же и то же, кажется и конца не будет всему этому. Наконец, первый отряд вдруг показался внизу, на повороте дороги, – и весь зашевелился у меня на глазах. За маршировав-

шими мерно солдатами и музыкантами следовала в беспорядке первая партия поклонников, одетых в лучшие костюмы; кто верхом на верблюде, на лошади, на осле, кто на собственной подошве. За ними следовали выючные животные. Несколько хаджей несли громадное зеленое, исписанное золотыми буквами знамя, величественно развевавшееся в воздухе; муэдзины пели стихи из Корана; несколько восторженных последователей Магомета скакали, плясали, вертелись, неистово кричали среди толпы хаджей, увеличивая общую суматоху... Показался второй, третий отряд – и та же картина... Пройдя мимо приютившего меня здания, они поворачивали один за другим вправо и, следуя по косоугору Елеона, скрывались вдали за горою. Всех отрядов я насчитал двенадцать. Шествие замыкали губернатор и городские чины, которые, проводив караван, возвратились в город. Народу в этот день было более чем всех жителей в Иерусалиме, ибо к этому времени стекаются мусульмане со всех концов Палестины и даже из других стран; хаджей провожают родные и знакомые; городские жители выходят взглянуть на редкое зрелище...

Возвращаюсь к своей экскурсии. От монастыря святого Герасима я отправился к Мертвому морю. Низменная местность, покрытая мелким и редким кустарником, покрытым соляными кристаллами, по мере приближения к морю становится более и более болотистой. Сверкают на солнце лужи, окаймленные белым бордюром; на месте высохших видны белые пятна – все пропитано солью. Растительность исчезает и пред нами открывается северный берег Мертвого моря. Крутом ни звука, ни движения: ни одной птички, ни одного насекомого. В воздухе абсолютная тишина, солнце печет (это в начале-то февраля!). Тяжелая вода лежит в берегах, как разлитая ртуть, невыносимо сверкая своим серебряным блеском...

Вот и самый берег, заваленный сухими древесными стволами, занесенными из Иордана или других притоков и выброшенными негостеприимным морем. На берегу множество черных камней, пропитанных битуминозным веществом и представляющих красивый и удобный материал для выделки разных мелких вещей, сосудов для вырезки образков, словом всего того, что можно найти в обилии в иерусалимских так называемых «складах священных предметов» (*depots des objets de pitié*).

Я снова, через 20 лет, пожелал искупаться в загадочном море... Желаям испытать на себе действие его воды можно посоветовать запастись деревянными сандалиями, ибо дно покрыто довольно острыми камнями, и по выходе тщательно обтереть тело, так как вода оставляет на нем весьма противное маслянистое вещество, покрывающееся на воздухе весьма мелкими соляными кристаллами, что весьма раздражает кожу и нередко производит сыпи и даже нарывы. Следует также беречь глаза, и вообще слизистые оболочки, и царапины от соприкосновения с водою, имеющей весьма едкое свойство.

В «Епархиальных Ведомостях» 1880 г. уже были напечатаны подробные сведения о Мертвом море, с картою его и долины эль-Араба, а потому я о нем здесь не распространяюсь. Скажу только, что необыкновенной плотности вода его имеет большую разницу с обыкновенно морскою, а значительное содержание брома обуславливает отсутствие в ней органической жизни. Что же касается до целебных ее свойств, то они не подлежат сомнению. Греческие монахи пробовали купаться в ней с лечебными целями, для чего наезжали в монастырь святого Герасима, ближайшее к морю обитаемое здание (в расстоянии часа езды), и в какой-нибудь месяц времени избавлялись от жесточайшего ревматизма, которым Иерусалим, со своим климатом и сырыми, холодными зданиями, щедро награждает постоянных его жителей. Доктор Лорте, путешествовавший по Палестине и Сирии в 1880–82 годах, предрекает Мертвому морю, как бальнеологической станции, громадную будущность и указывает при этом как на самый удобный для нее пункт на Аин Джидди (древний Энгади), на западном его берегу. Вообще, нет сомнений, что Мертвое ныне море со временем будет представлять весьма оживленную местность: тут возникнут и многочисленные лечебницы (на восточном берегу его находится множество горячих минеральных ключей), и добыча асфальта, и соли (на юго-западном берегу, в горе каменной соли Джебель Усдум, на месте нечестивого Содома⁴, и каменного угля (около Керака, на юго-востоке от моря), и железа, сопровождающего обыкновенно каменноугольные месторождения...

Кстати сказать, мне не раз приходило в голову: миф о живой и мертвой воде, играющий такую видную роль в наших народных сказ-

⁴ А из воды Мертвого моря арабы и теперь выпаривают соль.

ках, не возник-ли с рассказов древних паломников о Мертвом море и Иордане? Иорданская вода и ныне в понятиях нашего народа считается имеющей животворящие свойства, и он употребляет ее, когда имеет, в болезнях, отказываясь от всяких других лекарств... Народные мифы слагаются иногда весьма отдаленными путями...

Выкупавшись в Мертвом море и попробовав при этом снова безуспешно нырять в нем и плавать, я, подкрепив свои силы завтраком, набрал по заказу одной барыни-паломницы черных камней и разноцветных сердоликов на берегу и, наполнив морской водой бутылку для моего приятеля, страстного химика⁵, направил путь к Иордану.

Через час езды, следуя на север по долине, вероятно руслу высохшего потока, мы переехали небольшое болото и достигли берега реки, густо обросшей по обоим берегам тополями, акациями и тамариндами, обвитыми ползучими растениями. В том месте, где купаются поклонники, Иордан имеет до 12 сажен ширины и посередине остров, покрытый сплошь деревьями и кустарниками. Течение его чрезвычайно быстро; вода мутная, желто-бурого цвета. Налитая в стакан, она дает большой иловатый осадок и становится совершенно прозрачной; несмотря на некоторую солоноватость, она приятная на вкус.

Быстрота Иордана обуславливается его крутым падением. Самый верхний исток его у Гасбеи находится на 260 сажен выше поверхности Средиземного моря, а устье на 184 сажени ниже ее, что составляет разность в 445 сажен, на протяжении приблизительно по прямой линии около 150 верст. Химический состав воды Иордана не похож на состав обыкновенной речной воды. Анализ ее показывает, что, за исключением брома, она заключает в себе все те элементы, из каких состоит и вода Мертвого моря. Это объясняется геологическими исследованиями Лорте, бывшего в составе экспедиции герцога де Люинь, который пришел к заключению, что в весьма отдаленные времена уровень Мертвого моря был гораздо выше настоящего и бассейн его выдвигался далеко на север, так что ныне Иордан протекает на три четверти всего своего протяжения по бывшему морскому ложу,

⁵ Действительный член Императорского общества охранения народного здоровья Рауль Николаевич Рума, в Перми, определил удельный вес этой воды в 1,175 и нашел плотных частей в литре 21,68; в том числе хлористого натра 13,52, хлористого кальция 2,17, хлористого магния 3,34, хлористого калия 1,21 и бромистого магния 1,09 грамм.

следовательно, по образовавшемуся тысячелетиями толстому слою морских отложений. Естественно, что Иордан растворяет эти осадки, которые и примешиваются к его воде⁶.

Берег Иордана покрыт весьма вязким и скользким глинистым илом и я с большой осторожностью вошел в воду и окунулся в ней. Выше уже было сказано, насколько опасно купанье в Иордане. Кругом раздается громкое щебетанье множества птиц, живущих в прибрежной чаще. Какой-то турок подошел к нам, снял с себя рубаху и штаны, вымыл их в реке, причем и себя обмыл, развесил вымытую одежду на сучьях деревьев, и, в ожидании, пока она просохнет, расположился в тени их в костюме Адама на отдохновение.

Израильтяне, надобно полагать, перешли Иордан под предводительством Иисуса Навина именно в этом месте, где тогда, как и ныне, в сухое время был брод (Нав. 3, 13-17). В 768 году до Рождества Христова Давид бежал за Иордан от возмущившегося Авессалома (2 Цар. 17, 22). В 896 г. в этом же месте перешли Иордан Илия и Елисей (4 Цар. 2, 6-8). Здесь же Иоанн совершил Крещение Спасителя. По свидетельству древних паломников (Григория Турского в VI, Аркульфа в VII, Виллибальда в VIII вв.), здесь, в первые века христианства был сооружен храм, а на самом берегу водружен большой крест, указывавший место священного события, а оба берега реки были покрыты мраморными плитами. Массы поклонников стекались сюда в известную пору года, чтобы, облекшись в саван, долженствовавший служить им покровом по смерти, омыться в волнах священной реки. Больные и, преимущественно, прокаженные прибегали сюда, ища исцеления от своих недугов в воде Иордана.

В 68 году по Рождеству Христову Веспасиан овладел Гадарой в Перее и, направившись к Кесарии, возложил на полководца Плакида преследование бежавших из Гадары жителей. Плакид настиг их у Вефары, на восточном берегу (где Иоанн преимущественно крестил стекавшихся к нему прозелитов). Устрашенные видом римских войск, прибрежные жители присоединились к беглецам, намереваясь укрыться с ними за Иорданом, в укрепленном в ту пору Иерихоне; но Плакид не дал им

⁶ См. «Мертвое море и Нечестивый Пентаполь, по новейшим исследованиям» в «Епархиальных Ведомостях» 1880 года.

времени переправиться чрез реку, и 15.000 бегущих погибли от меча римлян на берегу, множество потонуло в реке, в то время бывшей в разливе; успевших сесть на лодки, чтоб искать спасения на Мертвом море, он преследовал тем же путем и всех их истребил. Из этого видно, что в упомянутую эпоху не только по Иордану, но и по Мертвому морю плавали.

В 30 минутах езды от Иордана находится монастырь *Иоанна Крестителя, по-арабски Казр-элт Иегуди* (иудейский замок). Дорога к нему идет бесплодной местностью, покрытой множеством бугров и прорезанной руслами высохших потоков. Монастырь величественно красуется на возвышенной платформе. По преданию, он был построен императрицей Еленой над пещерой, в коей обитал некогда Иоанн Креститель. На западной стороне внизу монастыря находится цистерна, построенная Юстинианом. Эдризид, арабский географ XII века, свидетельствует, что в то время монастырь был занят греками. В 1211 году Вильбранд Ольденбургский видел церковь монастыря в разрушении. В начале XIV века Рикольд, монах латинского ордена братьев-проповедников, говорит, что нашел в день святого Епифания у развалин монастыря Иоанна Крестителя громадное стечение народа и что в этот день были крещены в Иордане 10.000 человек всех наций. Таким образом, с XIII века монастырь оставался в развалинах. Барский в 1727 году говорит: «Есть же и другой монастырь еще больший⁷, на бреже Иордана стоящ, в имя святого Крестителя Господня Иоанна создан, также раззорен и пуст»⁸. Ныне попечениями Блаженнейшего Никодима, Патриарха Иерусалимского, монастырь восстанавливается с подобающим благолепием. Общий вид его необыкновенно красив. Монастырь окружен стенами с башнями по углам, к юго-западному углу стен примыкает упомянутая выше цистерна, огражденная особой стеной. При входе в ворота представляется дверь и за ним само здание монастыря; посередине обширной террасы, покрывающей нижний этаж, величаво красуется вновь воздвигаемая церковь, а с обеих сторон ее, на некотором расстоянии, устроены кельи монахинь. В нижнем

⁷ Больше монастыря Святого Герасима.

⁸ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока. Издательство Православного Палестинского Общества, СПб., 1885, том I, стр. 377.

этаже восстанавливается древний храм. К сожалению, я застал в монастыре работы в полном разгаре и древний храм был весь заставлен подмостками, так что не представлялось возможности обозреть его. Из монастыря я возвратился без остановок в Иерихон и затем на другой день возвратился в Иерусалим.

Сначала я имел намерение проехать обратно чрез Лавру Саввы Освященного; но, размыслив, что там уже нет того, кого я видел 20 лет тому назад, что теперь должны существовать в Лавре другие порядки, другие люди, что должно произвести, в сопоставлении с воспоминаниями, свежо сохранившимися в моей памяти, тяжелое впечатление, я решил возвратиться в Иерусалим тем же путем, как и приехал. Тот, чьи черты лица я вижу как теперь, хотя прошло уже два десятка лет с тех пор, как я его знал, был смиреннейший из смертных, человек, которого знали и почитали как высшие и низшие чины православной иерархии, так и иноверцы, и духовные, и светские, все без исключения паломники и даже дикие разбойники-бедуины. Его смирение и всеобщая известность были единственной охраной во время его одиночных странствий из Лавры в Иерусалим. Словом, это был игумен Лавры, архимандрит Иоасаф, память о котором живо сохранилась у всех, имевших случай его знать. Я имею полное право сказать, что в жизни моей я видел на земле *святого* человека⁹. Нынешний наместник Троицко-Сергиевской Лавры архимандрит Леонид, бывший после епископа Кирилла начальником нашей Духовной Миссии в Иерусалиме, вспоминая об Иоасафе, выразился мне о нем, что «это был единственный из известных ему людей, молитва которого шла прямо к Богу». Вот кого не стало в Саввинской Лавре, и которого там никто не заменит. Сведения об Иоасафе, заключающиеся в некрологе, напечатанном С. Пономаревым в «Душеполезном Чтении» (май 1874), значительно расходятся с теми, который я лично получил от Блаженнейшего Никодима; и я предпочитаю последние для того, чтобы поделиться ими вкратце с читателями «Епархиальных Ведомостей».

Покойный Иоасаф родился в 1794 году, на острове Кандии. В молодых летах он жил с неким подвижником, тоже кандиотом, и по смерти последнего приехал в Константинополь, где в течение трех

⁹ См. о нем в моей книге «Синай и Палестина».

лет служил келейником у Иерусалимского Патриарха Поликарпа. Находя такое служение не по сердцу, он тайно скрылся, сел на корабль, отправлявшийся в Яффу, и, высадившись в последней, отправился пешком, минуя Иерусалим, прямо в обитель святого Саввы. Долго поиски за ним были тщетны; наконец, Патриарх сообщил о разыскании его в Иерусалиме. Но еще прошло много времени, пока некто, знавший Иоасафа, не сообщил иерусалимскому наместнику, что видел беглеца в Саввинской обители. Наместник распорядился выслать его в Иерусалим. Когда после надлежащего внушения Иоасафу велено было возвратиться к Патриарху в Константинополь, то он заявил, что с ним могут делать что угодно, но возвращаться к месту прежнего служения он не желает, и если его туда вышлют силой, то он снова уйдет. Тогда наместник, сообщив об этом Патриарху, просил его не настаивать на возвращении Иоасафа. Патриарх, в ответ на это, прислал последнему прощение с приказанием жить ему только в Саввинской обители и нигде более. По возвращении в Лавру, Иоасаф был вскоре поставлен в иеромонаха. В Саввинский монастырь часто приходили абиссинские монахи и подолгу там проживали, а некоторые там даже умерли и погребены. От них Иоасаф научился абиссинскому языку и грамоте и затем возгорел желанием проповедывать Православие в Абиссинии. Собравшись тайно, он взял с собой мирро и необходимые принадлежности богослужения, скрылся из монастыря и в 1829 году пришел через пустыню на Синай. Там он оставался довольно долго и потом отправился в Суэц, откуда намеревался отплыть на корабле в Абиссинию, но дорогой напали на него бедуины и ограбили донага. Увидев в этом событии указание, что Провидению было не угодно его намерение, он возвратился в Палестину и, испросив прощение наместника в самовольном поступке, был снова водворен в Саввинской обители, где в 1830 году был поставлен в сан архимандрита и сделан настоятелем, а в 1840 году – духовником Святогробского братства. Со времени своего вторичного поступления в Лавру, он ежедневно отправлял богослужение и наравне с братией все черные работы в монастыре. Все его имущество заключалось в двойном комплекте белья и синей холщовой рясе. Когда он их занашивал до невозможности, то вывешивал снаружи кельи на солнце и надевал запасный

комплект одежды, а, заносив и ее, он снова надевал прежнюю. Иногда монахи тайно брали вывешенные на солнце белье и рясу и, вымыв их, вешали на прежнее место. Заметив это, Иоасаф выговаривал им, а иногда добродушно усмехался. Раз, упавши, он сломал себе ногу и с тех пор несколько прихрамывал. В 1874 году он опасно заболел и был привезен в Иерусалим, где и скончался в греческом госпитале. Останки его, по отпетию, были возвращены в Саввинскую обитель, где и погребены.

Воспоминаниями о святом подвижнике я и заключаю мое настоящее письмо.

Иерусалим

19 мая 1886 г.

Д. Д. Смышляев

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВОСТОКЕ¹

В 1865 году я в первый раз посетил Святую Землю. Ровно через двадцать лет мысли мои снова обратились к Востоку, и я задумал вторичное путешествие в Палестину, а так как я состоял пермским уполномоченным Императорского Православного Палестинского Общества, то, сообщив ему о моем предположении, просил, на время моего отсутствия из Перми, поручить обязанности уполномоченного уважаемому А.А. Маллееву, члену губернской земской управы. Но Провидению, устрояющему пути к нашему благу помимо нашей воли и соображений, угодно было распорядиться иначе. Узнав о моем намерении, Палестинское Общество воспользовалось случаем возложить на меня некоторые поручения в Иерусалиме, которого до тех пор еще не успела непосредственно коснуться его деятельность. Я был приглашен в Петербург, откуда, получив необходимые наставления, 8 октября 1885 года выехал в Москву, а 10-го имел счастье представиться Августейшему Председателю Палестинского Общества Его Императорскому Высочеству великому князю Сергию Александровичу, в селе Ильинском. Прибыв 6 ноября в Иерусалим в качестве простого

¹ Текст печатается в авторской редакции по публикации: Смышляев Д.Д. Воспоминания о Востоке. Пермь, 1890.

поклонника и поселившись, на так называемых «Русских Постройках», заведываемых местным консульством, я познакомился, в общих чертах, со Святым Градом, который в течение 20 лет много изменился, и с его окрестностями, в которых для меня было почти все ново, посетил древнюю землю филистимлян, съездил на Иордан и дожил в Святой земле до праздника Рождества Христова. Палестинское Общество дало мне новые поручения, предложив вместе с тем остаться в Иерусалиме, в качестве его палестинского уполномоченного. Заинтересовавшись делом, я изъявил согласие и прожил, таким образом, в Святой Земле четыре года, возможность чего никогда прежде мне и в голову не приходила. В этот период пришлось мне многое видеть, слышать и перечитать о святых местах Востока, результатом чего и являются мои настоящие «Воспоминания».

ГОРНЯЯ

Горняя – евангельский град Иудин, Аин-Карим по-арабски – находится в двух часах езды к западу от Иерусалима. 18 ноября 1885 года, в 8 часов утра, отправились мы, т.е. начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин, со своим драгоманом Якубом Халеби, и я, в названную местность, – Его Высокопреподобие верхом на лошади, а я и драгоман на ослах. Ехали мы кратчайшим путем, своротив недалеко от города влево с Яффского шоссе. Путь этот, весьма беспокойный, проходит по холмам, сплошь усеянным выступающими высоко из почвы большими камнями, уподобляющими поверхность земли взволнованному бурей и внезапно застывшему морю. Ноги наши беспрестанно цеплялись за камни. Эти камни, выветриваясь, распадаются на более мелкие, а последние обращаются в крупный песок, образующий красновато-бурый, необыкновенно плодородный растительный слой, а там, где камней меньше, видны засеянные ячменем небольшие поля и масличные деревья.

Переехав через несколько горных увалов, на склонах которых разведены виноградники, и оставив вправо видный далеко на севере Дейр-Ясин и выше его, на другой горе, Неби-Самуэль (место рождения и погребения пророка Самуила), мы увидели перед собой глубокую, обширную и живописную долину Терebinтов, вероятно получившую

название от деревьев, которые и теперь то там, то сям величественно красуются по отлогостям. По обе стороны долины видны большие здания, а на дне – арабская деревня Аин-Карим, имеющая до тысячи жителей, в числе коих сотня католиков, 40 греков-униатов и несколько православных; остальные мусульмане, происходящие от мавров, изгнанных из Испании в царствование Фердинанда и Изабеллы. На отлогости, вправо, видны купол и высокие стены, ограждающие латинский монастырь, а за ним – обширные, розового цвета, здания сиротского приюта, построенного Марием Ратисбоном. Влево разбросаны в полугоре веселые белые домики, церковь с колокольней и две гостиницы русского поселка. Проехав через деревню, узкие улицы которой завалены отвратительными нечистотами, мы достигли источника, носящего одинаковое название с деревней. Источник на Востоке представляет своего рода клуб. Около него всегда оживленная толкотня, шум и гвалт, женщины и дети, старики и молодые... Кто моет белье, кто запасается водою, кто просто пришел побеседовать и разменяться новостями. Христиане называют источник Аин-Карим источником Богоматери (Аин-эль-Адра), по предположению, что Божия Мать, гостившая в течение трех месяцев у св. Елисаветы, должна была пить его воду. Источник вытекает из-под полуразрушенного свода, а сверху последнего видна небольшая мусульманская молельня, тоже в развалинах. Вода источника чиста и вкусна и образует ручей, которому долина обязана своим плодородием.

Действительно ли Аин-Карим есть место, где был дом Захарии, и куда приходила Божия Мать для свидания с Елисаветой? Евангелист Лука говорит: *Вставши же Мария во дни оны, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин* (Лк. 1, 39). Здесь город не назван, сказано только, что это город Иудин, т.е. входивший в состав удела Иуды, а затем видно, что он находился в Нагорной стране. Обращаясь к книге Иисуса Навина, мы находим в числе городов, предоставленных колену Иуды, «на горах» (Нав. 15, 48), город Карем (Нав. 15, 59). Слова: «Керем» (по-еврейски), «Карем» (по-гречески) и «Карим» (по-арабски) в переводе значат одно и то же: «виноградник», – следовательно, настоящее название Аин-Карим значит «источник виноградника», «виноградный». Как по созвучию и одинаковому значению названий древнего и нового,

так и по характеру местности – горней, изобилующей и ныне виноградниками, Аин-Карим может быть смело отождествлен с древним Каримом, городом колена Иуды, находившемся «на горах», указанном в Книге Иисуса Навина и не названном в Евангелии. Некоторые комментаторы пытаются переводить слова Евангелиста «в город Иудин» другими словами «в город Ютту», упоминаемым также в книге Иисуса Навина (Нав. 21, 16) и находившемся, по свидетельству святого Евсевия, в 8 римских милях (в 11 ½ верстах) к востоку от Хеврона; но первое толкование настолько удовлетворительно, что можно с полной уверенностью принимать Аин-Карим как место жительства святой Елисаветы и ее свидания с Богородицею.

От источника дорога круто поворачивает вправо. С одной стороны ее возвышается скала с идущей по ней стеной, ограждающей владения отца Антонина, с другой, правой, расположены в виде шахматной доски огороды деревенских жителей, засаженные овощами и турецким перцем. Мы поднялись в гору до площадки, выстланной каменными плитами, находящейся между домом отца архимандрита и латинской церковью святой Елисаветы. Над входной дверью русского дома вставлена мраморная доска с надписью, в которой поименованы жертвователи, при помощи коих была приобретена земля, где теперь существует русский поселок. История этого приобретения такова: сначала отец Антонин купил небольшой участок, примыкавший к месту, где, по преданию, святая Елисавета приветствовала пришедшую к ней Божию Матерь. Это место уже около четырех веков принадлежит католикам. Затем ему удалось приобрести гораздо больший участок, окружающий с трех сторон латинское владение. Этот участок принадлежал турецкому подданному, служившему драгоманом во французском консульстве. Почему-то он поссорился с консульством и поселился на жительство в Аин-Кариме в принадлежащем ему доме.

В это время упомянутый выше Ратисбон отыскивал место в Аин-Кариме для постройки сиротского приюта и наметил для него землю, принадлежавшую означенному драгоману; но тот запросил с него за свои владения 200.000 франков. Находя такую цену слишком высокою, Ратисбон решил выждать для покупки более удобный момент в надежде, что земля от него не уйдет. Но вышло иначе: драгоман,

раздраженный против латинян, продал свое владение архимандриту Антонину за 70.000 франков. Благодаря влиянию бывшего в то время в Иерусалиме министра путей сообщения П.П. Мельникова, некоторые из крупных русских капиталистов, преимущественно железнодорожных строителей, пожертвовали значительную сумму, давшую возможность приобрести землю, и весной 1870 года она перешла вместе с домом французского драгомана в собственность отца Антонина. С новыми приобретениями прилегающих соседних участков русское владение в Горней распространилось до вершины горы и представляет лучший, по климату и живописности, уголок во всей Иудее.

Здесь построена небольшая, но красивая церковь в честь Рождества Богородицы² с колокольной, для которой в прошедшем году один московский купец пожертвовал колокол в 175 пудов; дом драгомана приспособлен для помещения в нем приезжих русских; для поклонников же из простонародья устроен обширный приют. Одиннадцать красивых каменных домиков с плоскими крышами и зелеными решетчатыми ставнями белеют среди различной зелени на отлогости горы; в них живут до 30 русских женщин, выстроивших их за свой счет с дозволения владельца земли. Домики содержатся в большой чистоте, под каждым имеется цистерна, а перед домом цветничок и несколько деревьев. Одна из колонисток, проживши в выстроенном ею домике всего год, умерла. Над ее могилой сооружена небольшая, содержащаяся в большой чистоте часовня, внутри которой виден столик с распятием и иконами, украшенными свежими цветами. Колонистки, одетые в черные платья наподобие монашеской рясы, относятся с большой предупредительностью к посетителям Горней и производят приятное впечатление наружной набожностью и смирением; но, к сожалению, в интимной жизни, надобно сказать правду, далеки от идеала евангельской любви; пересуды и раздоры наполняют все их свободное время, которого им не занимать. Это, впрочем, очень естественно, если принять в соображение, что они не имеют над собой

² [Д.Д. Смышляев ошибся, храм был освящен 30 марта 1883 г. в честь Встречи Божией Матери с прав. Елизаветой. Этот праздник, утвержденный Священным Синодом, именовался «Целование Мариино». Позднее, в Горненском монастыре стала почитаться Казанская икона Божией Матери, которая спасала сестер обители во время эпидемии холеры, и ныне храм именуется в ее честь. – Р.Б.]

главы, могущей иметь на них нравственное влияние, регулировать их ежедневную жизнь, распределяя между ними соответствующие занятия, и успокаивать расходившиеся, под впечатлением различных случайностей, страсти. Русская колония Горней представляет собою стадо без пастыря; каждый здесь сам себе хозяин; нет ни судьи, ни начальства. Правда, до отца Антонина доходят иногда их интимные неурядицы, и он, по возможности, старается поддержать известный порядок и спокойствие; но, во-первых, он живет в Иерусалиме, откуда контролировать жизнь колонисток трудно, а во-вторых, при множестве других разнообразных забот, ему и некогда слишком ими заниматься. Отчего бы ему не завершить доброе дело, организовав из колонисток общину с известным уставом, к чему едва ли бы встретились серьезные препятствия?

Церковь небольшая, но красивая; усердные жертвователи украсили четыре большие местные иконы серебряными ризами. Богослужебные книги употребляются в ней на церковно-славянском и арабском языках; службы совершает священник-араб из находящегося невдалеке селения Беит-Джалы. При церкви устроена хорошая цистерна. На площадке перед входом в храм посажены кипарисы и ливанские кедры.

При гостинице, двухэтажном каменном доме, находится хороший садик, в котором растут яблони, груши, миндаль, лимоны, гранаты, рожковые деревья и 500 маслин. У самого дома возвышается необыкновенной красоты, прямой как стрела, кипарис, издалека обращающий на себя внимание. Верхний этаж гостиницы, куда мы поднялись вслед за отцом Антонином, состоял из двух больших светлых и веселых зал, с окнами на обе стороны, с великолепным видом вглубь долины и на противоположную гору, занятую латинянами; вокруг стены по восточному обычаю поставлены широкие диваны, которые могут служить на ночь и постелью; по стенам развешаны старинные географические карты и большие гравюры. Третья комната, поменьше, в которой есть отверстие для добывания воды из цистерны, устроенной под домом, служит для хозяйственных надобностей. В нижнем этаже – один большой зал, или палата, и кухня. Хозяйничает в гостинице старушка-монахиня, ей помогает пожилая русская женщина из поклонниц. По прибытии нам тотчас подали чай.

После чая отец Антонин занялся хозяйственными хлопотами, а я с его драгоманом отправился в сиротский приют Ратисбона и находящийся недалеко от него латинский монастырь. Обогнув огороды в долине и перебравшись на другую сторону, мы поднялись через деревню в гору, и пред нами открылось большое прекрасное здание, окрашенное приятной для глаз светло-розовой краской, предшествуемое обширным садом. У калитки нас встретил сторож-негр. Оставив здесь ослов, мы прошли через сад к дому. В обращенной на восток открытой галерее нижнего этажа нас встретила сестра и пригласила в приемную, двери которой выходят на галерею. Она спросила мою карточку и отправилась доложить старшей сестре. По восточному обычаю, на столе тотчас же появилась рюмка вина и стакан воды. Вошла старшая сестра, француженка лет сорока, с необыкновенно добрыми чертами лица и, поздоровавшись со мной, предложила выпить рюмку вина, а затем пригласила следовать за ней. Она показала приют во всех подробностях. В верхнем этаже здания помещаются школа и дортуары призреваемых девочек, в нижнем – разные хозяйственные устройства, комнаты сестер и капелла. Всех призреваемых было в данный момент 40 девочек малолетних и 10 более взрослых. Когда маленькие подрастают, их отправляют в Иерусалим, где они заканчивают образование в монастыре – главном учреждении Сионских сестер. Из монастыря же на время посылают в Горнюю взрослых девочек, нуждающихся в укреплении сил превосходным здешним климатом. Почти все сиротки – арабки с Ливанских гор; есть между ними и несколько православных девочек – гречанок из разных местностей. Приютом заправляют восемь Сионских сестер, которые и обучают девочек, и исполняют все хозяйственные надобности без прислуги. За садами безвозмездно наблюдает садовник – баварец, выстроивший при приюте за свой счет домик, в котором он и живет.

Когда мы вошли в класс, девочки встали и громко приветствовали нас. Сестра-учительница спросила, не желаю ли я послушать их пение? Я, разумеется, просил об этом и малютки пропели хором что-то по-арабски. Затем они спели по-французски веселую детскую песенку, сопровождая ее текст соответствующими жестами. Песенка изображает жизнь сиротки в приюте в течение дня. В конце песни малютки, под-

ложив ручонки под головки, склонились к пюпитрам, что означало: девочки в конце дня легли спать. Поблагодарив учительницу за внимание, я вышел из класса под прощальное приветствие девочек. Затем моя путеводительница привела меня в обширный светлый дортуйар. Все кровати железные, тиковые тюфячки набиты морской травой, белье бумажное, при каждой постели два одеяльца, тиковое и байковое. Воздух чистый, опрятность необыкновенная.

Затем мы прошли через маленький дворик, где содержится домашняя птица, хранятся в кладовых хозяйственные припасы и находится прачечная, на кладбище, засаженное кипарисами и кедрами. В углу, налево от входа, находится простая каменная плита, на которой вырезаны слова: *Frère Marie Ratisbonne, decédé le 6 Mai 1884*. Это могила основателя приюта Мария Ратисбона.

Братья Теодор и Марий Ратисбоны представляют замечательный пример евреев, принявших католичество и всю свою жизнь посвятивших религиозно-благотворительной деятельности. Отец их был богатый банкир в Страсбурге. Оба брата получили хорошее образование. Теодор, тайно от своих родных и единоверцев, обратился в христианство в 1838 году, имея 30 лет от роду; он принял монашество, был возведен в сан священника и основал в Париже знаменитую ныне конгрегацию Сионских сестер. Марий последовал примеру брата в 1842 году и, отказавшись от отцовских миллионов, также стал монахом и священником и, одушевленный идеей обращения евреев в христианство, поселился с 1858 года в Иерусалиме. Там он основал монастырь Сионских сестер, построил для него огромное и великолепное здание, включающее в себя часть арки, с высоты которой Спаситель был показан народу, и мужскую профессиональную школу святого Петра, красующуюся на горе в виду святого града, а в Горней – сиротскую школу для малолетних девочек. Кто видел эти учреждения, тот поймет, каких громадных сумм потребовало их устройство. Щедрое приношения, посыпавшиеся со всей Европы и даже из Америки в ответ на воззвание братьев Ратисбон к благотворительности, дали возможность осуществить задуманное.

Провожая меня обратно через сад, сестра обратила мое внимание на апельсиновое дерево, обремененное плодами так, что ветви его

склонились под непосильным бременем до самой земли. На конце одной из них висела громадная гроздь из 18 плодов. При этом она выразила сожаление о недостатке воды для садов и о запоздавшем сезоне дождей, отчего цистерны приюта оскудели. Приюту принадлежит громадный участок земли на склоне горы, по которому устроены террасы для посадки маслин. Это устройство стоило больших денег. Сестра проводила меня до ворот; я поблагодарил ее за внимание и простился с нею, унося приятное воспоминание о сестрах – труженицах и руководимом ими учреждении.

Сев на осликов, мы снова направились в деревню, где остановились у калитки латинского монастыря. Калитка на стук отворилась и к нам вышел францисканец – добродушный веселый старик Даниэль Грегориус. Он привел нас в большую приемную обширной монастырской гостиницы, усадил на диван и, не слушая никаких возражений, побежал распорядиться угощением. Паломнический сезон латинян еще не настал, и монах, видимо, был рад живому человеку. На стенах приемной висели изображения разных латинских учреждений в Палестине и портреты пап Пия IX и Льва XIII, Иерусалимского Патриарха Викентия Бракко и графа Шамбора.

Фра Даниэль притащил поднос, на котором были бутылки с коричневым ликером монастырского приготовления, бисквиты, конфеты, два стакана лимонада и вода. Он принялся нас угощать, а затем монастырский кафеджи, то есть араб, варящий кофе, подал кофе. Фра Даниэль итальянец и подобно своим соотечественникам большой говорун. Мешая французский язык с итальянским и даже испанским, он рассказал нам, что объездил чуть ли не весь свет, жил в Макао, в Мельбурне и Уругвае, – что сделался космополитом и в людях всех наций без различия вероисповеданий видит своих братьев по Христу, что в монастыре, кроме него, живет пятнадцать монахов – все испанцы, что у них есть брат, говорящий на четырнадцати языках, к сожалению, в настоящее время больной и т.д. В заключение, гостеприимный хозяин пригласил нас переночевать в монастыре и непременно хотел угостить обедом, и я не без труда отклонил его любезные предложения. Затем он показал нам гостиницу – огромное здание с 60-ю комнатами для приезжих. Кровати, одеяла, тюфяки прекрасные, комнаты содержатся

чрезвычайно опрятно, но здание сыро и посетителя всюду преследует затхлый запах. Отсюда он провел нас в церковь.

По латинскому преданию, церковь построена на месте Рождества Иоанна Крестителя, отчего и деревня Аин-Карим иначе именуется католиками Святого Иоанна в Пустыне. Первоначальное устройство церкви без малейшего основания приписывается императрице Елене; конечно, она возникла гораздо позже, хотя и неизвестно когда именно. Английский путешественник Зевульф, посетивший Палестину в 1102–1103 гг., указывает здесь ошибочно монастырь во имя какого-то святого Саввы, якобы одного из 72(?) апостолов. Другой паломник, Пипин, в 1320 году описывает церковь во имя Иоанна Крестителя и называет ее древней и прекрасной. В течение большей части XV и XVI веков она была оставлена христианами, которые приходили сюда лишь для поклонения пещере Рождества Предтечи, служившей обитателям деревни загоном для скота. В 1579 году францисканцы приобрели право собственности на эту церковь, очистили ее от грязи, но не жили здесь, а только приходили ежегодно в день, посвященный памяти Иоанна Крестителя, служить Литургии. Несколько лет спустя церковь опять попала в руки магометан, которые снова обратили ее в загон для скота. В 1621 году Кустоду Святой Земли Фоме Наваррскому удалось вернуть ее христианам. Затем она еще раз перешла в руки туземцев, и лишь в 1672 году францисканцы получили султанский фирман на владение церковью и, впоследствии, устроили при ней монастырь и гостиницу для паломников.

Церковь разделена на три нефа и имеет 37 шагов в длину и 20 в ширину; пол вымощен мелкими разноцветными камнями и мрамором, вроде мозаики. Одну из картин, украшающих церковь и изображающую Иоанна Крестителя в пустыне, едва ли основательно приписывают кисти Мурильо; сам фра Даниэль даже высказал сомнение в принадлежности ее великому испанскому мастеру. Главный алтарь посвящен святому Захарии, отцу Иоанна Крестителя, правый придел – посещению Богоматерью святой Елисаветы. Налево находится лестница в 7 ступеней, ведущая в подземную капеллу. Под мраморным престолом последней сделано круглое отверстие, означающее место рождения Иоанна Предтечи. Пять прекрасных барельефов из белого мрамора на

черном фоне изображают посещение Богоматери, Рождество Иоанна Крестителя, Крещение Иисуса Христа и Усекновение главы Иоанна. Шесть неугасимых лампад горят в этой пещере, именуемой пещерою Рождества Иоанна Крестителя. (Надобно, впрочем, сказать правду: предание о месте рождения Предтечи Мессии возникло лишь в эпоху Крестовых походов.)

Оставляя монастырь, я хотел поблагодарить приветливого и гостеприимного старца и предложил ему меджидие (4 франка 25 сантимов), но он решительно отказался принять что-либо за свою любезность и услужливость. Простившись с ним, мы отправились обратно к владениям отца Антонина и, по соседству с его домом, зашли в латинскую церковь, находящуюся на месте встречи Богоматери с Елисаветою. Еще относительно в недавнее время она представляла наполовину развалины, к которым францисканцы приходили ежегодно для совершения Литургии в день посещения Богоматери. 21 февраля 1860 года она окончательно обрушилась вследствие проливных дождей; в следующем же году францисканцы приступили к ее восстановлению. Судя по сохранившимся остаткам, тут существовало некогда большое сооружение, построенное в углу, образованном скалами, так что с востока и юга они ему служили стенами, а с двух остальных сторон была искусственная стена в три метра толщиной. С западной стороны находится входная дверь, внутри стоят огромные столбы, поддерживающие большие арки и своды, из коих некоторые уже обрушились. Там же находится круглый колодезь в три метра глубиной со сводом, под которым постоянно скапливается вода из подземных источников. В дождливое время источник переполняется, и избыток воды стекает по желобу на север, в нижнюю церковь, где также имеется водоем, и откуда вытекает в долину. Несколько восточнее примыкает к этому полуразрушенному сооружению небольшое недавно устроенное здание, заключающее две церкви, из коих нижняя, упомянутая выше, находится на одном уровне с террасою. В восточной высеченной в скале стене имеются две полукруглые абсиды. Здесь, по преданию, святая Елисавета скрывалась с младенцем Иоанном во время преследований Ирода. В толще стены высечена лестница, ведущая в верхнюю церковь, которая стояла частью на нижней церкви, частью на скале к востоку, а

ныне почти совсем разрушена. Здесь, по преданию, снова отверзлись уста захарии, и он воспел хвалу Господу (Лк. 1, 67–79). На север от этой церкви находится внизу в скале небольшая келья, где, по преданию, была погребена святая Елисавета.

При входе в латинское владение нас встретил весьма благообразный старец с большой, белой как лунь бородой, который весьма любезно показал все, о чем была речь выше. Впоследствии я узнал, что этот монах – французский маркиз, тщательно скрывающий свое происхождение. Его уединение разделяет еще один францисканский монах. С соседями они находятся в самых мирных отношениях; нашим русским поклонникам никогда не воспрещается вход в церковь.

В заключение, мы возвратились в дом отца Антонина, где уже был готов обед, состоявший из маслин, сардинок, редьки, лука, салата, приготовленного с помидорами, блинов на сезамном масле, бананов из иерихонского сада отца Антонина и вина из его же мамврийских виноградников. Отдохнув после обеда, мы отправились прежней дорогой в Иерусалим, куда и возвратились уже к закату солнца.

ДРЕВНОСТИ В ПРЕДЕЛАХ РУССКИХ ВЛАДЕНИЙ В ПАЛЕСТИНЕ

С того времени, когда христианство окрепло на Востоке под эгидой Византийских императоров, когда относительная безопасность путей облегчила странствия в Святую Землю и массы верующих устремились по следам венценосных покровителей Христова учения в Иерусалим, возникло как в самом Святом Граде и его окрестностях, так и в разных местах Палестины, освященных памятью о великих евангельских событиях, множество христианских храмов и монастырей. Почти три века христиане жили в Иерусалиме, спокойно предаваясь подвигам благочестия и украшая Святой Град великолепными сооружениями, но нашествие персидского царя Хозроя в 614 году, вторжение вскоре после того (в 636 году) мусульман, овладевших Иерусалимом, изуверство арабов, истреблявших и разорявших христианские святыни в течение IX и X веков, и, наконец, изгнание крестоносцев и взятие Иерусалима Саладином в 1187 году, стерли постепенно с лица земли

памятники древнего христианского благочестия, и теперь только следы разрушенных зданий и подземные некрополи свидетельствуют о золотом веке христианского подвижничества. Приснопамятная по земной жизни Христа Спасителя Елеонская гора, отделяющаяся от Иерусалима Иосафатовой долиной, сплошь покрыта основаниями древних строений и изрыта пещерами, служившими для погребения умерших. Одни армяне имели некогда 70 монастырей в Иерусалиме и преимущественно на Елеоне.

Еще 25 лет тому назад, когда я первый раз был в Иерусалиме, разоренный Елеон представлял совершенную пустыню и только на вершине его, на месте Вознесения Христова, виднелись тощий минарет и невысокий купол магометанской молельни. Даже так называемый Гефсиманский сад не был огорожен, и три древних масличных дерева немилосердно обламывались на память благочестивыми поклонниками. С тех пор произошли большие перемены; гора снова начинает покрываться величественными зданиями. Гефсиманский сад обратился в руках католиков в роскошный, хотя и не особенно изящный цветник; возле него красуется царский храм во имя святой Марии Магдалины в чисто русском стиле. Вблизи места Вознесения, на самой вершине горы, видна другая русская церковь с высокой колокольней, с которой разносятся по пустынной прежде окрестности торжественные звуки большого колокола, как бы возвещающего победу христианства над Кораном. Вправо, из-за горы, выдвигается коническая верхушка колокольни монастыря кармелиток; влево по верхней части горы протянулась длинной полосой ограда обширного места, именуемого Малой Галилеей и принадлежащего грекам, и т.д.

Католики первые начали снова застраивать Елеонскую гору. Родственница Наполеона III, княгиня Латур д'Оверн, графиня Бульонская, приобрела в 1868 году место, на котором, по преданию, Христос научил своих учеников молитве «Отче наш», и выстроила на нем храм и великолепную галерею, на стенах которой вырезана на камне молитва Господня на 30 языках. Затем, конечно, пошли и дальнейшие приобретения.

Примеру латинян последовал начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин, купивший участок земли неподалеку от места Вознесения и впоследствии увеличивший его новыми

приобретениями. На этом участке он построил церковь в византийском стиле позднейшей эпохи – восьмиугольную, с невысоко выдающимся наружу куполом, освященную во имя Спаса Преображения 7 июня 1886 года³. Выше ее, на известковой скале, поставлена массивная четырехугольная колокольня, в четыре яруса, 18 сажен вышиною, с которой открывается обширный и великолепный вид, особенно на восточную сторону; там видны вся горная покатость, Адомим, склоняющаяся до Иорданской долины, самая долина с Иорданом, окаймленным зеленой полосой растительности, южнее – Мертвое море и за ним подернутые лиловым туманом Моавийские горы; на западе нагромождена волнообразная масса Иудейских гор, к сожалению, скрывающая за собою от глаз Средиземное море, в противность ожиданиям отца Антонина, полагавшего, что колокольня будет служить маяком для кораблей и в таком случае думавшего снабдить ее электрическим фонарем. Будучи самым высоким сооружением в окрестностях Иерусалима, она оказалась не бесполезною при окончательных изысканиях, производившихся для линии Яффско-Иерусалимской железной дороги, и, таким образом, принесла некоторую пользу помимо своего прямого назначения.

Скончавшийся в прошлом году соликамский купец Александр Васильевич Рязанцев, трижды на своем веку посетивший Святую Землю, пожертвовал для Елеонской церкви колокол в 308 пудов, с большим трудом доставленный в Иерусалим, но уже давно занявший определенное для него место и оглашающий окрестности Святого Града могучим приятным звуком, напоминающим колокол Пермского кафедрального собора. Внутренность церкви довольно красива и светла, купол не особенно хорошо расписан изображениями святых какими-то заезжими художниками; великолепное хрустальное паникадило, пожертвованное известным заводчиком Нечаевым-Мальцевым, составляет лучшее украшение церкви. Иконостас, исполненный в Москве по рисунку архимандрита, не совсем удался: он вышел низок по размерам церкви, и его пришлось наставить. Часть пола в церкви древняя, оставленная неприкосновенной на том месте, где была открыта.

³ [Д.Д. Смышляев ошибся. Церковь была освящена 8 июня 1886 г. во имя Христа Спасителя, без приурочивания к какому-нибудь храмовому празднику, поэтому позднее она стала именоваться Спасо-Вознесенской. – Р.Б.]

К востоку от церкви отец Антонин построил два дома: один, состоящий из кухни, комнаты для хозяйки и большой палаты с нарами для приходящих поклонников, и другой, основанный на фундаменте древних стен и заключающий в подпольных подвалах обширные древние усыпальницы. Дом этот имеет в длину, от севера к югу, восемь и в ширину шесть сажен, в средней части сзади сделана пристройка пять сажен в квадрате. Средняя часть, кроме того, имеет верхний этаж, заключающий в себе две жилые комнаты и одну прихожую. С северной стороны находятся две входные двери в приемные комнаты нижнего этажа. Пол первой из них, всецело сохранившийся от древнего здания, – мозаичный, составленный из каменных кубиков белого и черного цвета, выложенных в рисунок. Середину нижнего этажа занимает довольно большой зал, в коем сохраняется угловая часть великолепного древнего мозаичного пола две сажени в длину и около сажени в ширину, открытого 31 мая 1871 года. Рисунок изображает широкую узорчатую раму, а в ней сохранились великолепно исполненные из разноцветных мелких кубиков: разрезанный гранат, две кисти винограда, три рыбы, две птицы, из коих одна похожа на гуся, и палестинская овца с большим курдюком. Над рамой находится армянская надпись, которую знатоки переводят так: «В этом месте покоится блаженная Шушанна (Сусанна), мать Ардавана. Гори 18». Года не обозначено. Гори был второй месяц старо-армянского календаря, соответствовавший нашему февралю. Часть комнаты занимает большой шкаф, наполненный множеством разных предметов, найденных при очистке места и во время постройки, в числе коих преобладают разные стеклянные пузырьки и глиняные лампы. Под залой, в подвале, открыты восемнадцать каменных саркофагов, из коих вскрыты два или три, остальные не тронуты. В другом подвале, рядом, также открыты саркофаги. Третий подвал, или вернее натуральная пещера, снабжен каменными закромами, которые сплошь наполнены человеческими костями. В подвалах найдены еще две армянские надписи, исполненные мозаикой на полу. Одна в переводе значит: «Под покровом святого Исайи и блаженных отцов, я, Вахан, соорудил сие кладбище во оставление грехов»; другая: «Для молитвы и в отпущение (грехов) Феакаса, Абаса и Мурвана». По форме букв надписи относятся к V или VI вв. по Р.Х.

К домам отца Антонина примыкает терраса, искусственно возвышенная с восточной стороны. На ней разведена тенистая кипарисовая рощица, выращенная из семян, привезенных отцом Антонином с Синая. Трудно противостоять соблазну отдохнуть в этом прелестном уголке, под сенью тенистых деревьев, в виду расстилающейся перед глазами великолепной панорамы гор и долин, Иордана и Мертвого моря.

К западу от церкви находятся два дома, выстроенных с разрешения владельца земли, на собственные средства иеромонахом Миссии отцом Парфением и купеческим сыном, фамилии которого не помню, выехавшим из России и со всеусердием посвятившего себя обязанностям ключаря и кандиловозжигателя при Троицком соборе на Русских Постройках. Одноэтажный дом отца Парфения состоит из трех домашних комнат и большой приемной залы, мозаичный пол которой всецело сохранился от древности. Площадь перед своим домом и церковью отец Парфений засадил сплошь соснами, кипарисами и масличными деревьями. Позади его дома находится подобный же дом помянутого кандиловозжигателя.

Место, занимаемое описанными зданиями, представляет площадь в три с лишком десятины, имея в длину по направлению от севера к югу 160 сажен и средним числом около 25 в ширину. На этом месте, как видно из вышесказанного, оказались остатки обширных зданий, несомненно, религиозного характера, мозаичные полы, погребальные пещеры, армянские надгробные надписи, древние цистерны и множество древних предметов – оссуариев, ламп, стеклянных сосудов, остатков архитектурных украшений, человеческих костей и т.д. Все это, вместе взятое, несомненно, свидетельствует, что на Елеонском месте, принадлежащем архимандриту Антонину, существовал много веков назад обширный и богатый армянский монастырь с кладбищем.

Первобытные евреи, пришедшие из-за Иордана в Сирию, пользовались для погребения своих умерших готовыми пещерами, бывшими в употреблении у аборигенов страны. Авраам для погребения Сары покупает у Ефрона-гетеевича в окрестностях Хеврона пещеру Макфела. Завернув труп в саван, его клали прямо на пол пещеры. По возвращении из Египта евреи, как видно из многих мест Священного Писания, вынесли некоторые обычаи, напоминающие бальзамирование, хотя,

может быть, они соблюдались только у относительно богатых или пользовавшихся особенным уважением лиц, а именно: тело обвивали пеленами, руки и ноги отдельно; голову завертывали в кусок ткани и впрыскивали или обливали труп пахучими составами, специально приготовленными для погребения умерших и состоявшими из смирны, алоэ (Ин. 19, 39) и других ароматных или острых веществ, в числе которых был, может быть, и асфальт из Мертвого моря, входивший, как известно, главным образом, в состав мазей, употреблявшихся при бальзамировании трупов в Египте. В Евангелии от Иоанна в повествовании о воскресении Лазаря говорится: *И вышел умерши, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его было обвязано платком* (Ин. 11, 44). В другом же месте описывается погребение Христа таким образом: *Итак, они взяли тело Иисуса и повили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают иудеи* (Ин. 19, 40).

Устройство погребальных пещер было со временем усовершенствовано; их стали иссекать в скалах специально для погребения умерших, а для сбережения места делали узкие отверстия вглубь стен погребальных горниц так, чтобы можно было, так сказать, вдвинуть труп в это углубление, под прямым углом к стене. Такие места для трупов у евреев именовались «кокким». Положив труп на место, наружное отверстие, через которое он вложен, закрывали герметически каменной плитой. В некоторых пещерах встречаются одновременно и отдельные комнаты без кокимов, предназначенные для помещения небольшого числа трупов на ложах, параллельных стенам, или в каменных гробах, которые ставились на пол горницы.

Древнейшие некрополи легко отличить по грубости отделки и неправильности плана. К таким, наиболее древним сооружениям, из числа находящихся в русском владении около Иерусалима, принадлежат так называемые гробницы Пророков (Кубур-эль-Энбия), купленные архимандритом Антонином у турецкого подданного, но, к сожалению, пока не укрепленные за ним формальным актом. Они находятся неподалеку от церкви Спаса Преображения к западу на склоне Елеонской горы. В них спускаются по крутой лестнице в несколько ступеней, которая приводит в ротонду – круглый зал, освещенный сверху через круглое отверстие. Из этого зала три очень узких прохода ведут в две

полукруглые и параллельные одна другой галереи, в стенах которых иссечены коккимы – места для трупов, и в несколько небольших отдельных погребальных горниц, доступ в которые весьма затруднителен. В одной из этих горниц были открыты в 1847 году нетронутые коккимы, в которых еще находились трупы, засыпанные известью. Клермон-Ганно, исследуя эти пещеры, нашел в них двенадцать греческих надписей христианской эпохи, из чего следует заключить, что пещеры эти были утилизированы в эту эпоху для погребения христиан, хотя первоначально должны были заключать смертные останки евреев священного сословия, а именно пророков, как показывает сохранившееся по преданию название пещер, хотя неизвестно каких. Не тех ли, несправедливо преданных смерти, для помещения коих устроены были впоследствии эти гробницы нарочно, как бы в искупление соделанной несправедливости, и о которых упоминает Спаситель, обращаясь с упреком к фарисеям: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков* (Мф. 23, 29-30)?

Другой памятник той же категории, но позднейшей эпохи, отличающийся особенной правильностью плана и также принадлежащий отцу Антонину, находится в Кедронской долине, ниже источника Иова (бир-Эйюб), древнего эн-Рогел. Здесь, на восточном склоне горы Злого Сопения, находятся несколько древних, разных размеров некрополей. Отцу Антонину принадлежит наиболее замечательный из них, по чистоте работы и обширным размерам (около 14 сажен вглубь горы и 13 поперек), известный под названием пещер Эр-Романие или Дейр-Эссение. Когда я в первый раз видел эти пещеры, мне был известен только один, весьма неверный план их, помещенный в книге профессора Олесницкого «Святая Земля», поэтому я сделал свой план, который при сем прилагается, так как по нему всего удобнее ознакомиться с типом древнееврейских гробниц. Название «Романие», по мнению профессора Олесницкого, значит гранатовое дерево, на основании чего он полагает, что тут был сад гранатовых деревьев. Не проще ли в названии Романие видеть слово «Романия», коим вообще византийские писатели именовали греческие владения в Европе и Азии, в отличие от

иноплеменных, сарацинских? Тогда название пещер Эр-Романие будет обозначать «Греческие пещеры», т.е. принадлежащие грекам. Это тем более правдоподобно, что арабы и турки и в настоящее время всякое православное греческое владение в Палестине называют Рум. К тому же оно не противоречит и другому названию Дейр-Эссение – «монастырь Эссение», вероятно данному пещерам по преданию о существовании в них в христианскую эпоху православного монастыря. Некоторое подтверждение верности преданию представляют куски штукатурки в первой от входа в пещеры горнице, сохранившиеся на стенах и притом со следами живописи, напоминающей церковную.

Входу в пещеры Эр-Романие предшествовал обширный открытый двор, высеченный в каменной отлогости горы; в настоящее время сохранилась только часть его, прилегающая к самым пещерам. Самый вход в пещеры пострадал от времени и представляет неправильное отверстие около трех метров шириною и вышиною. Оно ведет в первую комнату 14 метров длиною от севера к югу, 4,4 шириною и 3,3 вышиною. Дверь в следующую, вторую, комнату также разрушена и представляет проход в 0,8 – 1,3 м. Вторая комната имеет 5,8 м в квадрате и 5,5 м в высоту. На противоположном западном конце ее пересекает коридор, ведущий вправо и влево (на юг и север) в отдельные горницы А и Б, совершенно одинаковые между собой, имеющие по 4,5 м в квадрате и столько же в высоту, в четырех стенах которых высечено по 11 мест для трупов в каждой комнате.

Посередине второй комнаты открывается коридор на запад в 3,15 м длиною, ведущий в третью комнату 4,4 м в квадрате и 4,4 вышиною, в трех стенах которой высечено 8 мест для трупов. Из этой комнаты, опять на западе, идет еще коридор длиною 4,4 м, через который проникают в последнюю комнату 3,5 м в квадрате и 4 м вышиною. В стенах этой комнаты нет места для трупов, нет и рундука, каким окружены стены всех остальных комнат и который, вероятно, служил седалищем для лиц, участвовавших в погребальной церемонии. Последняя четвертая комната, должно полагать, служила усыпальницею для наиболее важных лиц, трупы которых может быть были поставлены в ней в каменных саркофагах, подобных найденным археологом де Сольси в Царских гробницах (Кубур-эль-Мулук). Профессор Олесницкий видел

в пещерах Эр-Романие человеческие кости, а знаменитый германский палестиновед Тоблер – изображение креста. Я не нашел ни того, ни другого, но в углублениях, где когда-то покоились трупы, заметил в значительном количестве характерный черный порошок, похожий на самый мелкий огнестрельный порох, – вероятно, последний след разложившихся организмов. В северо-западном углу третьей горницы описанных пещер, по-видимому, есть углубление, заполненное землей. Может быть, это спуск в существующий ниже другой подобный некрополь. Любопытно было бы это проверить.

Последняя древность в окрестностях Иерусалима, принадлежащая отцу Антонину, представляет собою единственный в своем роде памятник во всей Палестине. Это так называемый Египетский монолит, находящийся на северо-западном склоне горы Соблазна, в магометанской деревушке Силоам, жители которой наполовину помещаются в древних пещерах, которыми изрыты склоны горы и на коих построены дома деревни. С переходом во владение отца Антонина этот замечательно древний и оригинальный монумент очищен от мусора, которым был завален внутри и до половины высоты снаружи, что дало возможность к ближайшему его исследованию. В 1885 году были сделаны его план и разрез одновременно мной и францисканским монахом Бенедиктом Вламник. Последний делал их для издания «История искусства в древности» Перро и Шипье, где они и помещены в IV томе. Это монолит, иссеченный в крутом обрыве скалы, с которой он соединен задней стороной; с трех же остальных сторон кругом его образовался род двора, отделяющего памятник от окружающих его деревенских жилищ. Вход внутрь памятника открыт с запада. В общем, монумент имеет вид усеченной пирамиды, стены которой, по мере возвышения, постепенно склоняются снаружи внутрь. Вверху он обведен простым карнизом; в высоту имеет 4 метра, длина его по верху платформы 6,1, ширина 5,6 м. В западном фасаде пробита дверь в 1,45 м вышиной, ведущая в небольшую прихожую комнату, из коей другая дверь служит входом во вторую комнату, имеющую по 2,43 м во все стороны; потолок ее иссечен наподобие крыши на два ската, не встречающейся в других палестинских сооружениях, но очень обыкновенной в Египте.

Этот памятник представляется не в первоначальном своем виде.

Авторы названной выше «Истории искусства в древности» говорят: «Мы склоняемся к тому мнению, что сначала не было в нем (памятнике) ни двери, ни горницы, и монумент представлял нечто вроде массивного пьедестала, на платформе коего помещался, быть может, жертвенник, к которому спускались на платформу сзади при пособии небольшой деревянной лестницы. Это было, несомненно, одно из мест идолослужения, какие под конец царствования Соломона возникли у самых ворот Иерусалима. Позже, в царствование которого либо из благочестивых царей, жертвенник был низвергнут, и нашелся желающий воспользоваться монолитом для устройства в нем гробницы; к стороне долины была высечена дверь и внутри погребальная комната. По мнению Клермон-Ганно, это было еще до пленения. Впоследствии дверь была удлинена вверх и вниз и при этом уничтожена надпись, вырезанная над прежнею дверью; только две буквы ее сохранились с левой стороны двери, и их архаическая форма напоминает надпись, открытую в Силоамском источнике, современную царю Езекии. Таким образом, египетский монолит представляется древнейшим памятником, существующим близ Иерусалима и, может быть, единственным, сохранившимся до нашего времени от эпохи, предшествовавшей пленению.

По остаткам живописи в гробницах Гинномской и Кедронской долин можно заключить, что в IV и V веках эти гробницы служили жилищем для христианских отшельников. По всей вероятности, один из таких отшельников приспособил для себя и египетский монолит, после того как он служил гробницею, сделав в стенах ее углубления, служившие ему вместо шкафов, устроив прихожую комнату пред дверью и увеличив дверь, чтоб можно было входить в нее, не нагибаясь».

Еще недавно египетский памятник на короткое время послужил аскетизму, впрочем, довольно своеобразному: в 1885 году в нем пробовала поселиться известная русской публике в Иерусалиме «отшельница» Марина, благочестием которой восторгался некий богомолец, напечатавший свои воспоминания о посещенной им Святой Земле в одном из столичных журналов. Я знаю эту Марину – действительно, уединение для нее по временам не излишне в виду того, что она страдает несчастной болезнью запоя. Ей совсем было бы хорошо в

египетской гробнице, если бы не разбойники-мальчишки деревни Си-лоам, весьма непристойным образом потешавшиеся над ней во время приступа ее обычного недуга и доведшие отшельницу до того, что она должна была возвратиться в грешный мир из своего уединения.

На Елеонской горе в соседстве с Гефсиманским садом построена великолепная церковь в русском стиле на средства Государя Императора и его Августейших братьев, в память в Бозе почивающей Императрицы Марии Александровны, освященная во имя святой Марии Магдалины 1 октября 1888 года. Участок земли, на котором находится церковь, весь изрыт пещерами и цистернами весьма древнего происхождения. В одной из пещер было найдено 1160 серебряных монет времен Крестовых походов. Величиной они в двугривенный и пятиалтынный, довольно тонкие. Все они с одинаковыми изображениями: на одной стороне крест, на другой Давидова башня. Из этой находки у меня имеются две монеты разной величины.

К северо-западу от Яффских ворот, во дворе Русских Построек под мусором была открыта в 1871 году колоссальная колонна, без капители, высеченная из скалы, на месте, обделанная вчерне с трех сторон, но еще не отделенная от скалы. Поперек колонны идет трещина, вероятно, образовавшаяся во время землетрясения, застигшего эту работу, вследствие чего колонна была оставлена в том виде, как она видна теперь. Герен полагает, судя по огромным размерам, что она предполагалась, может быть, для портика древнего храма; но величину колонны показывает неверно, именно: длину в 40 метров, т.е. в 18,75 сажен, и диаметр верхний в 1,7 и нижний в 1,91 м. По моему измерению, она имеет в длину только 41,5 футов, т.е. около 6 сажен, и в диаметре вверху пять и внизу шесть футов. В яму, где находится колонна, спускаются по небольшой каменной лестнице, а по верху яма огорожена железной балюстрадой.

В 1858 году от коптского священника русским правительством был приобретен участок земли в Иерусалиме, прилегающий к греческому Авраамиевскому монастырю и к Абиссинскому монастырю: под последним, как известно, находится пещера обретения Честного Древа Животворящего Креста Господня. Этот участок был сплошь завален мусором на высоту нескольких сажен. Место предполагалось

очистить для постройки на нем дома для консульства; но так как оно оказалось для этой цели тесно, а затем приобретено было за стенами города, по Яффской дороге, громадное место, известное по турецким документам под названием Мейдамской площади и занимающее пространство в 16 тысяч квадратных сажен, то и решено было дом для консульства выстроить на этом последнем месте, а место возле Авраамиевского и Абиссинского монастырей с одной стороны, и базара Хан-эс-Цейт, с другой, было оставлено в том виде, как оно приобретено. Между тем, близость его к храму Воскресения Христова и массы мусора неизвестно что под собою скрывающего, уже давно возбуждали любопытство археологов.

Еще в 1843 году, т.е. задолго до приобретения места русским правительством, прусский консул Шульц открыл близ него на конце базарной улицы торчавшие из земли остовы трех колонн, которые английские археологи Вильямс и Виллис приурочили к остаткам Константиновских сооружений, бывших на месте страданий, смерти и Воскресения Спасителя. В 1861 году граф Мельхиор Вогюэ, известный классическими трудами о ветхозаветном храме и христианских церквах Святой Земли, с разрешения русского консула произвел за собственный счет раскопки на восточной стороне помянутого места. Он очистил найденные Шульцем колонны и за ними открыл остатки древнееврейской стены и ворот. Затем производили раскопки: Вильсон – в 1864 году, Кондер – в 1872-м и Клермон-Ганно – в 1874-м, – но не нашли ничего существенно нового.

В 1881 году Его Императорское Высочество великий князь Сергей Александрович при посещении Святой Земли обратил на значение этого места внимание и предложил возникшему в следующем году под Его Августейшим председательством Православному Палестинскому Обществу произвести на нем полные раскопки на пожертвованные им средства. Для этой цели был приглашен архитектор английского консульства и агент Лондонского Палестинского Общества Конрад Шик, известный своими многолетними трудами и опытностью по части древней топографии Иерусалима, который и приступил к исполнению возложенного на него поручения под руководством начальника Русской Духовной Миссии отца Антонина.

Не буду вдаваться в подробные соображения археологического свойства, не интересные для лиц, не изучающих специально вопроса и не могущих проверить их на месте, и ограничусь лишь сообщением результатов, достигнутых раскопками. Эти результаты сводятся к открытию трех предметов первой важности: остатка второй древнееврейской стены Иерусалима, современной Спасителю и упоминаемой у Иосифа Флавия; древнего порога, который почти с достоверностью можно считать порогом Судных Врат, через который переступил Христос, выходя из города к Голгофе на вольную смерть; древней арки византийской эпохи, которая, вместе с прежде обнаруженными Шульцем колоннами, несомненно входила в состав базилики, построенной императором Константином на месте крестной смерти, погребения и Воскресения Христа Спасителя. Не очевидна ли в этих открытиях рука Провидения, охранявшая в течение веков неприкосновенность этого, отныне священного места, на котором раскопки дали столь неожиданные результаты, прибавив к русскому владению одну из главнейших святынь в Иерусалиме?

Много было толков по поводу означенных открытий, но истина взяла верх и отныне едва ли уже кто искренне сомневается в великом значении русской находки, разрешающей бесповоротно вопрос о подлинности Голгофы и Гроба Господня, заключающихся в Храме Воскресения. Вопрос этот был возбужден несколько десятков лет назад английскими археологами, на основании ошибочного предположения о направлении второй стены Иерусалима, современной Спасителю, направления, которое не указано у историка Иосифа Флавия с ясностью. Известно, с какою строгостью соблюдался евреями закон, воспрещающий хоронить мертвых и производить казни в стенах городов. Исключение из этого закона было допущено только относительно пророка Самуила, погребенного в стенах его родного города Рамафаим-Цофима, и Давида, для гробницы которого было избрано место внутри построенных им стен Сиона. Таким образом, если бы оказалось, что место Храма Воскресения, в коем заключены Голгофа и Гроб Господень, находилась во время земной жизни Христа внутри городских стен, то пришлось бы согласиться, что Голгофу и Гроб Господень надобно искать в ином

пункте, что и делали протестантские ученые, указывая Голгофу в разных пунктах – даже на месте Омаровой мечети и на Мейдамской площади, где теперь существуют Русские Постройки.

Особенно ревностно вопросом о местонахождении Голгофы занимался известный английский авантюрист, погибший в Хартуме генерал Гордон. Он прожил в Иерусалиме довольно долго, тщательно изучая его древнюю топографию и, наконец, укрепился в мысли, что Голгофа была там, где находится, вблизи Дамасских ворот. Это холм, заключающий в себе так называемую по преданию пещеру пророка Иеремии. Этот холм Гордон тщательно измерил и составил чертежи, по которым, по его заказу, была исполнена скульптором Паулюсом точная модель из терракоты. От Паулюса я успел еще приобрести экземпляр этой модели; но в прошлом году какой-то англичанин купил у него подлинные чертежи Гордона и исполненные по ним экземпляры модели, взяв с него обязательство, что он воспроизводить эти модели больше не будет. Что бы это означало? Не имеет ли такое изъятие модели из продажи отношения к результатам, добытым раскопками, произведенными Императорским Православным Палестинским Обществом и обнаружившими остатки второй Иерусалимской стены, направление которой теперь ясно определилось и при котором место, занимаемое ныне Храмом Воскресения с заключающимися в нем Голгофою и Гробом Господним, оказывается находившимся, во время земной жизни Спасителя, за стенами тогдашнего Иерусалима? Ввиду этого, вопрос о подлинности святынь, находящихся в Храме Воскресения, должен отныне сойти со сцены. Как ни неприятно католикам признать важность открытий, сделанных на месте, принадлежащем схизматикам-русским, но и они должны были преклониться перед истиной, как это можно видеть не только из их печатных сообщений, но также и из того, что мне не раз случалось самому видеть католических монахов, приходивших на русское место и подолгу, на коленях, молившихся перед древним порогом, которого коснулись божественные стопы Спасителя в последние минуты Его земной жизни.

На мою долю выпало закончить по поручению Палестинского Общества раскопки в южной нетронутой отцом Антонином части

места, затем очистить все место от мусора, еще в значительном количестве на нем оставшегося, и, наконец, возвести здание, имеющее назначением охранение открытых раскопками древних остатков от вредного действия атмосферических перемен и профанации невежд и фанатиков мусульман. Величественное двухэтажное здание, все из превосходного тесаного камня, закончено вчерне при мне, за исключением северной его части: оставалось лишь покрыть его крышей. Внутри часть здания предназначается для жилого помещения, в остальной предполагается поместить музей палестинских древностей, а при благоприятных обстоятельствах, устроить и храм, где могли бы молиться православные на месте, освященном великими евангельскими событиями.

Во время раскопок открыто было много колонн, капителей и других принадлежностей древних сооружений. В том числе там оказался обломок каменной плиты 50 см в длину и 40 в ширину, на котором сохранились латинские буквы

IMP...

PART...

По объяснению Клермон-Ганно, слово IMP (ERATOR) очевидно показывает, что мы имеем перед собою императорскую надпись. Прозвание PART (HICUS) может принадлежать только Траяну, первому императору, принявшему этот титул (император Парфянский) после экспедиции против парфян, или одному из Антонинов, носивших этот титул после него. Много также находимо было в мусоре медных монет и глиняных ламп. К сожалению, из монет сохранились весьма немногие, остальные до того подверглись окислению, что в руках распадались в мелкие куски.

Афонский монах Иоасаф Плеханов, ныне иеромонах Толгского монастыря Ярославской епархии, в 1883 году приобрел отличный участок земли в Иерихоне, намереваясь устроить на нем православную киновию, но намерению его воспротивилась Иерусалимская Патриархия, и он должен был покинуть Святую Землю. Так как принадлежащее ему место приходилось оставить на произвол судьбы, то он нашел за лучшее предложить его в дар Императорскому Православному Палестинскому Обществу, которое, приняв предложение, поручило

мне оформить законным порядком переход имущества к новому владельцу, что мной и было исполнено в 1888 году. Это превосходное место, именуемое по турецким документам Хакурат-эль-Бирке, занимает пространство около полутора десятин. На нем в нескольких местах открыты остатки древних зданий, обещающие в будущем, при правильных раскопках, много интересных находок. Остатки древних зданий замечены близ северной и южной границ и в центре участка. Уже и теперь случайно открыты великолепный мозаичный пол и множество разных вещей и монет. Из найденных вещей уцелели и хранятся на подворье Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме следующие:

А. Бронзовые:

1. Сосуд, имеющий форму чары с рукояткой, может быть, род ковша для люстральной воды, с отвалом по борту, украшенному по краю сплошным рядом полушарообразных пуговок. Диаметр сосуда от края до края 25 см, ширина отвала 4 см, рукоятка на шарнире, позволяющем пригибать ее к верхней части сосуда; в конце ручки подвижное в ушке кольцо для вешания сосуда на стену; длина ручки 12 см, ширина у борта сосуда три, в конце 14 см. С исподу сосуда круглый поддонок; внутри средняя часть дна круто выпукла. В 1886 году, бывши в Иерихоне, я еще видел его целым, но потом получил уже поломанным.

2. Дверное массивное кольцо, представляющее артистически исполненную голову льва со свирепо наморщенными бровями и высунутым языком; во рту его помещается самое кольцо, подвижное, служившее вместо молотка для стука в дверь. Прибор был прикреплен к двери тремя толстыми винтами, от двух из них видны сквозные отверстия; третий, с круглой шляпкой с внешней стороны, сохранился. Диаметр головы 14 см, кольца 9,5, толщина кольца два сантиметра.

3. Три подсвечника, каждый на трех ножках с острием в верхней части, на которое, очевидно, втыкались восковые свечи. Вышина большего из них 29 см, двух остальных – по 23 см. Ножки большого подсвечника имеют форму больших зубчатых листьев.

4. Круглое массивное церковное кадило с цепями. Нижняя часть его, куда клались угли, имеет вид чашки с небольшим поддонком, с изящными выпуклыми украшениями по внешней стороне чашки, имеющей

в диаметре 12 см и в высоту 6 см. По краям три ушка для цепей, часть которых хорошо сохранилась. Изящные сквозной работы обломки, найденные вместе с чашкой, вероятно, представляют части крышки к чашке. Другие обломки, с выпуклыми украшениями, расходящимися от центра к краям в виде миндалин, может быть, представляют верхнюю часть кадила, за которую священнослужитель берет его при каждении. Тут же найденный небольшой крючок, вероятно, тоже принадлежит к кадилу и служил для вешания его на гвоздь.

Кадило первых времен христианства, называемое *thymiaterium*, *incensorium*, *fumigatorium*, было такое же, какое употреблялись и в языческих храмах: в виде небольшой чашки на подставке, за которую священнослужитель и держал его при каждении. Иногда они бывали очень массивны. Так, император Константин принес в дар базилике Иоанна Латеранского в Риме два кадила из чистого золота, по 30 фунтов весом каждое и одно в 15 фунтов. Кадила с цепями вошли в употребление, может быть, с IX века, ибо изображения таковых имеются в миниатюрах менологов, составленных в IX веке по повелению императора Василия Македонянина, и, во всяком случае, не позже XII века, как свидетельствуют о том их изображения на мозаиках вифлеемской базилики, скопированные в сочинении графа Вогюэ *Les Églises de la Terre Sainte* (стр. 64 и 71 и рис. к последней).

5. Лампочка изящной работы, с выпуклыми украшениями, с ручкой. Отверстие, через которое вливалось масло, вероятно, было снабжено крышкой, от которой сохранилась при лампочке часть шарнира, а против него, на другом краю отверстия, небольшое ушко, за которое, может быть, была прикреплена цепочка, с висящими на ней щипцами для поправки светильни, как это встречается часто в древних лампочках, но не для подвешивания лампочки, для чего потребовалось бы две или три цепочки, следовательно, было бы два или три ушка. Лампочка, очевидно, была не висячая, что подтверждается небольшим сквозным отверстием посередине дна, показывающим, что она была укреплена неподвижно на подставке, которая в данном случае не сохранилась.

6. Небольшая, очень хорошая фигурка собаки.

7. Эфес от меча.

Б. Красной меди:

Две небольшие подковы из красной меди, какие доныне в употреблении для мужской кожаной обуви сирийских горцев. Такие медные подковы фабрикуются преимущественно в Дамаске.

В. Из обожженной глины:

Несколько лампочек, большой горшок, мелкие сосуды, разных форм и величины.

Г. Мраморная:

Часть ступки, украшенной снаружи скульптурными изображениями.

Нет сомнения, что на месте, где были найдены перечисленные вещи и мозаичный пол, существовал некогда великолепный христианский храм, и будущие раскопки, наверное, подтвердят это предположение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ Д. Д. СМЫШЛЯЕВА ПО ПАЛЕСТИНОВЕДЕНИЮ¹

1. Палестина: Из путевых записок пермяка // Записки для чтения. 1867. № 2/3. С. 95–212.
2. Синай и Палестина: Из путевых заметок 1865 года. – Пермь: Тип. губ. земской управы, 1877. – 243 с. – (Издано в пользу семейств павших в борьбе с турками черногорцев); То же: М.: Индрик, 2008. – 288 с. – (Русский паломник).
3. На пути к Синаю: (Из путевых заметок 1865 года) // ПЕВ. 1877. 19, 26 окт., 30 нояб., 7 дек. (№ 42, 43, 48, 49); 1878. 18 янв., 1 февр. (№ 3, 5). – Подпись: Д. См-въ; См. также: На пути к Синаю: Две главы из путевых заметок 1865 года. – Пермь: Тип. губ. земской управы, 1878. – 73 с. – (Издано в пользу Русского добровольного флота).
4. Мунк С. География Палестины / пер. с фр. Д. Смышляева // ПЕВ. 1878. 8, 29 марта, 5, 12, 15, 26 апр., 3, 10, 17, 24 мая, 14, 21, 28 июня, 12, 19, 26 июля, 2, 9, 16, 23 авг. (№ 10, 13-21, 24-26, 28-34). То же: Пермь: Тип. Л. Никифоровой, 1878. – 104 с.
5. Мунк С. Еврейские древности / пер. с фр. Д. Смышляева // ПЕВ. 1878. 13, 20 дек. (№ 50, 51); 1879. 24, 31 янв., 7, 14 февр., 21 марта, 4, 11, 18 апр., 9, 16 мая, 6, 13, 27 июня, 4 июля, 12, 19, 26 сент., 3, 17, 24, 31 окт., 14, 21, 28 нояб., 5, 12, 19, 26 дек. (№ 4-7, 12, 14-16, 19, 20, 23, 24, 26, 27, 37-40, 42-44, 46-52); 1880. 9, 16 янв., 12, 19, 26 марта (№ 2, 3, 11-13). То же: Пермь: Тип. Л. Никифоровой, 1879. – 283 с.
6. Мертвое море и нечестивый Пентаполь: По новейшим исследованиям // ПЕВ. 1881. 22, 29 апр., 6, 13, 20 мая. (№ 16–20). – Подпись: С-въ. См. также: Мертвое море и нечестивый Пентаполь по новейшим исследованиям. – Пермь, 1881. – 36 с: 1 л. карт.
7. Современная Палестина // ПЕВ. 1881. 20 мая. (№ 2). – Подпись: (La Science pour tous).

¹ Библиография подготовлена на основании: Дмитрий Дмитриевич Смышляев. (1828-1893): Библиографический указатель / МУК ОМБ Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина; сост. и ред. Т.И. Быстрых. Пермь, 2009. – 256 с. – (Смышляевский сборник. Вып. 1).

8. Православное Палестинское Общество // ПЕВ. 1882. 17 марта. № 11.
9. Религиозная пропаганда в Палестине // ПГВ. 1882. 24, 27 марта. (№ 24, 25); ПЕВ. 1882. 17 нояб. (№ 46). – Подпись: С.
10. Тивериадское озеро и его фауна // ПЕВ. 1882. 28 апр. (№ 17). – Подпись: Д.С. То же: ПГВ. 1884. 11 янв. (№ 3). – Подпись: С. (Отд. отт. 1884. – 7 с.)
11. Священное писание и наука // ПГВ. 1882. 19 июня. (№ 49). – Без подписи.
12. Религиозная пропаганда в Палестине // ПЕВ. 1882. 17 нояб. (№ 46). – Подпись: С.
13. Европейский элемент в Яффе // ПГВ. 1882. 23 дек. (№ 103). – Подпись: С.
14. Текущая деятельность Православного Палестинского Общества // ПГВ. 1883. 29 янв. (№ 9). – Подпись: С.
15. Текущая деятельность Православного Палестинского Общества // ПГВ. 1883. 28 мая. (№ 43).
16. Палестинский канал // ПГВ. 1884. 7 янв. (№ 2). – Подпись: С.
17. Письма с Востока. Письмо первое: От Одессы до Иерусалима // ПЕВ. 1886. 16 апр., 1 мая. (№ 8, 9). – Подпись: Пермяк.
18. Письма с Востока. Письмо второе: экскурсия в землю Филистимлянскую // ПЕВ. 1886. 16 июня, 1 июля. (№ 12, 13). – Подпись: Пермяк.
19. Письма с Востока. Письмо третье: Иерихон. Мертвое море. Иордан // ПЕВ. 1886. 1, 16 нояб. (№ 21, 22). – Подпись: Пермяк.
20. Подворье Палестинского Общества в Иерусалиме. Доклад, читанный уполномоченным ППО в Иерусалиме Д.Д. Смышляевым в заседании Отделения пособия паломникам 3 февраля 1887 г. – СПб., 1887. 11 с.
21. Письма с Востока. Отд. отт. – Пермь, 1888.
22. Доклад Совету Православного Палестинского Общества о постройке приютов для поклонников и предохранительного здания на месте раскопок, произведенных возле храма Воскресения. – СПб., 1888.

23. Воспоминания о Востоке // ПЕВ. Из содержания: Горня. – 16 янв., 1, 16 февр., 1, 16 марта, 1, 16 апр. 1890. (№ 2-8); Древности в пределах русских владений в Палестине (с рисунком). – 1, 16 авг., 1 сент. 1890. (№ 15-17); Население Иерусалима. – 1 окт. 1890 (№ 19); Условия жизни в Иерусалиме. – 1 июня 1891. (№ 11); Из Одессы в Александрию. – 16 июня 1891. (№ 12); Древний Египет и его религия. – 1 авг. (№ 15).
24. Воспоминания о Востоке. – Отд. отт. – Пермь, 1890.
25. Из жизни Востока: религиозные торжества и общественная жизнь в Иерусалиме // Странник. 1890. № 11. С. 540-547.
26. Синай и Палестина: [Отрывки из книги] // Православная Пермь. 2008. № 4-7, 10, 11.
27. Смышляев Д.Д. Из воспоминаний Д.Д.Смышляева о Палестине / Сообщила Н. Одуевская // Пермские Ведомости. 1914, 30 марта; 2 апреля.

Сокращения:

ПГВ – Пермские губернские ведомости

ПЕВ – Пермские епархиальные ведомости

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ДОКЛАДОВ

Аксенов Александр Иванович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, член Ученого совета Института российской истории РАН.

Баяндина Нина Петровна, кандидат исторических наук, начальник Управления по связям с общественностью и средствами массовой информации Законодательного собрания Пермского края.

Бутова Ритта Борисовна, кандидат исторических наук, секретарь Московского областного отделения Императорского Православного Палестинского общества, исполнительный директор Елизаветинско-Сергиевского просветительского общества.

Житенев Сергей Юрьевич, кандидат культурологии, президент Международной туристской академии.

Иринарх, епископ Пермский и Соликамский (2002–2010), в настоящее время епископ Красногорский, викарий Московской епархии, председатель Синодального отдела по тюремному служению.

Колбас Владимир Сергеевич, историк, краевед, член Союза журналистов России, председатель Пермского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Корчагин Павел Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии Уральского отделения РАН, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, доцент кафедры древней и средневековой истории России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Лисовой Николай Николаевич, доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Императорского Православного Палестинского общества, член Союза писателей России.

Марченко Алексей, протоиерей, настоятель храма Всех Святых г. Перми, доктор исторических наук, кандидат богословия, первый проректор Пермской духовной семинарии, заведующий кафедрой теологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Перескоков Лев Валентинович, историк, краевед, председатель Пермского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Смирнова Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, директор издательства Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

**ОТ ПЕРМИ ДО ИЕРУСАЛИМА:
ПУТЬ И ПОДВИГ Д. Д. СМЫШЛЯЕВА.
К 180-летию со дня рождения**

Материалы церковно-научной конференции
(Пермь, 26 марта 2008 года)

Научный редактор Р. Б. Бутова

Подписано в печать 20.12.2012. Формат 145 x 210. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Издание Пермского отделения Императорского Православного Палестинского общества.

ООО «ПК «АСТЕР», 614064, г. Пермь, ул. Усольская, 15; т./ф.: (342) 249 54 01
e-mail: aster@aster.perm.ru, сайт: www.aster-print.ru

Все права защищены. Копирование, тиражирование и использование в любой форме
посредством любых систем воспроизведения содержания книги без письменного разрешения
Пермского отделения Императорского Православного Палестинского общества не допускаются.

9 785905 906091

